

Максим Кирчанов

**[Пост]колониальные ситуации:
среднеазиатские национализмы в
контексте политических
модернизаций**

Воронеж
2010

УДК 39.5
ББК 63.5
К 436

Рецензенты:

Мурад Эсенов (Доктор политологии, Директор Института Центральноазиатских и Кавказских исследований, главный редактор журнала «Центральная Азия и Кавказ», Лула, Швеция)

Славомир Горак (Доктор философии, Институт международных исследований, Факультет социальных наук, Карлов Университет, Прага, Чешская Республика)

К 436 Кирчанов М.В. [Пост]колониальные ситуации: среднеазиатские национализмы в контексте политических модернизаций / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – 186 с.

В монографии анализируются проблемы развития национализма в Средней Азии. Показаны направления формирования политической идентичности в советских республиках. Автор рассматривает особенности проявления и функционирования националистического дискурса в гуманитарных исследованиях. Анализируется роль интеллектуальных сообществ в развитии среднеазиатских национализмов. Особое внимание уделено проблеме функционирования националистического дискурса в транзитных обществах.

постколониализм – ориентализм – Средняя Азия – Узбекская ССР – Туркменская ССР – Таджикская ССР – Республика Узбекистан – Республика Туркменистан – Республика Таджикистан – национализм – националистические движения – национальное государство – политическая нация – интеллектуальные сообщества – интеллектуальные пространства – националистическое воображение – историческое воображение – тюркизм – арийство – воображаемые сообщества – транзитные общества – национализирующиеся государства

УДК 39.5
ББК 63.5
К 436

Внимание! Некоторые источники, на которые ссылается Автор, содержат ненормативную лексику. Предполагается, что книгу будут читать взрослые люди.

© М.В. Кирчанов, 2010
© ФМО ВГУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

1. Введение. Национализм, ориентализм и постколониализм	4
2. Превосходство «Советского», универсальность «Другого»: формируя и кодифицируя интеллектуальное пространство среднеазиатских национализмов	24
3. Между тюркским и ирано-таджикским мирами: проблемы написания историй республик Средней Азии как национальных	46
4. Нации, классы и народные массы: «дружба народов», русские культуртрегеры и советская идентичность в Средней Азии	73
5. Среднеазиатские национализмы между этническим и политическим: союзная республика как Nation State от расцвета к угасанию	93
6. Узбекская интеллигенция в условиях постколониальности: интеллектуальные координаты культурного пространства	109
7. Родина стоит дорого: русские и таджики, свои и чужие (постколониальность в современной русской прозе)	130
8. Арийство, ислам и суверенитет: идеологические ориентиры политического языка в современном Таджикистане	144
9. От советского к национальному авторитаризму: идеологические координаты политического языка в Туркменистане	161
10. Заключение. Среднеазиатские национализмы: постколониальность, уникальность, серийность	178
11. Аннотированная библиография	182

ВВЕДЕНИЕ. НАЦИОНАЛИЗМ, ОРИЕНТАЛИЗМ И ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ

Среднеазиатский регион почти не затронут научным воображением российских исследователей национализма¹. Американские и европейские националисты открыли этот регион относительно недавно. Рост интереса к среднеазиатским национализмам был связан с распадом Советского Союза и появлением новых независимых государств в Средней Азии. Относительно постколониального статуса Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и возможности изучения среднеазиатских национализмов рамках постколониальной парадигмы в научной литературе не существует единого мнения. Американская исследовательница Лора Адамс в связи с этим констатирует, что «равнозначны ли приставки “пост-” в словах “постколониальный” и “постсоветский”?» - таким вопросом задается специалист по африканской и афроамериканской литературе в статье, вышедшей в 2001 году. Спустя несколько лет в журнале, опубликовавшем этот материал, была организована дискуссия на тему “Постколониальны ли мы? Постсоветское пространство”. Специалисты по постколониализму, в основном литературоведы, внезапно озаботились “геополитическим исключением” советского и постсоветского пространства из своих теоретических выкладок. Такая постановка вопроса, как представляется, вполне справедлива. Ведь постколониализм имеет отношение к “силам угнетения и доминирования, действующим в современном мире: его ландшафт определяется политикой, в основе которой – антиколониализм и неоколониализм, раса, национализм и этничность, гендер и класс”. Это довольно

¹ Одно из немногих исключений – исследование С. Абашина, посвященное среднеазиатским национализмам. См.: Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007. К сожалению, книгу С. Абашина, написанную на стыке советских / российских этнографических концепций и западных теорий национализма, к чистым национализмоведам работам отнести нельзя. Тем не менее, работа С. Абашина – хорошая попытка «расшатать» устои постсоветского исследовательского дискурса.

широкое описание, но оно все же затрагивает Центральную Евразию отнюдь не меньше, чем какой-либо другой регион мира»².

Анализируя эту проблему, следует определиться с терминологией. Под национализмом Э. Геллнер понимал «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать»³. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»⁴. Вероятно, сложно не согласится с подобными утверждениями, если они касаются западной истории. С другой стороны, насколько они применимы к изучению Востока? В концепции, предложенной Э. Геллнером, современное государство было той единственной и монопольной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Геллнер полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает»⁵. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма.

Эта роль государства как форматора национализма и идентичности или государства как организатора модернизации или социальных трансформаций просматривается на Востоке, в том числе и советском, где авторитарный режим конструировал воображаемую географию, перестраивая под нее политическое пространство, в рамках которого создавались новые или подвергались радикальной ревизии уже сложившиеся идентичности. В такой ситуации националистический принцип возникал посте-

² См.: Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>. См. также: Adams L. Can We Apply a Postcolonial Theory to Central Asia? / L. Adams // *Central Eurasia Studies Review*. – 2008. – Vol. 7. – No 1. P. 2 – 8.

³ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23.

⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

⁵ Там же. – С. 30.

пенно: доаграрные сообщества не знали ни национализма, ни государства; аграрные общества знали государство, но не знали национализм; индустриальные – знали и то, и другое. Такая трех-этапная хронология, по мнению Э. Геллнера, имела универсальный характер⁶.

Государство сможет узнать, что такое национализм только в том случае, если возникнет нация. Культура, в том числе и связанная с исламом, стала той категорией, которая сыграла ведущую роль в постепенной трансформации традиционных аграрных сообществ. Важнейшим достижением культуры на уровне аграрного общества, по мнению Э. Геллнера, было изобретение письменности, что позволило создать, с одной стороны, класс грамотных людей, а, с другой, дало возможность записывать, сохранять, транслировать и видоизменять информацию. Именно появление письменности дало возможность начать постепенную модернизацию общества, что на раннем этапе выразилось именно в распространении грамотности: «поначалу никто не умел читать, затем читать научились немногие и, в конце концов, читать стали все»⁷.

Если перенести это геллнеровское определение на Восток, тогда – восточные национализмы суть идентичны западным, отличаясь от них исключительно территорией своего распространения и доминирования. В этой ситуации национализмы на Востоке подобно западными серийны, а если серийны, то, следовательно, постмодерны. Комментируя ситуацию в обществах, переходящих от традиционности к современности, Ш. Эйзенштадт⁸ подчеркивал, что одна из ведущих ролей может принадлежать именно религиозным факторам: «это проявляется, прежде всего, в характерных ритуалах восстания, в которых социальные отношения оборачиваются вверх дном, высокие становятся низкими и на-

⁶ Российский исследователь С. Абашин, комментируя теорию Э. Геллнера, полагает, что в «этой стройной конструкции места национализму явно не было». Абашин С. Геллнер, «потомки святых» и Средняя Азия между исламом и национализмом / С. Абашин // Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007. – С. 210. Но, если нет условия для возникновения национализма, то каковы истоки модернизации и социальных изменений?

⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 37.

⁸ О теории Ш. Эйзенштадта см.: Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008.

оборот, не порождая, однако, новой концепции порядка или авторитета»⁹.

Вероятно, эта тенденция политического участия нашла свое отражение в восстаниях, инициаторами которых были религиозные исламские радикалы или реформаторы. Фундаменталистские тренды в исламе, в частности – различные радикальные шиитские течения, могут играть на Востоке ту роль, которая в значительной степени сходна с тем социальным значением, которое приписывается западному национализму. Восточный национализм, в отличие от западного, мог развиваться под религиозными лозунгами, преследуя при этом светские цели модернизации. В этом контексте различные формы исламского радикализма на Востоке играли ту роль, что в Европе играли националистические движения угнетенных наций, которые актами своего политического и социального протеста постепенно разрушали фундамент имперской лояльности, способствуя замене имперского типа национальным государством.

На протяжении последних трех столетий западный интеллектуальный дискурс развивался в условиях триумфа окцидентализма (идеи Запада). Именно европейские окциденталисты создали ориентализм – комплекс западных представлений о Востоке, хотя западная гуманистика самым термином «ориентализм» обязана европейски образованному арабу, американскому профессору Эдварду Саиду. Европейские интеллектуалы, отягощенные бременем колониализма и мучимые комплексом постколониализма, не могут достичь консенсуса относительно проблемы исторической роли Запада на Востоке. Западный мир пришел на Восток как колонизатор и в течение нескольких столетиях европейские страны доминировали на Востоке, в Азии и в Африке.

Термин «ориентализм» в научном дискурсе возникает в конце 1970-х годов, что было связано с появлением одноименной книги американского ученого палестинского происхождения Эдварда Вади Саида (1935 – 2003)¹⁰. Для американского академиче-

⁹ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. – С. 95.

¹⁰ Об Эдварде Вади Саиде см. подробнее и весьма пространное послесловие (точнее – текст, который демонстрирует, как не надо писать послесловия) к русскому изданию «Ориентализма»: Крылов К. Итоги Саида: жизнь и книга / К. Крылов //

ского сообщества Эдвард Саид был в значительной степени маргинальной фигурой – неамериканец, неевропеец, араб, палестинец, активный сторонник палестинских националистов¹¹, которые боролись за создание независимого Палестинского государства... Впрочем, сам Э. Саид своего арабского палестинского национализма, некоего присущего ему антисемитизма в этническом плане и антисионизма¹² в политической сфере, никогда и не скрывал. Саид был оригинальным политическим и культурным мыслителем, основная заслуга, которого состоит, вероятно, не просто в разработке теории ориентализма (которая позднее трансформировалась в постколониализм), но и в том, что он придал некий стимул интеллектуальной активности представителей угнетенных и неполноправных народов.

Именно после появления в 1978 году «Ориентализма» в общественно-политических дискурсах зависимых и независимых стран Азии, Африки и Востока, среди национальных интеллектуальных сообществ «большого» Советского Востока национальный протест и социальное несогласие стали сливаться и переплетаться. В этом и последующих разделах мы остановимся на своеобразных национальных ориентализмах и попытках представителей национальных исследовательских сообществ найти компромисс между вызовами восточной и западной политической и культурной идентичности, между ориентализмом и окцидентализмом. В концепции Э.В. Саида, работа которого «Ориентализм»¹³ уже превратилась в своеобразный участок памяти для

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006. – С. 598 – 635.

¹¹ В этом контексте показателен скандал 2000 года, когда уже смертельно больной Эдвард Саид посетил Южный Ливан, из которого к тому времени совсем недавно вывели оккупационные израильские войска. Приехав на границу, Э. Саид был сфотографирован с камнем, который он бросил (или собирался) бросить в сторону Израиля.

¹² Одну из своих статей Э. Саид, например, назвал «Клевета в сионистском духе».

¹³ Первое английское издание книги вышло в 1978 году. К настоящему времени этот труд переведен на более чем десять языков, в том числе – и на языки Центральной и Восточной Европы. См.: Саид Э. Ориентализмът. Западни концепции на Изток / Е. Саид. – София, 1999; Said E. Orientalizam / E. Said. – Zagreb, 1999; Said E. Orientalizam / E. Said. – Beograd, 2000; Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Сходу / Е. Саїд. – Київ, 2001; Саид Э. Ориентализм / Е. Саид. – Скопје, 2003; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.

европейских и американских интеллектуалов¹⁴, одной из центральных является идея, согласно которой формирование восточных образов в западном интеллектуальном дискурсе было связано с появлением воображаемой географии. В связи с этим, Э. Саид писал, что «...Восток – это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний...»¹⁵.

Для Э. Саида само понятие «ориентализм» в такой ситуации оказывается связанным с интеллектуальными исканиями европейских и российских интеллектуалов, политиков и завоевателей, который открывали и создавали для себя и своих обществ мир Востока: «...французы и англичане, и в меньшей степени – русские, немцы, итальянцы, испанцы и португальцы – имеют давнюю традицию ориентализма, определенным образом общения с Востоком...»¹⁶. Конкретизируя свое понимание ориентализма Э. Саид писал: «...“ориентализм” – это родовой термин, который я применяю для описания западного подхода к Востоку как к предмету познания, открытия и практики...»¹⁷. Подобный ориентализм формирует особый образ Востока как «системы репрезентаций, сформированных целым рядом сил, которые ввели Восток и Запад в западную науку»¹⁸.

По мнению Эдварда Вади Саида, западный, европейский и / или американский, ориентализм тесным образом связан с политикой, являясь одной из форм легитимации подчиненного, неравноправного и / или отсталого положения Востока в современном мире. В такой ситуации «выводы» многих «ориенталистов», как

¹⁴ Перцепция и развитие идей Э. Саида представлены в целом ряде работ. См.: Decolonial Voices. Chicana and Chicana Cultural Studies in the 21st Century / eds. Arturo J. Aldama and Naomi N. Quiñonez. – Bloomington – Indianapolis, 2002; Frabkenberg R., Mani L. Crosscurrents, Crosstalks: Race, “Postcoloniality” and the Politics of Location / R. Frabkenberg, L. Mani // Displacement, Diaspora, and Geographies of Identity / eds. Smadar Lavie and Ted Swedenburg. – Durham – L., 1996. – P. 273 – 294; Mignolo W.D. Local Histories / Global Designs. Coloniality, Subaltern Knowledges and Border Thinking / W.D. Mignolo. – Princeton, 2000.

¹⁵ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006. – С. 7.

¹⁶ Там же. – С. 8.

¹⁷ Там же. – С. 115.

¹⁸ Там же. – С. 313.

полагал Э. Саид, политически маркированы и детерминированы, что связано с перерастанием колониализма в постколониализм¹⁹, а так же активизацией и политизацией Востока, который не желает мириться со своим статусом как части воображаемой географии Запада: «...как только на исламском Востоке назревают революционные беспорядки, социологи напоминают нам, что арабы вообще любят поговорить, тогда как экономисты – эти “перекрашенные” ориенталисты – заявляют, что для современного ислама в целом ни капитализм, ни социализм не являются адекватными категориями...»²⁰.

Ориентализм трансформируется в идеологическое обоснование угнетенного статуса Ориента, отсталости Востока, а так же культурной, политической и экономической гегемонии Запада: «...по мере того, как антиколониализм охватывает и объединяет восточный мир, ориенталисты осыпают проклятиями эти процессы не только как досадную неприятность, но и как помеху всем западным демократиям...»²¹. Подобные крайности западного варианта ориенталистского мышления Э. Саид связывал с родовыми травмами западной модели знания о Востоке. По мнению Саида, европейский ориентализм – исключительно рефлексия и только спекуляция о Востоке, которая не предусматривает реального знания и не содержит принятия Востока как равного и не

¹⁹ О постколониализме и постколониальной интерпретации ориентализма см.: Spivak G.G. Poststructuralism, Marginality, Postcoloniality and Value / G.G. Spivak // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 57 – 84; Appiah K.A. Is the Post- in Postmodernism the Post in Post- Postcolonialism / K.A. Appiah // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 85 – 104; Bhabha H.K. Postcolonial Criticism / H.K. Bhabha // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 105 – 133; Mbembe A. Provisional Notes on Postcolony / A. Mbembe // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 134 – 174; McClintock A. The Angel of Progress: Pitfalls on the Term “Post-Colonialism” / A. McClintock // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 175 – 189; Coronil F. Can Postcoloniality be Decolonized? Imperial Banality and Postcolonial Power / F. Coronil // Postcolonialism. Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / ed. D. Brydon. – L. – NY., 2001. – Vol. 1. – P. 190 – 206.

²⁰ Саид Э. Ориентализм. – С. 168 – 169.

²¹ Там же. – С. 169.

способствует формированию уважения к восточной культуре²². Саид настаивал, что ориентализм в том виде, в котором он существует на Западе, направлен на разную аудиторию – на собственно Ориент (который он конструирует и воображает), на ориенталиста (занятого воображением и конструированием Ориента) и на западного массового потребителя ориенталистской продукции²³.

Ориентализм, по мнению Э. Саида, представляет собой сложное и многоплановое явление. С одной стороны, ориентализм – это и «сфера научного исследования»²⁴. С другой, ориентализм связан со значительным количеством нарративов, далеких от научного дискурса. В этом контексте ориентализм – не просто сфера академического, научного и институционализированного знания, это – и «знание второго порядка»²⁵, которое проявляется в традиционной, бытовой и материальной, культуре Востока. На интеллектуальной и культурной карте Запада ориентализм стал синонимом слабости Востока и олицетворением триумфа окцидентальной модели знания, управления и развития. В основе самого термина «ориентализм», по мнению Э. Саида, лежала дихотомия «Восток – Запад», почти изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток).

Не удивительно, что в этом контексте ориентализм в большей степени методологически и интеллектуально был зависим от Запада, чем от Востока²⁶, формированием образа которого он занимался. Ориентализм для Э. Саида – это не просто «интеллектуальная власть западной культуры над Востоком»²⁷ и «культурный и политический факт»²⁸, но это – и «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и почти всегда “Запада”»²⁹. В этом контексте Восток – не более чем часть европейского гуманитарного знания³⁰. Ориента-

²² Там же. – С. 170.

²³ Там же. – С. 106.

²⁴ Там же. – С. 78.

²⁵ Там же. – С. 83.

²⁶ Там же. – С. 38.

²⁷ Там же. – С. 35.

²⁸ Там же. – С. 24.

²⁹ Там же. – С. 8.

³⁰ Там же. – С. 67.

лизм – это и уникальное культурно-интеллектуальное пространство, которое сформировалось в результате функционирования, сосуществования и диалога европейских империй, доминировавших на Востоке.

Поэтому, ориентализм – это и «динамический обмен между отдельными авторами и крупными политическими темами, заданными тремя великими империями – Британской, Французской и Американской – на чьей имажинативной территории это и создавалось»³¹. В такой ситуации в рамках европейского научного, интеллектуального, культурного и художественного дискурса Восток конструировался как своеобразное «имажинативное исследование», в центре которого было «полновластное западное сознание»³². Эдвард Вади Саид полагал, что изучение ориентализма может и должно иметь междисциплинарный характер в силу того, что ориентализм представляет собой и функционирует как взаимоотношения и взаимовлияния между обществом, историей и текстуральностью³³.

Своеобразным интеллектуальным бэк-граундом для ориентализма была европейская идея. Постоянные рефлексии европейских интеллектуалов относительно того, что является Западом и Европой стимулировали формирование ориентализма. Именно поэтому Э. Саид настаивал, что европейский ориентализм никогда не мог отойти далеко от самой идеи Европы – «коллективного понятия, отделяющего нас, европейцев в противоположность всем им, неевропейцам»³⁴. Запад на протяжении всего своего сознательного существования именно как Окцидента сознательно и намеренно выстраивал в значительной степени негативный и непривлекательный образ Ориента как мира доминирования агрессии, насилия и жестокости.

Восточные интеллектуалы, живущие и преподающие в западных университетах, по мнению Э. Саида, испытывали на себе некоторые проявления западного ориентализма. Комментируя собственный опыт взаимоотношений с западным (американским) исследовательским университетским сообществом Эдвард Вади

³¹ Там же. – С. 27 – 28.

³² Там же. – С. 17.

³³ Там же. – С. 42.

³⁴ Там же. – С. 16.

Саид писал, что «...жизнь палестинского араба на Западе (в особенности – в Америке) приводит в уныние. Здесь практически все согласны с тем, что политически его как бы не существует, а если ему и позволяют существовать, то в виде досадной помехи, “восточного человека”. Паутина расизма³⁵, культурных стереотипов, политического империализма обволакивает всякого араба или мусульманина...»³⁶. В этой ситуации мы снова возвращаемся к тому, что ориентализм может быть интерпретирован как личный, совершенно сознательный исследовательский выбор, как со стороны европейцев и американцев, так и со стороны арабов и мусульман Запада. Кроме этого, Ориент – не просто сумма представлений, мифов и стереотипов о нем со стороны Окцидента, но и особые отношения между господином и рабом, колонизатором и колонизированным³⁷. В этом отношении ориентализм представляет собой «западный стиль доминирования»³⁸ или осуществления и функционирования власти Запада над Востоком, который, за исключением значительной части исламских регионов, был для Окцидента «сферой непрерывного и безраздельного доминирования»³⁹.

Поэтому, отношения между Западом и Востоком почти всегда развивались как отношения силы и господства. В такой си-

³⁵ О роли и месте расовых идей в формировании и функционировании ориентализма см.: Alexander N. The “Moment of Maneuver”: “Race”, Ethnicity and Nation on Postapartheid South Africa / N.Alexander // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 180 – 195; Kaivar V., Mazumdar S. Race, Orient, Nation and the Time-Space of Modernity / V. Kaivar, S. Mazumdar // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 261 – 298.

³⁶ Саид Э. Ориентализм. – С. 46.

³⁷ О феномене европейского колониализма и его интеллектуальных последствиях см. подробнее: Barnes A.E. Analyzing Projects, African “Collaborators” and Colonial Transcripts / A.E. Barnes // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 62 – 97; Tavokali-Takhi M. Orientalism’s Genesis Amnesia / M. Tavokali-Takhi // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 98 – 125; Venkatachalapathy A.R. Coining Words: Language and Politics of Late Colonial Tamilnadu / A.R. Venkatachalapathy // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaivar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 126 – 145.

³⁸ Саид Э. Ориентализм. – С. 10.

³⁹ Там же. – С. 115.

туации Восток для западных европейцев⁴⁰ не имел самостоятельного интереса, а был интересен исключительно как завоеванная территория: «...Азия говорит через и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии...»⁴¹. Это привело к тому, что в рамках европейской модели знания о Востоке Европа будет всегда доминировать, что выражалось в интеллектуальной формуле: «...Европа могущественна и может отчетливо выражать свои мысли, Азия – побеждена и удалена... именно Европа говорит за Восток...»⁴². Иллюстрируя эту особенность западной перцепции Востока через отношения подчинения – доминирования, Э. Саид обращался к британскому политическому опыту доминирования в мусульманском Египте. По мнению Э. Саида, в Британской Империи существовала своя особая колониальная ориенталистская логика⁴³, согласно которой «...Англия знала Египет, Египет – это то, что знала Англия; Англия знает. Что Египет не способен к самоуправлению; Англия подтверждает это оккупацией Египта; для египтян Египет – это то, что оккупировала Англия...»⁴⁴. Египту принадлежит особая роль в формировании европейской модели знания о Востоке.

Именно поэтому, почти каждый западный европеец, если он начинает говорить о Востоке, то он «неизбежно оказывается расистом, империалистом и почти всегда этноцентристом»⁴⁵. Эдвард Саид полагал, что именно французское вторжение в Египет стало важнейшим стимулом для возникновения западных востоковедных исследований, «открыв пространство для ориентализма», что было связано с использованием Египта как своеобразной площадки для интеллектуальной рефлексии и спекуляции в виду того, что «...Египет и другие исламские земли стали рассматривать как живую провинцию, лабораторию, арену для испытания

⁴⁰ См.: Kaiwar V. The Aryan Model of History and the Oriental Renaissance: the Politics of Identity in the Age of Revolutions, Colonialism and Nationalism / V. Kaiwar // *Antinomies of Modernity. Essays on Race, Orient, Nation* / eds. V. Kaiwar and S. Mazumdar. – Durham, 2003. – P. 13 – 61.

⁴¹ Саид Э. Ориентализм. – С. 89.

⁴² Там же. – С. 90.

⁴³ О формировании английского ориентализма см. подробнее: Кирчанов М.В. *Imagining England: национализм, идентичность, память* / М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 56 – 66, 166 – 172.

⁴⁴ Саид Э. Ориентализм. – С. 53.

⁴⁵ Там же. – С. 315.

эффективности западного знания о Востоке...»⁴⁶. Таким образом, в рамках европейской перцепции Восток утрачивал свой самостоятельный статус, быстро деградируя до одного из многочисленных интеллектуальных, культурных и политическим объектов на воображаемой карте Востока. В этой ситуации для Британской Империи Восток был обречен на то, чтобы быть в центре интеллектуальных рефлексий, но не обладать при этом самостоятельным характером. Это было вызвано тем, что, по мнению Э. Саида, Запад не занимался изучением Востока, а создавал Восток для себя и под себя. Комментируя эту особенность окцидентальной перцепции Востока, Э. Саид писал, что в политическом лексиконе, например, британских политиков «...восточный человек изображен как тот, кого судят (как в суде), кого изучают и описывают (как в учебном плане), кого дисциплинируют (как в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать (как в зоологическом справочнике)...»⁴⁷.

И именно в этой ситуации, по словам Э. Саида, Восток подвергся ориентализации исключительно в силу того, что его можно было подчинить, превратив в зону доминирования Запада. Поэтому, Ориент – это, вероятно, не реальность, а совокупность интеллектуальных рефлексий, спекуляций и конструкций. Только в такой ситуации Восток смог стать «неотъемлемой частью европейской материальной культуры и цивилизации»⁴⁸. Процесс формирования ориентальных нарративов, по мнению Э. Саида, связан с функционированием отдельных национальных исследовательских и научных сообществ, в рамках которых формировались различные варианты восприятия и понимания всего восточного: «...всякий, кто преподает Восток, пишет о нем, или исследует его, – а это относится к антропологам, социологам, историкам и филологам, – будь то в его общих или частных аспектах, оказывается ориенталистом, а то чем он / она занимается, – это и есть ориентализм...»⁴⁹.

Эдвард Саид полагал, что в классической схеме европейского западного ориентализма значительное внимание уделялось рели-

⁴⁶ Там же. – С. 67.

⁴⁷ Там же. – С. 63.

⁴⁸ Там же. – С. 8.

⁴⁹ Там же. – С. 9.

гиозному фактору. Религиозные границы были наиболее отчетливыми и ощутимыми, существование которых не надо было и не имело смысла доказывать западному обществу. Наиболее важная интеллектуально-религиозная граница, отделявшая Восток от Запада, пролегла, как полагал Э. Саид, в исламе. По мнению Э. Саида, Окцидент был не в состоянии выработать нормального и объективного знания об исламе – именно поэтому в западном мире ислам почти всегда ассоциировался с «ужасом, опустошением и демоническими ордами ненавистных варваров»⁵⁰. Формирование подобных страхов в Европе стало результатом доминирования в регионе «жестко заданного христианского образа ислама»⁵¹. С другой стороны, Э. Саид указывает, что антиисламские фобии в Европе возникли не случайно: «представления европейцев о мусульманах, арабах или турках были одним из способов контроля над грозным Востоком»⁵².

В этом контексте значительной близости между носителями восточного и западного национализмов Бенедикт Андерсон вообще ставит под сомнение необходимость и целесообразность разделения национализма на «западный» и «восточный»: «я не думаю, что наиболее важные различия между национализмами – в прошлом, настоящем или ближайшем будущем – проходят по линии Восток-Запад. Самые старые национализмы Азии – здесь я имею в виду Индию, Филиппины и Японию – намного старше многих европейских... подобие национализма Мэйдзи мы находим в османской Турции... индийский национализм аналогичен тем национализмам, которые можно найти в Ирландии и Египте. Следует добавить, что представления людей о Востоке и Западе со временем менялись»⁵³.

Вероятно, уместна параллель между Э. Геллнером и Б. Андерсоном, который тоже не был чужд интереса к исламу. Бенедикт Андерсон в «Воображаемых сообществах» высказал мысль, что ислам абстрактно или принадлежность к исламской умме в частности могут оказывать и оказывают влияние на формирование отдельных региональных или локальных «воображаемых со-

⁵⁰ Там же. – С. 94.

⁵¹ Там же. – С. 97.

⁵² Там же. – С. 95.

⁵³ Андерсон Б. Західний націоналізм і східний націоналізм: чи є між ними різниця / Б. Андерсон // І. Незалежний культурологічний часопис. – 2003. – Число 28.

обществ». Ислам может акцентировать принадлежность к вообразаемому сообществу как нации (например, индонезийцам, арабам, туркам), но и к более широкому сообществу – большой исламской умме. Хадж – один из наиболее действенных, практических и символических, способов подчеркнуть свою идентичность и лояльность своему сообществу («религиозные паломничества – это, вероятно, самые трогательные и грандиозные путешествия воображения»⁵⁴), продекларировать для верующих мусульман свою принадлежность к двум сообществам – своей нации, к которой они непосредственно в силу рождения и социализации принадлежат, и к исламской умме, к которой они тяготеют в виду религиозного воспитания. Исторический триумф национализма в Европе совпал с победным шествием «высокой культуры».

В связи с этим, Э. Геллнер писал, что «распространение высоких культур (стандартизированных, опирающихся на письменность и экзотизирование коммуникативных систем) стало процессом, быстро набирающим обороты во всем мире»⁵⁵. Именно поэтому, в новом обществе постепенно наступает триумф новой культуры, которая в итоге и конструирует такой тип идентичности, которая делает возможным появление и дальнейшее существование национализма. Нечто подобное исследователи могут наблюдать и в мусульманских обществах, которые так же испытали на себе противоречия «высокой» и «низкой» культур. На момент восстановления политической независимости исламские страны могли в разрешении этой проблемы пойти двумя путями. По мнению Э. Геллнера, с одной стороны, они могли начать модернизацию в форме вестернизации, или, с другой стороны, впасть в воспевание и идеализацию собственного прошлого.

Комментируя дилемму восточного исламского националистического выбора, Э. Геллнер писал, что «обычно в таких обществах всеми силами стремятся избавиться от унижительного ярлыка “отсталости”...после дискредитации старого режима и связанной с ним высокой культуры перед ними открываются два пути: либо копировать иноземные образцы... либо идеализировать местные народные традиции, усматривая в них глубокие внут-

⁵⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 76.

⁵⁵ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 125.

рение ценности»⁵⁶. Политическая и культурная уникальность мусульманского выбора в данной непростой ситуации состояла в другом. Мусульманские интеллектуалы отказались и от первого и от второго вариантов. Местные восточные интеллектуальные сообщества оставили иностранцам (как правило, собственным колонизаторам – европейцам) идеализацию своей народной культуры, которые окружили жизнь восточных народов романтическим ореолом в духе британской литературы викторианской эпохи.

В этой ситуации перед восточными интеллектуалами открылась возможность конструирования и утверждения новой идентичности, взяв за основу подлинно местные (а не придуманные европейскими путешественниками, писателями и интеллектуалами) традиции. Исламская умма постепенно стала подвергаться секуляризации, чему способствовал в значительной степени западный колониализм и знакомство местных элит с европейской «высокой культурой». Секуляризированная умма, вооруженная европейским национализмом и придуманным теми же европейцами ориентализмом, стала более мощной религиозной и политической институцией, чем была до прихода европейцев. Европейские университеты стали школой национализма для верхов уммы, а разрушенная европейцами архаика восточного города приучила к национализму массы. Комментируя эту особенность постколониального анализа, Л. Адамс указывает на то, что «постколониальная теория тяготеет к диалектической трактовке истории: противоречия, внутренне присущие колониализму, создают условия, обеспечивающие постепенное разрушение колониальной системы... колониальные державы оправдывали свое правление, подчеркивая прогрессивную и модернизирующую роль, которые они играли в колонизируемых обществах. Но этот дискурс содержит внутреннее противоречие между присущей ему модернистской, универсалистской идеологией и отстаиванием культурных различий для обоснования доминирования колонизатора над колонизируемым. Именно усилия империй по модернизации породили националистические элиты, сумевшие обратить

⁵⁶ Там же. – С. 33.

логику универсалистского дискурса против колонизаторов»⁵⁷. Иными словами модернизация, проводима по инициативе центра (колонизатора) способствовала, в том числе и на территории советской Средней Азии, постепенной эрозии западного контроля над колонизированным пространством. В этой ситуации европейские интеллектуалы и западные культуртрегеры выступают в качестве создателей современных идентичностей и национализмов, которые ставили под сомнение колониальный статус среднеазиатских республик, что вело не только к появлению новых государств, но и институционализации их постколониального статуса.

При этом восточное восприятие национализма в мусульманских регионах нередко было весьма специфическим при условии наличия в национализме мощного модернизационного тренда. Восточный национализм нами рассматривался, как правило, как национализм, в отличие от западного, более поздний хронологически, как своеобразный национализм второго порядка. С другой стороны, возникает логичный вопрос: Насколько принцип национализма уникален для Запада и в какой степени он универсален для Востока? Иными словами, мог ли национализм возникнуть в восточных обществах без европейского влияния? Обязательным ли условием для развития национализма является секуляризированное, раннее – христианское, общество или ислам так же благоприятствует возникновению и развитию национализма?

В 1994 году Э. Геллнер развил свои предположения 1980-х годов в отношении ислама в контексте модернизации и развития национализма в своей последней книге «Условия свободы». Геллнер попытался показать, что для ислама, как и для христианства, характерен значительный модернизационный импульс и, поэтому, в возникновении и развитии национализмов в исламских обществах и государствах нет ничего удивительного. Конкретизируя эту идею, Геллнер писал, что «функционирование ислама в традиционном обществе можно описать как длящуюся и постоянно возобновляемую Реформацию, в каждом цикле которой пуританский импульс религиозного возрождения оборачивается усилением прямо противоположных социальных требований

⁵⁷ Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>

и движений»⁵⁸. Геллнер полагал, что социальная функция ислама в формировании национализма, националистических движений и идентичностей становится более заметной, если мы обратимся к такому феномену как исламский фундаментализм⁵⁹. Геллнер, хотя и уделял значительное внимание восточным обществам, тем не менее, полагал, что национализм характерен в первую очередь именно для Запада. По его мнению, на Востоке функциями аналогичными западному национализму обладает фундаментализм. В связи с этим Э. Геллнер писал, что «то же происходит и в исламе... но находит выражение в фундаментализме, чем в национализме... исламский фундаментализм способен играть ту же роль, что и национализм»⁶⁰. В советских республиках Средней Азии национализмы были латентны, проявлялись не в политической, но в большей степени культурной, научной и интеллектуальной жизни. Ислам, как и религия вообще на территории СССР, в среднеазиатских республиках был подвержен сознательной маргинализации. Американская исследовательница Л. Адамс, комментируя особенности развития националистического дискурса в Средней Азии, полагает, что «среднеазиатским республикам бывшего СССР независимость была в 1991 году навязана (это произошло всего лишь через несколько лет после того, как местные националистические элиты осмелились открыто критиковать советскую власть), общества Центральной Евразии вполне могут оказаться в неоднозначной ситуации, которую пока нельзя назвать постколониальной»⁶¹. Вероятно, республики региона можно анализировать в рамках постколониальной парадигмы, но во внимание следует принимать и то, что постколониальные республики не прошли через этап демократизации, что привело к установлению в них авторитарных не только национализирующих режимов, но и режимов, столкнувшихся с вызовами не только

⁵⁸ Там же. – С. 30.

⁵⁹ В середине 1980-х годов Э. Геллнер высказал предположение, что «исламская реформация была склонна к национализму, иногда очень походила на него, а иногда была и неотличимой». См.: *Islamic Dilemmas: Reformers, Nationalists and Industrialization. Southern Shore of Mediterranean* / ed. E. Gellner. – Berlin – NY. – Amsterdam, 1985. – Р. 8.

⁶⁰ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 32, 34.

⁶¹ Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>

альтернативного гражданского национализма, но и исламского фундаментализма.

Исламский фундаментализм в ряде регионов своей эволюцией, религиозными практиками и политическими стратегиями показал, что обладает значительными социальными и политическими потенциями, будучи в состоянии мобилизовать массы и предложить им новые идентичности – политические, культурные, религиозные, социальные. Вероятно, ислам в состоянии делать это и без европейского / американского (западного) влияния. В 1983 году в книге «Мусульманское общество» Э. Геллнер писал: «я могу представить, что случилось бы, если бы арабы победили в битве при Пуатье и продолжили завоевание и исламизацию Европы. Нет сомнения, что мы восхищались бы книгой Ибн Вебера “Хариджитская этика и дух капитализма”, которая окончательно показала бы, как современная экономическая и организационная рациональность могла развиваться только благодаря неохариджитскому пуританизму в Северной Европе... в частности, этот труд показал бы, почему современная экономическая рациональность никогда бы не сформировалась, останься Европа христианской»⁶². Условия для модернизации и, как следствие, развития национализма возникают не только в христианских странах подверженных секуляризации, но и в мусульманских обществах, степень секуляризации которых продолжает оставаться незначительной.

Вернемся к проблеме, о которой речь шла выше – возможности изучения среднеазиатских национализмов в рамках постколониальной парадигмы. Американская исследовательница М. Адамс полагает, что «что касается ученых, посвятивших себя изучению Центральной Евразии, то в наших рядах, за некоторыми исключениями (среди которых, например, Бхавна Дэв и Дениз Кандийоти), о постколониальной теории в основном помалкивают. В литературоведении, скажем, постколониальная теория с легкостью циркулирует от региона к региону, но перед историками и специалистами по социальным наукам постоянно возникают какие-то барьеры, интеллектуально препятствующие приложению постколониального дискурса к изучаемым нами странам. Самым незначительным из этих барьеров можно признать недос-

⁶² Gellner E. Muslim Society / E. Gellner. – Cambridge, 1983. – P. 7.

таток общей подготовки по части социальной теории, испытываемый специалистами регионального профиля. Многие из нас обескуражены постмодернистским стилем изложения и таким же мироощущением, преобладающим в работах, посвященных постколониальной теории, или же просто чувствуют затруднения в переформатировании аналитических выкладок литературных критиков в концепты, применимые в социальных науках»⁶³. В этой ситуации применение методов постколониальной теории ведет к тому, что исследователи, которые занимаются изучением национализма, оказываются вынуждены применять теории, которые воспринимаются большинством исследовательского сообщества как маргинальные. С другой стороны, радикальная эпистемология и попытки применения, переложения постколониальной теории на регионы, которые до этого анализировались в рамках преимущественно нарративной советской модели гуманитарного знания, может привести к интересным и оригинальным результатам.

Отвечая на вопрос относительно возможности применения постколониальной теории для изучения Средней Азии, Л. Адамс дает в целом положительный ответ: «на этот вопрос следует ответить утвердительно, хотя им предстоит заняться еще глубже и основательней. Те из нас, кто изучает современную культуру, политику, экономику и международные отношения, должны перейти от простого заимствования описательных терминов и выискивания броских параллелей к действительному применению постколониальной теории в анализе и использованию рассматриваемых случаев для критики и уточнения теории. Постколониальная теория снабжает нас новой оптикой, которую стоит опробовать в отношении изучаемого нами региона. Новый инструмент ценен тем, что он позволяет не только раскрыть постколониальную природу нынешней Центральной Евразии, но и выявить отличия ее социума от других постколониальных обществ... исследование среднеазиатских обществ поможет совершенствованию постколониальной теории через приложение ее к более широкому спектру имперских проектов, в особенности тех, в основе которых лежали некапиталистические способы домини-

⁶³ Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>

рования... ученые должны сочетать интерпретационные прозрения, извлекаемые из анализа того, каким образом концепт империи дискурсивно применяется в Центральной Евразии, с теоретизированием по поводу конкретных черт колониализма, основанным на сравнении с обществами, находящимися за пределами постсоветского мира... это не только снабдит нас аналитическим инструментарием, совершенствующим наши концептуальные предпосылки, но и поспособствует переводу нашей темы с научной периферии в самый центр академических дебатов»⁶⁴.

Автор полагает излишним комментировать это суждение американской исследовательницы. Последующие разделы настоящей монографии представляют собой попытку переложения постколониальной теории к изучению как советской, так и постсоветской Средней Азии. Развитие исторических исследований, формирование концептов самости и чуждости, которые протекали в рамках авторитарной советской модели модернизации и культуртрегерской миссии среднеазиатских русских, вело к складыванию туркменского, таджикского и узбекского национализмов. На протяжении семи десятилетий среднеазиатские национализмы существовали в рамках советской авторитарной модели, которая срослась с местными традиционными институтами. В результате этого синтеза распад Советского Союза привел к институционализации постколониального статуса Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Среднеазиатские национализмы оказались отягощены авторитарным опытом, который, в отличие от восточно и центральноевропейских национализмов, не стал гарантией демократизации, но, наоборот, способствовал росту этнических трендов в развитии среднеазиатских национализмов, смыканию националистического этнического дискурса с исламскими фундаменталистскими трендами.

⁶⁴ Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>

ПРЕВОСХОДСТВО «СОВЕТСКОГО», УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ «ДРУГОГО»: ФОРМИРУЯ И КОДИФИЦИРУЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СРЕДНЕАЗИАТСКИХ НАЦИОНАЛИЗМОВ

В советских теориях модернизации национальным проблемам и национальным вопросам уделялось особое внимание, что было вызвано тем, что в рамках официального советского дискурса СССР позиционировался как государство, которое смогло решить национальный вопрос на качественно новых условиях и построить современное, прогрессивное по сравнению с более ранним периодом, государство в плане национальных отношений. Изучение этой темы было призвано играть в Советском Союзе ту роль, которую в западной политологии, социологии и культурологии играл постколониальный анализ. И советские, и западные авторы занимались в этом контексте изучением проблем в значительной степени сходных, но в настоящем разделе, вероятно, необходимы несколько вводных замечаний. Формой доминирования и преобладания идентичности, точнее – средством ее транслирования в общество, были исторические нарративы – устоявшиеся в рамках того или иного социума, или исследовательского сообщества, мнения и точки зрения относительно важнейших проблем прошлого и современности. «Развитие национальной историографии – часть эволюции современной идентичности»⁶⁵, – подчеркивает Зенон Евген Когут. История в рамках авторитарных режимов традиционно использовалась как канал, «...при помощи которого сохранялась идея гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагалось и будущее...»⁶⁶. С другой стороны, в СССР исторический исследования зависели

⁶⁵ Когут З.Є. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 187.

⁶⁶ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

от политической динамики, что породило феномен, определяемый как «крайняя политизация историографии»⁶⁷.

Эти концепты, как правило, были результатом политического консенсуса, выработки консолидированной позиции, которая нередко формировалась под давлением цензурных ограничений и требования демонстративного выражения политической лояльности существовавшему авторитарному режиму. Объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности⁶⁸. Американский украинский историк Зенон Евген Когут подчеркивает, что восприятие истории было и остается основным полем битвы за идентичность⁶⁹. Ситуация развития идентичностей на территории советской Средней Азии осложнялась рядом факторов. Административные границы не совпадали с этническими. Регион в советский период развивался в рамках авторитарной политической модели. Модернизационные перемены имели место, но форсировались правящими элитами и поэтому нередко имели поверхностный характер. В регионе советской Средней Азии (в Туркменской, Таджикской, Узбекской ССР) сложился гибридный тип политической идентичности, которая, с одной стороны, была окцидентальной, западной (советский коммунизм, хотя и был советским, но возник на базе идеологии, проникшей с европейского Запада), но, с другой, оставалась ориентальной восточной: среднеазиатские республики были мусульманскими, отличаясь значительным уровнем сохранения неформальных традиционных отношений и институтов.

Рефлексия относительно Запада / Окцидента была характерна и для восточных интеллектуалов. С другой стороны, на протяжении XX века Ориент подвергался значительным культурным, политическим, идентичностным и социальным трансформациям,

⁶⁷ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

⁶⁸ См. об этой проблеме подробнее: Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. – 2001. – No 1. – P. 41.

⁶⁹ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 219.

сталкиваясь с вызовами европейских идеологий, в первую очередь – коммунизма и национализма. В ряде случаев националистические и коммунистические концепты могли сочетаться и взаимодействовать, что было характерно, в частности, для советских республик Средней Азии, где политическая культура советского периода развивалась, вероятно, как сознательный синтез национальной идентичности и политической лояльности. В этой ситуации в советской Средней Азии возник своеобразный феномен – восточный по местоположению, но европеизированный по методологии подход к Востоку. Для интеллектуалов среднеазиатских советских республик Европа и европейское влияние нередко ассоциировалось не с Западом, а с Россией. Но при этом, в условиях существования авторитарного политического режима, который требовал от гуманитарного сообщества, проявления и почти ритуального декларирования преданности и лояльности о критическом переосмыслении русского (и тем более – советского) периода в истории Средней Азии не могло быть и речи.

В такой ситуации местный ориентализм, представленный, например, узбекскими, туркменскими, таджикскими интеллектуалами был не просто политически маркированным⁷⁰, но и преимущественно окцидентальным. В чем это проявлялось? Важнейшим проявлением подобного местного научного ориентализма в востоковедении среднеазиатских республик СССР⁷¹ было

⁷⁰ Эта ситуация не оригинальна. Исторические исследования часто связаны с национализмом, развитием идентичности и необходимостью выражения политической лояльности. См. подробнее: Лаврентьев В. Попытка Србика с помощью исторических понятий обосновать австрийскую идентичность как часть имперской / В. Лаврентьев // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Вып. 1. – М. – Ставрополь, 2004. – С. 233 – 246; Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484; Jilge W. Historical Memory and National Identity Building in Ukraine since 1991 / W. Jilge // *European History: Challenge for a Common Future* / ed. A. Pok, J. Rugen, J. Scherrer. – Hamburg, 2002. – P. 111 – 134; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine. – Saskatchewan, 2001.

⁷¹ О развитии востоковедения в Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР см.: Лунин Б.В. Узбекистан как один из центров советского востоковедения / Б.В. Лунин // Востоковедные центры в СССР. – М., 1989. – Вып. 2 (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Бурятия). – С. 5 – 32 (см. также: Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении / Б.В. Лунин. – Ташкент. 1965; Лунин Б.В. Востоковедение в республиках Средней Азии после

то, что основная антизападная критика была направлена не против России и не против абстрактного европейского Окцидента, но была сосредоточена против конкретных стран Запада. В этой ситуации примечательно и то, что основная острота критики была направлена против тех государств, с которыми отношения СССР, в состав которого входил Узбекистан, развивались крайне сложно и были отягощены взаимными претензиями, непониманием и преимущественно негативными взаимными представлениями. Под влиянием советского идеологизированного канона производства научного текста в Средней Азии возникла антизападная рефлексия, которой добровольно или вынужденно придавались узбекские, туркменские и таджикские интеллектуалы в советский период.

Этот официальный советский дискурс восприятия республик Средней Азии в составе СССР формировался на протяжении 1920 – 1930-х годов. Во второй половине 1940-х годов он был подвергнут некоторому форматированию, направленному на большую унификацию интеллектуального пространства. Подобные идеологические проработки имели место и в других национальных республиках Советского Союза. В Средней Азии это вылилось в возобновление борьбы против буржуазного национализма и неверных интерпретаций национальных историй. В частности, в 1949 году подобной обработке была подвергнута интеллигенция Узбекской ССР, что выразилось в проведении 21 – 27 апреля расширенного заседания Отделения гуманитарных наук АН Узбекской ССР. В рамках этого мероприятия участники были вынуждены разоблачать «националистические фальсификации и измышления» или признавать и каяться в них.

21 апреля 1949 года расширенное заседание открыл действительный член АН Узбекской ССР М. Айбек, выступление которого задало идеологический тон мероприятия. М. Айбек, констати-

Великой Октябрьской социалистической революции / Б.В. Лунин // Становление советского востоковедения. Сборник статей. – М., 1983. – С. 85 – 130); Саидмуратов Д. Становление и развитие востоковедения в Таджикистане / Д. Саидмуратов // Востоковедные центры в СССР. – М., 1989. – Вып. 2 (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Бурятия). – С. 33 – 56; Атаев Х.А. Становление и развитие востоковедения в Туркменистане / Х.А. Атаев // Востоковедные центры в СССР. – М., 1989. – Вып. 2 (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Казахстан, Киргизия, Бурятия). – С. 57 – 69.

ровавший значительные успехи Узбекской ССР «под руководством великой партии Ленина – Сталина» и «могучего учения Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина»⁷², культивировал в своем выступлении комплекс официальных нарративов, связанных с руководящей ролью партии, необходимостью сплочения партийных рядов, осуждением политики англо-американского империализма. Другой выступающий, В. Захидов, настаивал на том, что именно марксизм-ленинизм в максимальной степени соответствует традициям национальной культуры народов Средней Азии⁷³. Кроме этого Р. Набиев настаивал на том, что только политика большевиков могла способствовать сложению «узбекской социалистической нации»⁷⁴. Особое внимание М. Айбек уделил последнему фактору, подчеркивая, что «величайшие достижения нашей социалистической родины... вызывают бешенную ненависть у буржуазных правящих кругов Англии и Америки»⁷⁵.

Аналогичный нарратив развивал и В. Захидов, в выступлении которого «англо-американские империалисты» претендуют не просто на статус врагов СССР, но на статус врагов узбеков. В частности В. Захидов утверждал, что «богатейшие культурные достижения узбекского народа... вызывают бешенную злобу империалистической буржуазии»⁷⁶. Кроме «англо-американских империалистов» необходимыми атрибутами враждебности обладали и «презренные враги прогресса и торговцы интересами» пантюркисты. Т. Салимов связывал развитие пантюркизма с амбициями Турции, настаивая на том, что «турецкая наука наивна в толкова-

⁷² Вступительное слово действительного члена Академии Наук Узбекской ССР М. Айбека // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет расширенного заседания отделения гуманитарных наук Академии Наук Узбекской ССР. 21 – 27 апреля 1949 года / ред. М.Т. Айбек, И.К. Додонов. – Ташкент, 1951. – С. 5, 7.

⁷³ Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение вопросов истории и истории культуры народов Узбекистана / В.Ю. Захидов // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 9 – 41.

⁷⁴ Набиев Р.Н. Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма в освещении вопросов истории народов Средней Азии / Р.Н. Набиев // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 42 – 64.

⁷⁵ Вступительное слово действительного члена Академии Наук Узбекской ССР М. Айбека. – С. 5.

⁷⁶ Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 12.

нии языковых фактов, крайне консервативна, фальшива и поэтому вредна в лингвистической мысли»⁷⁷. По мнению В. Захидова, сторонники пантюркизма, «презренные враги народа», объединились в «свору», которая занимается «искажениями истории»⁷⁸. Захидов рассматривал пантюркизм как «разновидность безродного космополитизма»⁷⁹.

В этом контексте заметны тенденции к значительной и последовательной идеологизации национальной узбекской идентичности, которая постепенно из национальной трансформировалась в политическую, в рамках которой особую роль играли тренды, связанные с формированием политической лояльности. Превращая в главных врагов «англо-американский империализм» советские лидеры, стремились отвлечь национально ориентированные интеллигенции республик Средней Азии от национальных конфликтов, вызванных в первую очередь тем, что этнические границы не совпадали с административными.

Кроме этого в своем выступлении М. Айбек весьма осторожно придавался националистическому воображению, конструируя особый образ Узбекистана как успешной советской республики, где благодаря идеям «марксизма-ленинизма» оказалось возможным «разорвать в клочья идеологию умирающего капитализма и реакционеров всех мастей, космополитов, пантюркистов, панисламистов, паниранистов, этих подлых агентов англо-американского империализма»⁸⁰. М. Айбека поддержал и Л.И. Климович, который способствовал формированию аттрактивного образа народов Средней Азии, подчеркивая, что именно узбеки, туркмены и таджики «являются творцами и обладателями огромных культурных ценностей», а их культуры являются «самостоятельными и самобытными»⁸¹. Элементы националистического воображения и попытки национального конструирования образа Узбекистана характерны и для выступления В. Захидова, который

⁷⁷ Выступление Т. Салимова // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 98.

⁷⁸ Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 12 – 13.

⁷⁹ Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 15.

⁸⁰ Вступительное слово действительного члена Академии Наук Узбекской ССР М. Айбека. – С. 6.

⁸¹ Выступление Л.И. Климовича // О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 150.

декларировал, что «благодаря Великой Октябрьской социалистической революции... народы советского Востока под руководством партии Ленина – Сталина... достигли высочайшего культурного уровня»⁸². Но и подобный национализированный нарратив в большей степени развивался как идеологический, призванный культивировать не столько узбекскую идентичность, сколько лояльность узбеков советскому режиму.

Подчеркивая необходимость борьбы с идеологическими врагами М. Айбек, пытался провести идею необходимости написания более национальной истории Узбекистана. Особо подчеркивалась необходимость критики концепций прогрессивного влияния на узбеков со стороны арабов и иранцев: «...гениальных философов объявляют представителями арабской и иранской культуры... во всех памятниках культуры Средней Азии безродные космополиты стараются видеть творения арабов и иранцев... до сих пор имеются люди, ищущие в каждой строке узбекского поэта... влияние какого-нибудь арабского стихотворца...»⁸³. Аналогичную идею культивировал и В. Захидов, подчеркивавший, что «отрицание самобытности узбекской культуры и стремление вывести ее из иранской культуры – не новое явление»⁸⁴.

В своем выступлении В. Захидов позволял себе более открыто проявлять национальные чувства, критически оценивая работы русских историков, которые «легко отдают культуру узбекского народа иранцам»⁸⁵. Аналогичные умеренные антирусские настроения мы находим и в выступлении Р. Набиева, полагавшего, что некоторые историки «всячески старались и стараются... игнорировать самостоятельные пути развития» народов Узбекистана⁸⁶. Особой критике узбекскими национально ориентированными интеллектуалами во второй половине 1940-х годов подвергался В.В. Бартольд. Узбекский исследователь Р. Набиев, словно скрыто (открыто в условиях борьбы с пантюркизмом на том этапе об этом говорить было невозможно) подчеркивая тюркизм узбеков, настаивал на том, что В.В. Бартольд был «сторонником па-

⁸² Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 32.

⁸³ Вступительное слово действительного члена Академии Наук Узбекской ССР М. Айбека. – С. 5 – 8.

⁸⁴ Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 11.

⁸⁵ Там же. – С. 21.

⁸⁶ Набиев Р.Н. Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма. – С. 45.

ниранизма», а для его работ характерна «паниранистская концепция»⁸⁷, призванная завысить вклад узбеков в историю Средней Азии.

Акцентировать принадлежность узбеков к тюркам был вынужден и В. Захидов⁸⁸. Вероятно, символическая принадлежность к тюркским народам имела символическое значение для национально ориентированных узбекских интеллектуалов. Тюркизм позволял им писать о причастности узбеков к культурным достижениям соседних тюркских народов. Тюркизм играл и более значимую роль, способствуя выделению / отделению узбеков от своих индоевропейских таджикских соседей, которые претендовали на значительный пласт прошлого, которое интеллектуалами в Узбекской ССР воспринималось исключительно как узбекское.

Усилиями узбекских национально настроенных интеллектуалов во второй половине 1940-х годов В.В. Бартольд был превращен в русского великодержавного шовиниста и националиста, который «игнорировал наличие у народов Средней Азии культурных традиций»⁸⁹. Дабы не разделить столь незавидной судьбы В. Бартольда русские участники событий 1949 года были вынуждены публично каяться. В частности Л.В. Ошанин признал, что недооценивал значимость узбекской истории, так как не в полной мере освоил «марксистское понимание истории»⁹⁰. В аналогичном положении оказался и литературовед М.А. Салье, который признал, что «основной своей ошибкой» считает «игнорирование самостоятельности культуры узбекского народа»⁹¹. Полемизируя с русскими исследователями, В. Захидов, утверждая, что «узбек-

⁸⁷ Там же. – С. 46 – 47. Позднее В.В. Бартольд был подвергнут научной «реабилитации» в Средней Азии. Начало этому положили таджикские интеллектуалы, что следует воспринимать как часть их полемики со своими тюркскими соседями. См.: Акрамов Н.М. Выдающийся русский востоковед В.В. Бартольд / Н.М. Акрамов. – Душанбе, 1963. Позднее свои позиции пересмотрели и узбекские авторы. См.: Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда / Б.В. Лунин. – Ташкент, 1981.

⁸⁸ О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 65 – 67.

⁸⁹ Набиев Р.Н. Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма. – С. 49.

⁹⁰ О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 80.

⁹¹ Там же. – С. 89.

ский народ является одним из древнейших»⁹², предлагал альтернативную, в значительной степени национально ориентированную концепцию истории узбеков, которая основывалась, с одной стороны, на автохтонности узбеков в Средней Азии, а, с другой, на идее континуитета и непрерывности в развитии узбеков. Таким образом, будучи лишенными возможности открыто критиковать своих соседей, в первую очередь – таджиков, узбекские интеллектуалы культивировали образ врага, создавая негативный имидж историческим соперникам узбеков – арабам и иранцам. Но и в рамках столь ограничено дозволенной исторической рефлексии предпринимались попытки укрепления узбекской идентичности.

Анализируя идеологическую проработку узбекских интеллектуалов в 1949 году, во внимание следует принимать и то, что некоторые из них позволяли себе в большей или меньшей степени критиковать таджикских исследователей. Например, Р. Набиев скептически оценивал исследования таджикских историков, в которые те стремились доказать, что узбеки являются пришлым населением, а территория Узбекистана исторически была населена таджиками. С другой стороны, В. Захидов стремился перевести обсуждение в лояльное русло, несколько смягчив национальные противоречия между узбекскими и таджикскими историками. Поэтому он констатировал, что «мы обязаны бороться против любых попыток ослабить дружбу между народами Средней Азии... мы должны в корне пресечь... попытки возвысить историю и культуру одного народа за счет умаления истории и культуры других народов»⁹³. Полемизируя с таджикскими историками, Р. Набиев обвинял таджикских коллег в расизме и культивировании теории якобы единой иранской расы, в попытках таджикизировать историю тюркских народов Средней Азии⁹⁴.

Примечательно то, что в событиях 1949 года таджикские историки и литературоведы не принимали участия. В связи с этим академик АН Узбекской ССР И. Додонов заявил, что «можно пожалеть, что на нашем собрании не было представителей научных учреждений Таджикистана. Они не пожелали к нам приехать и на

⁹² Захидов В.Ю. Борьба за марксистско-ленинское освещение... – С. 39.

⁹³ Там же. – С. 185 – 186.

⁹⁴ Набиев Р.Н. Против пантюркизма, паниранизма и панарабизма. – С. 48 – 53.

обсуждение второго тома “Истории народов Узбекистана”, не приехали и теперь... на нашем заседании затрагивались вопросы истории Таджикистана, раздавались голоса критики по поводу неправильного освещения истории Таджикистана отдельными историками... наша критика могла бы помочь в улучшении разработки истории таджикского народа»⁹⁵. В целом, несмотря на идеологические препоны и цензурные ограничения, в конце 1940-х годов узбекские интеллектуалы прилагали усилия к интеграции таджикских образов в концепт образов чуждости и инаковости⁹⁶.

Спустя семь лет после событий 1949 года правящие элиты в Узбекской ССР пошли на новое переформатирование интеллектуального дискурса, что выразилось в его ограниченной либерализации, проявлением которой стало проведение 11 – 13 октября 1956 года Первого съезда интеллигенции Узбекистана. Если в 1949 году узбекские интеллектуалы были вынуждены подвергать резкой критике свои методологические ошибки, то в 1956 году элиты Узбекистана стали инициаторами крайне ограниченного пересмотра отношений между партией и национальной интеллигенцией. Инициатором проведения съезда, вероятно, стала Москва, о чем свидетельствует то, что участники октябрьских событий в Ташкенте апеллировали к результатам XX съезда КПСС. В частности, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Н.А. Мухитдинов ссылаясь на «исторические решения» упомянутого съезда, осуждая «вредность теории и практики культа личности Сталина»⁹⁷.

Относительная либерализация позволила партийной элите Узбекской ССР внести в свой политический язык некоторые элементы национализма. Узбекский национализм был подвергнут некоторой, поверхностной и очень ограниченной, легитимации, о

⁹⁵ О марксистско-ленинском освещении истории и культуры народов Узбекистана. Стенографический отчет... – С. 200.

⁹⁶ О «других» как принципиально важных образах в развитии национализма и идентичности см.: Bleicher T. Elemente einer komparatistischen Imagologie / T. Bleicher // Komparatistische Hefte. – 1980. – No 2. – S. 12 – 24; Boerner P. Das Bild vom anderen Land als Gegenstand literarischer Forschung / P. Boerner // Sprache im technischen Zeitalter. – 1975. – No 56. – S. 313 – 321; Brossaud J.-F., Reflexions methodologiques sur l’imagologie et l’ethno-psychologie litteraires / J.-F. Brossaud // Ethnopsychologie. – 1968. – No 23. – P. 366 – 377.

⁹⁷ Доклад тов. Н.А. Мухитдинова // I съезд интеллигенции Узбекистана. 11 – 13 октября 1956 года. Стенографический отчет / под ред. З. Рахимбаевой, М. Юлдашева. – Ташкент, 1957. – С. 8.

чем свидетельствует и то, что Н.А. Мухитдинов констатировал то, что часть деятелей Узбекской ССР была незаконно осуждена за «буржуазный национализм»: «многие были неправильно обвинены в национализме, сейчас они реабилитированы, работают на руководящих должностях... сняты обвинения в национализме с ряда ученых, поэтов, писателей, сейчас они плодотворно работают»⁹⁸. Комментируя реабилитации, Н.А. Мухитдинов указал на то, что некоторые неузбекские работники УССР намеренно использовали обвинения в буржуазном национализме против своих коллег-узбеков⁹⁹.

Кроме этого им констатировалось и то, что некоторые работники в Узбекской ССР плохо знают традиции и культуру узбеков, «высокомерно и чванливо относятся к культуре и языку»¹⁰⁰. Партийные лидеры Узбекистана обратили внимание на проблемы узбекского языка, признав, что следует «улучшить постановку изучения родного языка, который является основой обучения в школе. Серьезным упущением является и то, что у нас очень мало учебников для школ и вызов на узбекском языке, особенно по техническим дисциплинам»¹⁰¹. Развивая идею Н. Мухитдинова, Х.М. Абдуллаев указывал на то, что следует активизировать изучение и преподавание языков в Узбекской ССР, особенно – узбекского: «знание языков – это большая культура... узбекский язык требует к себе большого внимания. Нельзя считать нормальным, когда ученый-узбек считает для себя необязательным хорошо знать узбекский язык»¹⁰².

В этом контексте заметны попытки со стороны национально ориентированной части интеллигенции и партийных деятелей актуализировать проблемы языковой идентичности. С другой стороны, с языковыми проблемами оказались тесным образом связаны проблемы преподавания и изучения гуманитарных наук. Н. Мухитдинов, например, не только констатировал, что «Узбеки-

⁹⁸ Доклад тов. Н.А. Мухитдинова. – С. 56.

⁹⁹ Там же. – С. 56.

¹⁰⁰ Там же. – С. 61.

¹⁰¹ Там же. – С. 39.

¹⁰² Речь Х.М. Абдуллаева // I съезд интеллигенции Узбекистана. 11 – 13 октября 1956 года. Стенографический отчет / под ред. З. Рахимбаевой, М. Юлдашева. – Ташкент, 1957. – С. 83 – 84.

стан имеет богатейшую историю»¹⁰³, но и стремился конструировать аттрактивный образ республики, преподнося ее как почти главную тюркскую республику в Средней Азии, как пример для «народов зарубежного Востока»¹⁰⁴. Аналогичную идею выражал и другой выступающий Х.М. Абдуллаев, который подчеркивал, что Узбекская ССР стала «социалистическим маяком на Востоке»¹⁰⁵.

Примечательно и то, что партийный лидер Узбекистана констатировал необходимость активизации изучения узбекской национальной истории, констатируя, что «у нас нет полноценных работ, где... освящалась бы многовековая история узбекского народа»¹⁰⁶ и указывал на актуальность дальнейшего изучения узбекской истории, особенно – периода национального движения в начале XX века¹⁰⁷, напоминая при этом, что не следует заниматься «восхвалением и идеализацией»¹⁰⁸ прошлого узбеков. Впрочем, советская цензура и требования негласно существовавшего идеологического канона не позволяли узбекским интеллектуалам проявлять сколь бы то ни было значительную инициативу в интерпретации истории Узбекистана, особенно – советского периода¹⁰⁹. Другой участник съезда, секретарь СП Узбекской ССР С.А.

¹⁰³ Доклад тов. Н.А. Мухитдинова. – С. 25.

¹⁰⁴ Там же. – С. 11.

¹⁰⁵ Речь Х.М. Абдуллаева. – С. 76.

¹⁰⁶ Доклад тов. Н.А. Мухитдинова. – С. 25.

¹⁰⁷ Там же. – С. 47.

¹⁰⁸ Там же. – С. 61.

¹⁰⁹ Об этом, например, свидетельствует сборник «Из истории Советского Узбекистана», опубликованный в 1956 году, но подготовленный к печати, вероятно, до проведения Первого съезда интеллигенции, но и его решения были настолько поверхностны и имели в большей степени символический характер, что невозможно предположить иную направленность статей, если бы они были подготовлены после съезда. Тексты, вошедшие в сборник, весьма глубоко интегрированы в советский канон написания и описания истории Узбекской ССР. См.: Житов К.Е. Установление советской власти в Узбекистане / К.Е. Житов // Из истории Советского Узбекистана. Сборник статей / отв. ред. К.Е. Житов. – Ташкент, 1956. – С. 4 – 28; Абдуллаев М.А. Победа народной советской власти в Хивинском ханстве / М.А. Абдуллаев // Из истории Советского Узбекистана. Сборник статей / отв. ред. К.Е. Житов. – Ташкент, 1956. – С. 29 – 50; Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе с саботажем и контрреволюционной печатью / Г. Рашидов // Из истории Советского Узбекистана. Сборник статей / отв. ред. К.Е. Житов. – Ташкент, 1956. – С. 83 – 92; Ланда Л.М. Создание Народного комиссариата по национальным делам Туркестанской АССР и его деятельность в 1918 – 1919 гг. / Л.М. Ланда // Из истории

Азимов, также констатировал необходимость более активного изучения узбекской истории, истории узбекской литературы, указывая на необходимость восстановления репутации узбекских историков и литературоведов, несправедливо обвиненных в национализме¹¹⁰.

Идеологические проработки и периодические попытки сформировать политический, культурный и интеллектуальный дискурс в среднеазиатских республиках СССР привели к тому, что в рамках националистического воображения местных интеллектуалов особое развитие получила рефлексия, связанная с проводимой время от времени актуализацией образов «Другого»¹¹¹. Анализируя тренды, связанные с функционированием нарративов, призванных описать и / или сформировать образ инаковости¹¹² как чуждости и неправильности, во внимание следует при-

Советского Узбекистана. Сборник статей / отв. ред. К.Е. Житов. – Ташкент, 1956. – С. 93 – 110; Шамагдиев Ш.А. Из истории борьбы против контрреволюционных басмаческих банд в Ферганской долине / Ш.А. Шамагдиев // Из истории Советского Узбекистана. Сборник статей / отв. ред. К.Е. Житов. – Ташкент, 1956. – С. 111 – 129.

¹¹⁰ Речь С.А. Азимова // I съезд интеллигенции Узбекистана. 11 – 13 октября 1956 года. Стенографический отчет / под ред. З. Рахимбаевой, М. Юлдашева. – Ташкент, 1957. – С. 166 – 167.

¹¹¹ «Другие» традиционно играют крайне значимую роль в развитии национализма, фигурируя как воображаемое сообщество альтернативное нации, создаваемой и конструируемой интеллектуалами-националистами. См.: Cadot M. L'étude des images / M. Gadot // La recherche en litterature generale et comparee en France. Aspects et problemes. – Paris, 1983. – P. 71 – 86; Cinnirella M. Ethnic and national stereotypes: A social identity perspective / M. Cinnirella // Beyond Pug's Tour / ed. C.C. Barfoot. – Amsterdam, 1997. – P. 37 – 52; Deledalle G. L'alterite vue par un philosophe semioticien / G. Deledalle // Miroirs de l'alterite et voyages au proche-orient. Colloque international de l'Institut d'Histoire et de Civilisation francaises de l'Universite de Haifa. – Geneve, 1991. – P. 15 – 20; Dutu A. La fiction litteraire et l'imaginaire: Une histoire a geometrie variable / A. Dutu // Europa provincia mundi. Essays in Comparative Literature and European Studies offered to Hugo Dyserinck on the occasion of his sixty-fifth birthday / eds. J.T. Leerssen, K.U. Syndram. – Amsterdam, 1992. – P. 143 – 150; Dyserinck H. Zum Problem der "images" und "mirages" und ihrer Untersuchung im Rahmen der Vergleichenden Literaturwissenschaft // Arcadia. – 1966. – No 1. – P. 107 – 120.

¹¹² О функционировании образов чуждости и инаковости см.: Barfoot C.C. Beyond «Pug's Tour»: Stereotyping our «fellow-creatures» / C.C. Barfoot // Beyond Pug's Tour: National and ethnic stereotyping in theory and literary practice / ed. C.C. Barfoot. – Amsterdam, 1997. – P. 5 – 36; Barkai R. De l'utilisation de l'image dans la recherche historique / R. Barkai // L'image de l'autre. Etrangers, minoritaires, marginaux / ed. H. Ahrweiler. – Paris, 1984. – P. 28 – 59; Blaicher G. Einleitung des Herausgebers: Bedin-

нимать то, что интеллектуальное пространство с Советском Союзом развивалось в условиях принудительной, идеологически детерминированной, унификации. Поэтому, в отличие от других национализмов, которые не знали (или знали, но в меньшей степени) идеологический диктат и контроль со стороны государства, образы инаковости в СССР были окрашены не в национальные (что было для советского государства опасно, если принимать во внимание наличие не только республик, созданных по национальному принципу, но и нерешенных этнических проблем между отдельными нациями), а социально-классовые, идеологические тона.

Именно поэтому, значительное место в комплексе «окцидентальных» нарративов в узбекском интеллектуальном дискурсе принадлежало своеобразной антиимперской и антиимпериалистической риторике. Например, З.Г. Ризаев связывал усиление национальных движений на Востоке, которые фактически имели антизападную направленность, с «кризисом колониальной системы». Эта антиимпериалистическая риторика оказалась чрезвычайно важной и продуктивной в рамках узбекского интеллектуального дискурса. По мнению канадского украинского исследователя З.Е. Когута, «деимпериализация» – приспособление интеллектуального поля к факту распада империи¹¹³ (даже чужой и территориально отдаленной) – играет значительную роль в формировании идентичностей и в развитии политического и культурного воображения, в том числе – и в формировании образа врага.

С другой стороны, эта антизападная рефлексия в значительной степени являлась политически окрашенной, о чем, в частности, свидетельствуют попытки связать национальное движение с рабочим и с прогрессивным влиянием СССР: «...борьба народов колоний и зависимых стран против империализма поднялась на новую, более высокую ступень. Характерной чертой современной

gungen literarischer Stereotypisierung / G. Blaicher // Erstarrtes Denken. Studien zu Klischee, Stereotyp und Vorurteil in englischsprachiger Literatur / hrsg. G. Blaicher. – Tübingen, 1987. – S. 9 – 25.

¹¹³ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. – Київ, 2004. – С. 218.

борьбы является руководящая роль рабочего класса в освободительном движении... мощные массовые бои происходят под руководством авангарда рабочего класса – коммунистических партий...»¹¹⁴. В этом нарративе степень наличия официальной риторики, призванной подчеркнуть лояльность, была чрезвычайно высокой, что было характерно для всего научного гуманитарного дискурса середины 1950-х годов.

В рамках советского ориентализма Восток предстает как в значительной степени фрагментированное политическое пространство. В частности, З.Г. Ризаев полагал, что враждебными Востоку являются не только страны Запада, но и местные политические элиты, (устанавливающие, по мнению А.Х. Бабаходжаева, «реакционные феодально-монархические режимы»¹¹⁵), комментируя политику которых, он писал, что «...реакционные круги стран Востока, наряду с террором и репрессиями, ведут идеологическую борьбу с демократией, используя все имеющиеся средства – печать, радио, учебные заведения, религию...»¹¹⁶. В контексте советского дискурса местные политические элиты Востока предстают как союзники европейского колониализма («...реакционная правящая клика Ирана, подавив при прямой поддержке английского империализма национально-освободительное движение, препятствовала дальнейшему развитию...»¹¹⁷) или «прислужники американских и английских поработителей»¹¹⁸, что делает легитимным протест и борьбу против них.

Предполагалась, что эта борьба всегда должна завершаться победой «правильного», т.е. советского Востока («...национальная политика коммунистической партии и Советского правительства... нанесла сокрушительный удар по всем врагам советской страны, в том числе пантюркистам и панисла-

¹¹⁴ Ризаев З.Г. Демократические поэты современного Ирана в борьбе за мир и независимость своей родины / З.Г. Ризаев // Труды Института Востоковедения. – Ташкент, 1954. – Вып. 2. – С. 3.

¹¹⁵ Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии империализма / А.Х. Бабаходжаев // Труды Института Востоковедения. – Ташкент, 1954. – Вып. 2. – С. 25.

¹¹⁶ Ризаев З.Г. Демократические поэты современного Ирана в борьбе за мир и независимость своей родины. – С. 4.

¹¹⁷ Там же. – С. 4.

¹¹⁸ Там же. – С. 24.

мистам...идеологи пантюркизма нашли приют в кемалистской Турции и продолжают вместе с турецкими пантюркистами при поддержке иностранных империалистов свою подрывную работу...»¹¹⁹) при условии признания направляющей и руководящей роли со стороны русских¹²⁰, что имело различные проявления («...народы Советской Средней Азии с всесторонней помощью великого русского народа отстаивали свою независимость и свободу и в великой братской семье народов Советского Союза победоносно идут к торжеству коммунизма...»¹²¹).

Прогрессивные тенденции в истории Востока интеллектуалы в республиках Средней Азии связывали с влиянием России, в частности – первой русской революции. Например, в конце 1950-х годов Г.Б. Акопов культивировал ряд нарративов, призванных показать и описать значительную и прогрессивную роль в истории Востока первой русской революции. Именно благодаря влиянию событий в России, по мнению Г.Б. Акопова, революционные движения Востока «сделали решительный шаг от стихийности к организованности», став национальными. Для советского исторического нарратива был характерен значительный модернизационный тренд. Г.Б. Акопов, например, полагал, что «лозунги свободы и демократии... были близки и понятны широким массам Востока, соответствовали их чаяниям». Советские интеллектуалы, анализируя социальную и политическую историю восточных обществ, нередко модернизировали исторический процесс, намеренно преувеличивая готовность восточных народов к восприятию революционных идей, принесенных фактически из Европы. С другой стороны, тот же Г.Б. Акопов, вероятно, понимая надуманность некоторых концепций, распространенных в СССР в отношении Востока, весьма осторожно высказывал предположение о том, что не следует преувеличивать непосредственное влияние русской революции на страны Востока. Предлагая компромиссную концепцию, которая не исключала русского фактора, но и учитывала восточную специфику, Г.Б. Акопов выдвинул

¹¹⁹ Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии... – С. 44.

¹²⁰ О роли и месте русских нарративов в национальных историографиях советского периода см.: Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historiography and the Non-Russian Nationalities. – Chapel Hill, 1969.

¹²¹ Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии... – С. 44.

идею наличия на Востоке т.н. «трансформационных центров»¹²² – регионов географически, безусловно, восточных, но в большей степени подверженных прогрессивному влиянию со стороны революционной России. Вероятно, концепцию Г.Б. Аكوпова можно воспринимать как советскую редакцию «бремени белого человека», который нес на Восток не блага западной христианской цивилизации, а новый, леворадикальный, тип политической культуры и организации общества.

Для работ Г.Б. Аكوпова характерно стремление показать, что не только русский народ оказывал прогрессивное влияние на народы Востока, но и туркмены повлияли на развитие революционного движения в соседних государствах. Г.Б. Акопов, например, с национальных (протуркменских) позиций пытался интерпретировать историю иранской революции, осуждая и критически оценивая «курьезные концепции о том, что не Туркмения влияла на Иран, а наоборот, деятельность иранских революционеров оказывала влияние на развитие революционного движения в Туркмении»¹²³. В этом контексте заметны тенденции национализации революционного процесса, попытки интегрировать их в часть «большой» и написанной с национальных позиций (при условии сохранения особой политической идентичности и лояльности) истории Туркменистана.

В советском гуманитарном дискурсе середины 1950-х годов, связанным с востоковедными исследованиями, значительную роль играло и политическое воображение, связанное с формированием негативного образа Америки и Англии как главных врагов Востока, виновных в его отставании от остальных стран. В качестве универсального «другого» нередко воспринимался «английский колониализм». Среднеазиатские интеллектуалы прилагали немалые усилия для конструирования негативного об-

¹²² Акопов Г.Б. Некоторые вопросы влияния русской революции 1905 – 1907 годов на революционное движение народов Востока / Г.Б. Акопов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 65 – 87.

¹²³ Акопов Г.Б. К вопросу о влиянии революции 1905 – 1907 годов в Туркмении на революционное движение иранского народа / Г.Б. Акопов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 88 – 110.

раза английской политики. Например, таджикский исследователь Б.И. Искандаров культивировал нарратив о том, что английские колонизаторы «использовали самые гнусные методы насилия и порабощения»¹²⁴. По мнению Б.И. Искандарова, Англия имела «вековую практику в закабалении» народов Востока¹²⁵. Исследования Б.И. Искандарова вписывались в официальный идеологизированный канон восприятия европейской политики в отношении Востока. Таким образом, в этом намеренно и искусственно создаваемом интеллектуальном пространстве¹²⁶ доминировал нарратив, в рамках которого утверждалось, что британская политика на Востоке (например, в Индии) вела к «...сохранению феодальных отношений, позволявших держать в повиновении население и задерживать развитие производительных сил...»¹²⁷. Советский исследователь М.Г. Пикулин в середине 1950-х годов полагал, что «...английская и американская экспансия в странах Ближнего и Среднего Востока ведет эти страны к полной потере независимости, приводит к ухудшению жизненных условий народов, росту дороговизны, порождает нищету и разорение крестьян...»¹²⁸.

Америка в этом отношении потеснила Великобританию, к которой советские исследователи традиционно не питали позитивных чувств. В отношении Британии в советском исследовательском дискурсе утвердился нарратив о крайне негативной роли англичан в развитии восточных стран. Например, относительно Афганистана утверждалось, что «...на протяжении более чем столетнего периода страна являлась ареной происков английских колонизаторов... Великобритания всегда стремилась захватить

¹²⁴ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века / Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1962. – С. 184.

¹²⁵ Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир... – С. 185.

¹²⁶ См. подробнее об этом процессе формирования интеллектуального пространства в теоретическом плане: Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні. – С. 221.

¹²⁷ Рустамов У.А. Колониальная политика Англии на Севере Индии и захват княжества Читрал в 1892 – 1895 гг. / У.А. Рустамов // Труды Института Востоковедения. – Ташкент, 1954. – Вып. 2. – С. 26.

¹²⁸ Пикулин М.Г. Американская экспансия в Афганистане после второй мировой войны / М.Г. Пикулин // Труды Института Востоковедения. – Ташкент, 1954. – Вып. 2. – С. 65.

эту страну, превратив ее в плацдарм для своих военных авантюр...»¹²⁹.

Антиамериканские нарративы крайне разнообразны по форме и содержанию. Проникновение США на Восток было связано с уверенностью советских авторов в наступлении кризиса капиталистической системы и в неизбежности англо-американского столкновения в связи с вытеснением Великобритании из ее восточных колоний. Подобная интерпретация была, в частности, характерна для М.Г. Пикулина, который полагал, что «...стремясь обеспечить себе максимальную прибыль, американский капитал выступает как международный поработитель народов... английские империалисты не сдают без боя своих позиций и стремясь сохранить их за собой, препятствуют США... борьба идет повсюду, где сталкиваются интересы двух империалистических хищников...»¹³⁰.

С М.Г. Пикулиным были солидарны и другие исследователи в Узбекской ССР. В частности, С. Ибрагимова полагала, что «...в погоне за максимальными прибылями монополии Англии и США пытаются восполнить потерю огромного рынка, отпавшего от системы капитализма в результате второй мировой войны, за счет экспансии в страны Востока...»¹³¹. Кроме этого США приписывалась не только поддержка местных восточных авторитарных режимов, «кипучая деятельность», направленная на милитаризацию восточных стран¹³², но и культивирование реакционных идей на Востоке.

В частности, А.Х. Бабаходжаев писал, что «...американские империалисты, встав во главе мировой реакции, поставили на службу своей агрессивной политике всевозможные реакционные учения, среди которых не последнее место занимает буржуазно-националистическая идеология пантюркизма...»¹³³, которая опре-

¹²⁹ Пикулин М.Г. Американская экспансия в Афганистане... – С. 61.

¹³⁰ Там же. – С. 49.

¹³¹ Ибрагимова С. Позиции империалистов Англии и США в экономике Пакистана и англо-американские противоречия (1950 – 1954 гг.) / С. Ибрагимова // Труды Института востоковедения. – Ташкент, 1956. – Вып. 4. – С. 3.

¹³² Рустамов У. Из истоков английской агрессии на границах Памира в конце восьмидесятых и начале девяностых годов XIX века / У. Рустамов // Труды Института Востоковедения. – Ташкент, 1954. – Вып. 2. – С. 79.

¹³³ Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии... – С. 25.

делялась им как «человеконенавистническая»¹³⁴. Этот фрагмент, как видим, в значительной степени отягощен требованиями официальной советской риторики, декларированием лояльности в форме резкого неприятия западной модели развития. Кроме этого в советском гуманитарном дискурсе, который страдал от излишнего доминирования идеологии¹³⁵, середины 1950-х годов «англо-американским империалистам» приписывались попытки «объединить все силы внутренней контрреволюции в Средней Азии»¹³⁶. Утверждалось и то, что в 1918 году американские политики занимались «...организацией подрывной работы против советской власти в Туркестане, где с помощью эсеров и буржуазных националистов... развили активную шпионскую деятельность, нагло вмешиваясь во внутренние дела Советского Туркестана...»¹³⁷.

Кроме этого в рамках официального советского дискурса США (в их политике относительно Афганистана) приписывалось и «...идеологическая обработка населения... путем распространения печатной макулатуры, изготовленной в США, заполнением афганских кинотеатров растленной голливудской продукцией, поставкой учебников для афганских школ...»¹³⁸. Особое возмущение в рамках советской историографии вызывала американская кинопродукция, импортируемая в восточные страны: «...растлевающее действуют демонстрируемые в Афганистане американские фильмы... голливудская продукция, проникая в Афганистан, одурманивает сознание населения этой страны сценами убийств, культом крови, хамским отношением к женщинам...»¹³⁹.

В рамках советского дискурса доминировало негласное разделение всех врагов Востока на две категории: к первой относились страны Запада, ко второй – некоторые восточные го-

¹³⁴ Там же. – С. 47.

¹³⁵ Это, в частности, вело к многочисленным логическим несоответствиям. Например, утверждалось, что «при помощи пантюркизма» западные империалисты пытаются «закабалить народы арабских стран». Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии империализма. – С. 47.

¹³⁶ Там же. – С. 34.

¹³⁷ Там же. – С. 35.

¹³⁸ Пикулин М.Г. Американская экспансия в Афганистане... – С. 62.

¹³⁹ Там же. – С. 63.

сударства, которые проводили такую политику, будучи, по мнению советских авторов, зависимыми от западных государств. Подобный подход характерен, в частности, для А.Х. Бабаходжаева, писавшего о «турецких людоедах и их империалистических хозьявах»¹⁴⁰. Кроме этого в советском гуманитарном востоковедном дискурсе середины 1950-х годов акцентировалось внимание на том, что образование новых независимых государств на Востоке выбор ими левоориентированной модели развития преподносилось как единственно возможный и правильный вариант политической и экономической модернизации («...образование КНР, КНДР и ДРВ не только означает резкое сужение сферы капиталистической эксплуатации, но и открывает новую страницу в истории народов Азии, указывает всем колониальным народам путь к освобождению от ига империализма...»¹⁴¹), хотя этот термин в советском научном дискурсе середины 1950-х годов практически не использовался.

Сфера доминирования антизападных нарративов в интеллектуальном дискурсе Средней Азии была в значительной степени связана с общей политической динамикой и теми процессами, которые протекали в рамках и пределах советского интеллектуального пространства того периода. Сами востоковедные исследования стали сферой развертывания и культивирования официальной советской идеологии, официального интеллектуального дискурса интегрированного в советский канон. Именно в соответствии с нормами этого официального канона формировался крайне негативный образ Запада как врага и европейцев как противников нового Востока. В этом контексте перцепция Запада, выдержанная в столь негативных категориях и интерпретациях, осложнялась и политическими противоречиями.

Социальный протест Востока и выбор рядом восточных стран левой модели развития в рамках официального дискурса преподносился не просто как политическая альтернатива капитализму, но как единственно возможный вариант функционирования освободившегося Ориента, как единственная модель способная своевременно и адекватно реагировать на внешние антивос-

¹⁴⁰ Бабаходжаев А.Х. Пантюркизм – орудие идеологической диверсии... – С. 47.

¹⁴¹ Ризаев З.Г. Демократические поэты современного Ирана в борьбе за мир и независимость своей родины. – С. 3.

точные вызовы, которые исходили от Запада и ассоциировались, с одной стороны, с империализмом и колониализмом, а, с другой, с отсутствием стабильности. В некоторой степени европеизированные восточные интеллектуалы Советского Востока сделали осознанный выбор в пользу авторитарной и консервативной модели развития, которая, вероятно, максимальным образом содействовала и способствовала развитию антизападного культурного и политического воображения. Моральной компенсацией за развитие подобного преимущественно идеологизированного нарратива было то, что интеллектуалы в республиках Средней Азии имели возможность писать, описывать и конструировать свои собственные национальные истории, хотя пространство для интеллектуального маневра как в культивировании образа врага, так и в национальном историческом воображении было чрезвычайно узким.

МЕЖДУ ТЮРКСКИМ И ИРАНО-ТАДЖИКСКИМ МИРАМИ: ПРОБЛЕМЫ НАПИСАНИЯ ИСТОРИЙ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК НАЦИОНАЛЬНЫХ

Эта идеологическая проработка, о которой речь шла выше, не помешала узбекским интеллектуалам опубликовать два тома «Истории народов Узбекистана» (1947, 1950), в которых представлена синтетическая версия узбекской истории. В написании истории народов Узбекистана узбекские историки почти не играли роли, исполняя вспомогательные функции. Авторами первого тома «Истории народов Узбекистана» были К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский и М.Э. Воронец. Узбекские историки (В.Ю. Захидов, Я.Г. Гулямов, Р.Н. Набиев) выступили в качестве редакторов. В этом отношении этот проект написания узбекской истории нес в себе все признаки родовой травмы написания истории нации представителями другой нации.

В Предисловии к первому тому А.Ю. Якубовский, пытаясь мотивировать отказ от написания истории Узбекистана именно как истории Узбекистана указывал на необходимость отказа от этноцентричного узбекского освещения истории в силу того, что история узбеков и таджиков, по его мнению, была самым тесным образом переплетена¹⁴². Узбекские историки, правда, с подобной позицией оказались несогласны, о чем речь шла выше. Стремления некоторых российских авторов привязать историю Узбекистана к истории персидско-таджикского мира натолкнулась на противодействие со стороны национально ориентированной части узбекской интеллигенции. Видимо, понимая, что подобные

¹⁴² Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. История народов Узбекистана / К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронец / под. ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захидова, Я.Г. Гулямова, Р.Н. Набиева. – Ташкент, 1950. – Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. – С. 7 (далее: История народов Узбекистана. – Т.1). «История» вышла на русском языке, но имела также титульный лист на узбекском: Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э. Ўзбекистон халқларининг тарихи / К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронец / С.П. Толстов, В.Ю. Захидов, Я.Г. Гуломов, Р.Н. Набиевларининг тахрири остида. – Тошкент, 1950. – Т. 1. Қалимги замондан XVI аср бошигача.

интерпретации узбекской истории вызовут неприятие со стороны узбекских историков, А.Ю. Якубовский пытался в некоторой степени смягчить формулировки. Он, в частности, полагал, что тюркоязычное население на территории современной для него Узбекской ССР появилось задолго до прихода в этот регион тюркоязычных кочевников-узбеков.

В связи с этим А.Ю. Якубовский писал, что «узбекский народ формировался как тюркоязычный народ на территории Узбекистана за много веков до появления в оседлых районах Средней Азии кочевников-узбеков, хотя и не носил их имени... этот народ выработал высокую культуру на базе древней согдийско-хорезмийской цивилизации»¹⁴³. Все эти построения А.Ю. Якубовского вполне могли бы удовлетворить узбекских историков если бы не его предположение о том, что узбеки создавали свою культуру совместно... с таджиками¹⁴⁴. Предположение А.Ю. Якубовского о том, что «таджики и узбеки [*примечательно и то, что на первое место А.Ю. Якубовский поставил именно таджиков – М.В.*] на протяжении долгих веков создавали во многом общую материальную культуру, единую архитектуру. Близкое изобразительное искусство»¹⁴⁵ для некоторых узбекских авторов казалось принижающим национальное достоинство узбеков. Именно поэтому национально ориентированная часть узбекской интеллигенции устроила в 1949 году идеологическую проработку (о которой речь шла выше) русским востоковедам, что было вызвано стремлением последних принизить роль и значение узбекской тюркской составляющей в истории Средней Азии в пользу персидско-таджикского компонента.

Первые наброски национальной истории в национальных государствах писались не профессиональными историками, а политиками, которые были активными участниками националистического движения. Институционализация исторического знания привела к тому, что оно переместилось в университеты и академии, но и при этом история как наука не утратила связи с национализмом в какой бы форме тот не проявлялся – идеологии или националистического движения. Политические перемены XX ве-

¹⁴³ История народов Узбекистана. – Т.1. – С. 8.

¹⁴⁴ Там же. – С. 8.

¹⁴⁵ Там же. – С. 11.

ка, появление различных форм тоталитаризма и авторитаризма, возникновение авторитарных и тоталитарных государств привели к значительной политизации исторического знания, укрепив связь истории с национализмом.

Самой сложной задачей для советских культуртрегеров, которым было поручено написание синтетической версии истории Узбекистана, была интеграция в контекст узбекской истории древних цивилизаций, существовавших на территории Узбекистана, но которые в этническом и языковом плане не являлись тюркскими. Констатируя в целом их нетюркский характер, советские историки полагали, что часть носителей этих культурных традиций была ассимилирована тюрками¹⁴⁶, влившись, таким образом, в будущую узбекскую нацию. Вероятно не понимая фактор национальной принадлежности в республиках Средней Азии, сознательно занижая роль языковой и культурной общности узбеков и, с другой стороны, отличности от них таджиков, советские историки были склонны интерпретировать дотюркский период истории Средней Азии как в значительной степени общий для узбеков и таджиков: «на протяжении двенадцативекового периода своей древней истории народы, населявшие территорию Узбекистана, втянутые вместе со смежными народами... *в первую очередь Таджикистана...* создали и развили *в теснейшей взаимосвязи* [курсив мой – М.В.] свою собственную богатую культуру»¹⁴⁷.

Историческое знание или представления об истории являются сферами доминирования и проявления национализма. История используется для институционализации идентичностей, для обоснования претензий на территории. Сфера применения истории в рамках националистического дискурса отличается значительным разнообразием. История в зависимости от ситуации может стать средством мобилизации масс в националистическом движении. История и национализм, таким образом, являются тесно связанными между собой. История национализма, как полагает британский исследователь Энтони

¹⁴⁶ Там же. – С. 48.

¹⁴⁷ Там же. – С. 152.

Смит, это в такой же степени история тех, кто о нем повествует¹⁴⁸.

Наука создала собственную историографию со своим предметом исследования и общепринятой исторической схемой. Усилиями историков-националистов формируется «интеллектуальное пространство»¹⁴⁹. Создание национальной историографии, по словам украинского канадского историка З.Е. Когута¹⁵⁰, играет определяющую роль в формировании современной идентичности. Именно поэтому развитие национальной историографии может быть важной составной частью эволюции современной идентичности¹⁵¹. Историки играли выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализма. В.А. Шнирельман указывает на то, что именно ученые (историки, археологи, этнологи) «снабжают нации желательной исторической глубиной»¹⁵². Без истории нация не является нацией и поэтому императив о написании истории очень важен для любых националистов.

В целом выводы российский культуртрегеров относительно дотюркских цивилизаций Средней Азии носили компромиссный характер и были попыткой в некоторой степени примирить узбекских и таджикских национально ориентированных интеллектуалов, представив их в качестве равноправных наследников этих культур, что, наоборот, встречало неприятие со стороны узбекской интеллигенции, для которой более удобным было писать историю Узбекистана именно как историю узбеков, то есть с узбе-

¹⁴⁸ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

¹⁴⁹ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 222.

¹⁵⁰ Когут З.Є. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 294.

¹⁵¹ Когут З.Є. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 187.

¹⁵² Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе / В.А. Шнирельман. – М., 2006. – С. 9.

коцентричных позиций. Не могла удовлетворить узбекских историков и упрощенная интерпретация появления на территории Узбекистана тюркоязычного населения в результате ассимиляции узбеками-кочевниками... родственного таджикам оседлого персидскоязычного населения¹⁵³.

В отличие от узбекских интеллектуалов их таджикские коллеги смогли освободиться от этой культурной опеки центра быстрее, что вылилось в последовательную национализацию таджикской истории¹⁵⁴, несмотря на то, что Таджикистан получил статус союзной республики позже, чем Узбекистан, что привело к более позднему созданию научных учреждений и институций, призванных сохранять, культивировать и воспроизводить национальную идентичность и историческую память. Если узбекские интеллектуалы мучительно решали дилемму поиска тюркских предков в контексте цивилизаций, связанных с иранским (и поэтому – таджикским) миром – таджикские исследователи предприняли попытку интегрировать эти культуры древности и средневековья в таджикский исторический контекст.

Особое внимание в деле выработки таджикского исторического нарратива таджикские интеллектуалы уделяли Согду, предпочитая писать о «самобытной культуре древнего Согда»¹⁵⁵, подчеркивая при этом ее взаимосвязь с таджикской культурой. Таджикские интеллектуалы акцентировали внимание и на этнически-генетических связях жителей Согда и современных таджиков. А. Джалилов, например, полагал, что «основным языком населения Согда был согдийский, относящийся к восточноиранской группе языков». С другой стороны, подчеркивая политическое и

¹⁵³ Там же. – С. 269.

¹⁵⁴ Элементы национального прочтения истории были характерны и для русских востоковедов, которые принимали участие в написании истории Таджикистана. См.: Струве В.В. Родина зороастризма / В.В. Струве // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. – Сталинабад, 1945. – Вып. 1. – С. 3 – 55; Андреев М.С. О таджикском языке настоящего времени / М.С. Андреев // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. – Сталинабад, 1945. – Вып. 1. – С. 56 – 70.

¹⁵⁵ Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. / А. Джалилов. – Сталинабад, 1961. – С. 54. (книга, изданная на русском языке, имела и титульный лист на таджикском: Джалилов А. Суғд дар арафаи тохтутози арабҳо ва муборизаи суғдиён бар зидди истилогарони араб дар нимаи якуми асри VIII / А. Джалилов. – Сталинабад, 1961).

культурное значение языка, А. Джалилов указывал на то, что «согдийский язык был одним из наиболее распространенных языков Востока»¹⁵⁶, что автоматически ставило таджиков на один уровень с родственными им персами. Это историческое равноправие должны были подчеркнуть и периодические упоминания того, что древние предки таджиков, подобно персам, также исповедовали зороастризм. А. Джалилов подчеркивал, что именно зороастризм был «одной из древних и основных религий согдийцев»¹⁵⁷.

Если подобные констатации могли устроить узбекских современников А. Джалилова как относительно объективные, то утверждение таджикского автора о том, что на согдийском языке говорили в Бухаре и Самарканде¹⁵⁸, которые в советский период оказалась в составе Узбекской ССР, воспринималось узбекскими национально ориентированными интеллектуалами как почти проявление территориальных претензий. Анализируя проблемы истории письменности Согда, таджикские интеллектуалы подчеркивали особую прогрессивную роль предков таджиков в регионе Средней Азии¹⁵⁹. А. Джалилов прилагал немалые усилия к «воображению» Согда как одного из крупнейших культурных центров: «на согдийском языке существовали достаточно разнообразные произведения религиозной, исторической, художественной литературы... согдийский язык был не только богатым литературным языком своего народа, он был и одним из широко распространенных языков, имевших международное значение... достижения согдийцев в области архитектуры тоже были весьма значительным... большое развитие имели также изобразительные искусства»¹⁶⁰. Националистическое воображение таджикских интеллектуалов работало весьма динамично, а конечный продукт вполне соответствовал чаяниям национально ориентированной части таджикской интеллигенции. Таким образом, относительно того периода, в котором узбекские историки искали тюркских предков «узбекской социалистической нации», большинство из которых были кочевниками, таджикские националисты конст-

¹⁵⁶ Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия... – С. 54.

¹⁵⁷ Там же. – С. 73.

¹⁵⁸ Там же. – С. 55, 56.

¹⁵⁹ Там же. – С. 58.

¹⁶⁰ Там же. – С. 59, 63.

руировали весьма аттрактивный образ таджикских предков как чрезвычайно развитого (в отличие от тюрок) общества.

Второй том «Истории народов Узбекистана» был написан и отредактирован русскими историками. При этом он содержал разделы, посвященные русской политике в отношении Узбекистана, которая оценивалась, как правило, негативно. Подчеркивалось то, что «жестокостью своих методов управления и угнетения народов Узбекистана царизм вызвал недоверие и даже враждебное отношение к русскому народу в целом»¹⁶¹. Меры, направленные на подчинение Средней Азии, рассматривались как противоречащие интересам узбеков, особо подчеркивалось то, что «наилучшим средством поддержания своей власти царизм считал русификацию насильственными мерами коренного населения»¹⁶². Российская модель управления Средней Азии рассматривалась как изначально неправильная в силу того, что основывалась на «произволе царской администрации»¹⁶³. Политика Российской Империи в отношении узбеков интерпретировалась как колониальная, сравниваясь, например, с политикой Франции в Алжире¹⁶⁴. В условиях жесткой идеологической цензуры и того, что второй том был написан русскими авторами антирусские нарративы получили минимальное развитие, что, впрочем, не помешало в дальнейшем активно использовать антирусский сентимент узбекским национально ориентированным интеллектуалам.

«История народов Узбекистана» стала в большей степени проявлением компромисса между национально ориентированной частью интеллигенции и партийными элитами. Вторые хотели сохранить контроль над политическим дискурсом в Узбекской ССР в то время, как первые стремились использовать исторические исследования для развития национальной идентичности. Вероятно, наиболее успешными и последовательными в этой ситуа-

¹⁶¹ История народов Узбекистана / под. ред. С.В. Бахрушина, В.Я. Непомнина, В.А. Шишкина. – Ташкент, 1947. – Т. 2. От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 253. «История» вышла на русском языке, но имела также титульный лист на узбекском: Ўзбекистон халқларининг тарихи / С.В. Бахрушин, В.Я. Непомнин, В.А. Шишкин тахрири остида. – Ташкент, 1947. – Т. 2. Шайбонилар давлатининг ташкил бўлишидан Октябрь социалистик революциясига қадар.

¹⁶² История народов Узбекистана. – Т.2. – С. 261.

¹⁶³ Там же. – С. 257.

¹⁶⁴ Там же. – С. 255.

ции оказались партийные элиты. Версия узбекской истории в публикациях начала 1950-х годов получилась в большей степени как узбекская территориально, но не узбекская национально. Вместо возможной «Истории Узбекской ССР» бала предложена «История народов Узбекистана», хотя и в рамках этого издания заметны тенденции узбекского политического национализма и этноцентризма. Тем не менее, эта публикация стала одной из первых попыток создания «большой», синтетической версии узбекской истории, что сделало возможным дальнейшее развитие исторических исследований в Узбекской ССР в форме их постепенной национализации, смыкания с проявлениями политического и этнического национализма.

Поэтому, история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами. Американский исследователь Т. Эриксен в связи с этим подчеркивает, что связь с прошлым в зависимости от ситуации может выступать в роли фактора, который гарантирует «политическую легитимность»¹⁶⁵. История делает существование нации законных и легитимным. Проблема состоит в том, что эта единая история формируется не просто в результате деятельности интеллектуалов-националистов¹⁶⁶, но в результате сознательного отказа от тех или иных концепций в пользу идей способных консолидировать нацию. Российский исследователь В.А.

¹⁶⁵ Eriksen E. Ethnicity and Nationalism / E/ Eriksen – L., 1993. – P. 71.

¹⁶⁶ О роли националистически ориентированных интеллектуалов в формировании концепции истории и в процессах историописания см.: Кирчанов М.В. Германская Демократическая Республика: исторические нарративы в дискурсах написания национальной истории / М.В. Кирчанов // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора В.А. Артемова / ред. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2006. – Часть. 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения и идентичности. – С. 229 – 239; Кирчанов М.В. Земля, кровь и память: баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928-1944 гг.) / М.В. Кирчанов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник материалов. – Елец, 2006. – Вып. 7. – С. 213 – 223; Кирчанов М.В. Идентичность и историописание (обобщающие исторические исследования в Чувашской АССР) / М.В. Кирчанов // *Studia Türkologica*. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 3. – С. 6 – 27; Кирчанів М.В. Македонська історична пам'ять в СФРЮ: македонські інтелектуали і національна ідентичність / М.В. Кирчанів // *Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований* / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 548 – 565.

Шнирельман подчеркивает, что в зависимости от самых разных факторов «интеллектуалы выдвигают и отстаивают определенные версии прошлого, представляющие и оценивающие одни и те же события или процессы далеко не одинаково»¹⁶⁷.

Американский исследователь Джонатан Фридмэн подчеркивает, что история историко-мифотворчества играет для них роль их собственной идентичности¹⁶⁸. В наиболее классическом виде эту идею выразил один из патриархов националистических штудий Энтони Смит, который полагает, что история национализма - это в такой же степени история тех, кто о нем повествует. Но несмотря на то, что историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма, роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования¹⁶⁹. Дебаты по поводу прошлого обычно сопровождают формирование нации. В рамках подобных дискуссий для историков-националистов особую важность имеет выработка и создание своих собственных национальных символов.

В рамках научного дискурса в советской Средней Азии формировался не только особый тип идентичности, но и лояльности, одним из проявлений которой было культивирование нарративов о значительном росте и прогрессе среднеазиатских республик. В частности в официальном издании «Узбекская ССР», автором которой позиционировался председатель Верховного Совета Узбекской ССР С.Х. Сираждинов, констатировалось, что благодаря советской власти, которая открыла «новую чудесную страницу в истории узбекской земли»¹⁷⁰, возник некий новый Восток, «цветущий край, щедро залитый солнцем, республика неутомимых и вдохновенных людей, созидаящих новое коммунистическое общество»¹⁷¹. Местные интеллектуалы в национальных союзных

¹⁶⁷ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 15.

¹⁶⁸ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 52.

¹⁶⁹ О позиции Энтони Смита см.: Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236, 260.

¹⁷⁰ Сираждинов С.Х. Узбекская Советская Социалистическая Республика / С.Х. Сираждинов. – М., 1972. – С. 13.

¹⁷¹ Там же. – С. 5.

республиках были вынуждены демонстративно выражать свою лояльность союзному руководству как политическому центру и местным номенклатурно-партийным элитам, которые контролируя периферию, были наделены правом иметь, сохранять, развивать свою собственную идентичность при условии соответствия с общесоюзными политическими нарративами и совпадении ее границ с пределами официального политического канона.

В этот союзный исторический канон было весьма непросто интегрировать национальные истории среднеазиатских советских республик. На местном уровне они воспринимались как объективно свои собственные, почти – национальные, в то время как в рамках единого историографического канона им почти не было места, а их изучение велось по остаточному принципу в рамках курса «История СССР» или различных востоковедческих дисциплин. Иными словами, то, что для московского или ленинградского интеллектуала было неким своеобразным периферийным востоковедением или почти востоковедением в республиках Средней Азии и в Казахской ССР воспринималось как национальная история. Но не следует, вероятно, полагать, что интерес к этому региону ограничивался исключительно региональным, республиканским уровнем.

Интеллектуалы в среднеазиатских республиках прилагали значительные усилия, направленные на написание национальных историй. Ситуация осложнялась взаимными историческими претензиями между различными этническими группами, которые в духе советской национальной политики были объявлены социалистическими нациями. С другой стороны, в своем развитии национальные историографии испытывали мощное влияние со стороны советского идеологического канона. Степень проявления коммунистической идеологии в исторических исследованиях была различной, но на протяжении всего периода советской истории Средней Азии оставалась высокой. Поэтому, интеллектуалы, например в Узбекской ССР, были вынуждены подчеркивать свою верность «единственно правильному и научному марксистско-ленинскому мировоззрению, марксистско-ленинской теории исторического процесса»¹⁷².

¹⁷² Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т. 2. – С. 3.

Значительных успехов в формировании консолидированной национальной версии истории достигли таджикские интеллектуалы. На протяжении 1920 – 1930-х годов таджикский национализм понес значительные потери, связанные с особенностями проведения административных границ между советскими республиками. Исторические и культурные центры таджиков, Самарканд и Бухара, были переданы в состав Узбекской ССР. Более того, сами таджики, которые позиционировали себя как народ культурно, исторически и генетически связанный с персидским миром, были вынуждены несколько лет существовать в виде АССР в составе инокультурной и иноязычной Узбекской ССР. Относительно поздний факт создания Таджикской ССР и институций, призванных поддерживать и развивать таджикскую идентичность, значительно стимулировали активность и националистическое воображение таджикских интеллектуалов, хотя попытки таджикских националистов заявить о своих правах имели место и ранее, о чем, например, свидетельствуют некоторые публикации¹⁷³, для которых характерен исторический и частично политический таджикоцентризм.

Процесс создания истории – это утверждение одних исторических нарративов за счет маргинализации других. Это осознается большинством интеллектуалов в национальных и национализирующихся государствах. Поэтому именно историками был заложен моральный и интеллектуальный фундамент для национализма. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили институционализацию наций, в создании которых они принимали участие. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности¹⁷⁴.

¹⁷³ См. подробнее: Айни С. Нуманаи адабиёти тоҷик / С. Айни. – М., 1926; Айни С. Исьёнп Муқаннаъ. Очерки таарифи тоҷикӣ / С. Айни. – Сталинобод, 1944; Айни С. Кахрамони халқи тоҷик Темуралӣ. Очерки адабиёт-таърихи тоҷикӣ / С. Айни. – Сталинобод, 1944

¹⁷⁴ Об этой роли исторической науки и исторического знания см.: *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Gottingen, 1999.

В подобных ситуациях формирование идентичности протекает в рамках интерпретации и реинтерпретации исторических событий. В эпоху национализма, как полагает В.А. Шнирельман, главными «субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности». В такой ситуации интеллектуалы-националисты могут намеренно навязывать «современную этничность глубокой древности»¹⁷⁵.

Исторические исследования играли очень значительную роль в функционировании и воспроизводстве таджикской идентичности¹⁷⁶ в советский период, Институт Истории им. А. Дониша (Институти таърихи ба номи Аҳмади До¹⁷⁷ниш), созданный в 1951 году, стал своеобразным центром национально ориентированных таджикских интеллектуалов. Таджикский исторический миф был одним из средств поддержания идентичности. Среди форматоров национальной версии таджикской истории был Б. Гафуров (1909 – 1977)¹⁷⁸, который в середине 1940-х годов указал на необходи-

¹⁷⁵ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 18.

¹⁷⁶ В этом контексте важны исследования, посвященные традиционной культуре таджиков. Изучение таджикской народной культуры и традиций было формой проявления национализма. Национальная направленность характерна для ряда работ таджикских авторов советского периода. См.: Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зеравшана (этнографические исследования к истории религии и атеизма) / О. Муродов. – Душанбе, 1979; Мухиддинов И. Реликты доисламских обычаев и обрядов у земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX века) / И. Мухиддинов. – Душанбе, 1989; Негмати А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков / А. Негмати. – Душанбе, 1989.

¹⁷⁷ Об Институте Истории им. А. Дониша см.: Институт истории имени Ахмада Дониша Академии Наук Таджикской ССР / отв. ред. Ю.С. Мальцев. – Душанбе, 1981.

¹⁷⁸ О Б. Гафурове см.: Мирсаидов У.М. Вклад Б. Гафурова в развитие науки Таджикистана / У.М. Мирсаидов // Б.Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сборник докладов участников Международной конференции, посвященной 90-летию Б.Г. Гафурова, 28 – 29 июля 1999 г., Нью-Дели / сост. Н.Б. Гафурова, М.С. Лебедев. – М., 2000. – С. 121 – 123; Чаттерджи С. Восстановление места Таджикистана в мировой истории: учение Бартольда и Гафурова в новой таджикской историографии / С. Чаттерджи // Б.Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сборник докладов... – С. 124 – 137; Мухтаров А.М. Слово о Бободжане Гафурове

мость изучения истории таджиков с национальных позиций¹⁷⁹, а во второй половине 1940-х – предпринял первые шаги в этом направлении¹⁸⁰. В своих исторических исследованиях Б. Гафуров был вынужден сочетать идеологическую лояльность с верностью национальным ценностям и, хотя его капитальный труд «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история» открывался с идеологической формулы («таджикский народ входит в великое содружество социалистических наций, образующих Союз Советских Социалистических Республик. Вместе со своим старшим братом, русским народом, вместе со всеми другими братскими народами таджикский народ под руководством КПСС уверенной поступью идет к коммунизму»¹⁸¹), общая направленность работы была национальной.

Бободжан Гафуров стремился конструировать синтетическую версию «большой» таджикской истории, отличительной чертой которой была преемственность (если не этническая, то социально-экономическая) между ее различными этапами. Б. Гафуров стремился ввести таджиков не просто в число исторических наций, но наций, имеющих древнюю историю. Поэтому, синтетическое изложение национальной версии таджикской истории открывается разделом, посвященным первобытности¹⁸².

Б. Гафуров в советский период принадлежал к крупнейшим теоретиками таджикского арийства. Анализируя проблемы этногенеза таджиков, Б. Гафуров связывал их происхождение с появлением, развитием и постепенным распадом индоарийской общности. Б. Гафуров акцентировал особое внимание на древности и уникальности таджикского языка, его родстве с иранскими языками и на том, что языки таджиков и иранцев (дари, фарси дари) несут в себе гораздо больше древних индоевропейских (арий-

/ А.М. Мухтаров // Б.Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сборник докладов... – С. 178 – 183.

¹⁷⁹ Подробнее см.: Гафуров Б.Г. Глубже изучать богатое историческое прошлое таджикского народа / Б.Г. Гафуров // Труды Таджикского филиала АН СССР. – 1945. – Т. 21.

¹⁸⁰ См.: Гафуров Б. Таърихи мухтасари халки тоҷик / Б. Гафуров. – Сталинобод, 1947.

¹⁸¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г. Гафуров. – М., 1972. – С. 3.

¹⁸² Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 21 – 27.

ских) элементов¹⁸³, чем другие языки, входящие в эту языковую семью. Б. Гафуров культивировал идею не только арийского единства таджиков и персов, но и способствовал исторической глорификации носителей иранских языков в прошлом, подчеркивая, что «в древности область распространения иранских языков и племен была намного обширнее...она простиралась от Юго-Восточной Европы до Восточного Туркестана и от Приуралья и Южной Сибири до юга Ирана»¹⁸⁴.

Именно в силу этого обстоятельства история используется националистами ради конструирования национальных и, как результат, исторических идентичностей с целью предложения их тому или иному сообществу, что в перспективе может гарантировать его трансформацию в виде национализации и выработки новых идентичностей и лояльностей. В недемократических режимах, тоталитарных и авторитарных, историческое знание подверглось институционализации, что диктовалось желанием властей создать эффективный механизм контроля и управления историческими исследованиями. В недемократических обществах существуют «концептуальные противоречия» между националистически настроенной интеллигенцией, с одной стороны, и сторонниками коммунистической доктрины, с другой.

Националистически настроенная интеллектуальная элита в условиях существования подобных режимов, как полагает П. Варнавский, была вынуждена адаптировать «специфику националистической риторики к требованиям советского идеологического текста». Это повлияло на то, что «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры»¹⁸⁵. Новые институты, созданные по инициативе властей, в различной степени были вовлечены в процесс формирования исторического знания – от собственно политической истории до истории языка, культуры и литературы. В рамках институционализированных академических и университетских структур дискурс национальной памяти было гораздо легче контролировать и

¹⁸³ Там же. – С. 28 – 29.

¹⁸⁴ Там же. – С. 36 – 37.

¹⁸⁵ См.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 150, 157.

направлять чем в том случае, если такие структуры отсутствовали. С другой стороны, «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы»¹⁸⁶.

Усилиями Б. Гафурова Таджикистан интегрировался в иранский исторический и языковой контекст, воспринимаясь как один из центров «полулегендарной страны Арьянам-вайчах (Арийский простор), ранней области обитания иранских (или арийских вообще) племен»¹⁸⁷. Интегрируя историю таджиков в арийский контекст Б. Гафуров полагал, что пророк Заратуштра мог происходить из одного из регионов будущего Таджикистана¹⁸⁸. В истории, написанной в национальных координатах, таджики занимали достойное место в ряду арийских (индоевропейских) народов древности. В этом контексте таджики и Таджикистан, как периферийная и не самая развитая союзная республика, превращались в национально ориентированной версии истории не просто ареал исторического развития таджиков, но и в один из очагов (наряду с Закавказьем) древнейшей цивилизации на территории Советского Союза. Особую роль в развитии и воспроизводстве таджикской идентичности в советский период играл государственный нарратив, призванный представить политическую историю таджиков как часть развитой многовековой государственной традиции иранского мира.

История особо тесно связана с национализмом в национализирующихся обществах. Если страна представляет собой национализирующееся (со)общество, то для местных интеллектуалов история являлась не только представлением о прошлом, но и идеей о прошлом, «тесно связанной с выработкой идентичности в настоящий момент»¹⁸⁹. Написание / описание истории самым тесным образом связано с внешними условиями, в которых существует интеллектуальное сообщество, играющее роль основного носителя идеологии национализма. Объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой

¹⁸⁶ Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals Frontiers / D. Thompson // Encounter. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

¹⁸⁷ Там же. – С. 37.

¹⁸⁸ Там же. – С. 50.

¹⁸⁹ Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

идентичности. Написание истории, как полагает Джонатан Фридмэн, является и результатом социальных позиций¹⁹⁰.

Государственные сюжеты обрели особую популярность среди национально ориентированной части таджикской интеллигенции, что было своеобразной психологической компенсацией за потерю исторических и политических центров таджиков, переданных в состав Узбекской ССР. Схема государственной истории таджиков была предложена Б. Гафуровым и позднее с незначительными модификациями транслировалась последующими поколениями таджикских интеллектуалов. В рамках национально ориентированной версии таджикской истории утвердилось восприятие государств прошлого, существовавших на территории Средней Азии, как 1) государств, где жили предки таджиков; 2) государств со значительным процентом таджикского населения и 3) таджикских государств. Уверенность таджикских историков, что предки таджиков жили в ряде государств Древнего Мира, позволяла им интегрировать эти государства в таджикскую версию национальной истории. В качестве таких государств, где проживали предки таджиков и позднее сами таджики, позиционировались Ахеменидский Иран, Селевкидский Иран, Парфия и Бактрия, Кушанское царство, Сасанидский Иран, государство тохаров, Согд, государство Газневидов, Гуридов, Караханидов¹⁹¹.

Комментируя подобные концепции Б. Гафурова, индийский исследователь С. Чаттерджи подчеркивает, что «новая таджикская историография развивалась вместе с расцветом нации. Бободжан Гафуров был ее типичным представителем, связывавшим Таджикистан с античной культурой... Гафуров ассоциировал таджиков с иранской культурой, наделяя их классической персидской историей... тем самым таджики получили самобытность»¹⁹². Б. Гафуров констатировал, что «большую роль в державе Ахеменидов играли бактрийцы, хорезмийцы, согдийцы, парфяне»¹⁹³, которые в таджикской историографии позиционировались в качестве предков таджиков. Это позволяло национально ориентированной части интеллигенции в Таджикской ССР декла-

¹⁹⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 42.

¹⁹¹ Там же. – С. 67 – 72, 101 – 103, 105, 141, 193 – 194, 225 – 227, 247 – 250, 389, 394, 399.

¹⁹² Чаттерджи С. Восстановление места Таджикистана... – С. 129 – 130.

¹⁹³ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 83.

рировать причастность таджиков в «большой» персидской государственно-политической традиции.

Принадлежность к этой традиции, по мнению таджикских националистов, должна была проявляться и в том, что предки таджиков, говорившие на иранских языках, активно боролись против войск Александра Македонского¹⁹⁴. Б. Гафуров констатировал, что «героический народ Согда, несмотря на огромные потери, не думал сдаваться»¹⁹⁵, а Согд был в значительной степени интегрирован в таджикский исторический нарратив, став своеобразным «местом памяти» для таджикских националистов.

«Государственные» нарративы были чрезвычайно привлекательны для национально ориентированной части интеллектуального сообщества в Таджикской ССР. В качестве одного из «таджикских» государств прошлого усилиями таджикских историков позиционировалось государство Саманидов. Во второй половине 1970-х годов таджикский историк Н. Негматов, анализируя государство Саманидов, акцентировал внимание на его территориях, состоявших из двух крупных регионов – Мавераннахра и Хорасана. Особо подчеркивалось, что Бухара и Самарканд были не только «крупнейшими центрами ремесла и торговли, науки, литературы и искусства», но и теми городами, вокруг которых «начало слагаться *таджикское* [курсив мой – М.В.] государство Саманидов»¹⁹⁶.

Заинтересованность в тех или иных исторических темах, тем более – регионально маркированных, как полагает Зенон Евген Когут¹⁹⁷, зависит от региона и потенциально может скорее разъединить, чем объединить и сформировать единое историческое видение. Атмосфера свободного поиска ведет не только к попыткам выстраивания истории в категориях научного знания. Она создает условия для переписывания национальной истории. В этой ситуации новый исторический дискурс «нередко призван

¹⁹⁴ Там же. – С. 95.

¹⁹⁵ Там же. – С. 97.

¹⁹⁶ Негматов Н.Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX – X вв.) / Н.Н. Негматов. – Душанбе, 1977. – С. 33.

¹⁹⁷ Когут З.Є. Історія як поле битви. – С. 231, 235.

показать политическую независимость как возвращение к истокам»¹⁹⁸.

В этом контексте восприятие истории нередко может подвергаться сознательной мифологизации¹⁹⁹. Поэтому, история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем²⁰⁰. Джонатан Фридмэн подчеркивает, что дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности²⁰¹. Комментируя роль националистов в написании и описании истории К. Калхун указывает на то, что у национализма очень непростые отношения с историей при том, что именно национализм поддерживает создание исторических описаний нации, а современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделить читателей коллективной идентичностью²⁰².

В этом контексте историческое знание в руках интеллектуалов-националистов обладает значительной интегративной функцией, связанной с преодолением региональных и социальных памятей, которые интегрируются в национальный контекст. Ком-

¹⁹⁸ См. подробнее: Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане / М. Ларюэль, С. Пейруз // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 439.

¹⁹⁹ О роли национальных мифов и их влиянии на историонаписание см.: Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160; Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // *Ibid.* – S. 225 – 258; Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // *Ibid.* – S. 109 – 138; Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // *Ibid.* – S. 11 – 38; Antić A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnenju u posklednih deset godina // *Ibid.* – S. 259 – 290; Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za državnost: historiografski mitovi u Republici Makedoniji // *Ibid.* – S. 291 – 305; Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi // *Ibid.* – S. 39 – 66; Kamberović H. “Turci“ i “kmetovi“ – mit o vlasnicima Bosanske zemlje // *Ibid.* – S. 67 – 84; Kvarne J. Da li je Bosni i Hercegovini potrebno stvaranje novih povijesnih mitova? // *Ibid.* – S. 85 – 108; Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatske i Srbije // *Ibid.* – S. 203 – 224; Žanić I. Simbolični identitet hrvatske u trokutu Raskrižje-Predziđe-Most // *Ibid.* – S. 161 – 202.

²⁰⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.

²⁰¹ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 41.

²⁰² Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 113 – 120.

ментируя подобные тенденции в развитии националистического дискурса французский историк Пьер Нора указывает на то, что история в понимании интеллектуалов противостоит «спонтанной памяти». По мнению П. Нора²⁰³, националисты стремятся искоренить память, заменив ее систематизированным и стандартизированным нарративом, который определяет то, как и какими средствами следует писать / описывать историю.

Известный таджикский историк Б. Гафуров в отношении этнической принадлежности Бухары того периода был настроен еще более национально, декларируя, что именно этот город был «столицей Саманидского государства»²⁰⁴. Национально ориентированные историки в Таджикской ССР исходили из того, что именно в государстве Саманидов сложились условия для территориальной и языковой интеграции таджиков, хотя Н. Негматов указывал на то, что определенные элементы таджикской культуры и самосознания возникли раньше – на этапе доминирования в регионе зороастризма²⁰⁵. Этап существования государства Саманидов, по мнению Н. Негматова, был «одним из наиболее блестящих и насыщенных периодов в истории культуры таджикского народа»²⁰⁶.

Негматов позиционировал государство Саманидов как почти таджикское национальное, указывая на то, что даже политические элиты «культивировали родную речь и литературу»²⁰⁷. Н. Негматовым особо подчеркивалось то, что развитию таджикской культуры в государстве Саманидов способствовала «многовековая традиция предков таджикского народа»²⁰⁸, что привело к своеобразному «возрождению древнетаджикской культуры»²⁰⁹. Тот факт, что в государстве Саманидов широко использовался таджикский язык, по мнению Н. Негматова, подчеркивает именно таджикский характер этой государственности. Негматов полагал, что государство Саманидов продолжало традиции использования

²⁰³ См. подробнее: Nora P. Between Memory and History / P. Nora // Representations. – 1989. – Vol. XXVI. – P. 9.

²⁰⁴ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 363.

²⁰⁵ Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – С. 215.

²⁰⁶ Там же. – С. 135.

²⁰⁷ Там же. – С. 136.

²⁰⁸ Там же. – С. 135.

²⁰⁹ Там же. – С. 136.

таджикского языка в различных сферах, которые возникли до этого.

Наибольших успехов в интеграции государства Саманидов в таджикский исторический контекст достиг Б. Гафуров, полагавший, что именно в период правления Саманидов «завершился процесс образования таджикского народа», что, с одной стороны, выразилось в «возрождении многих культурных традиций» (что было призвано подчеркивать включенность Саманидов в иранский контекст), а, с другой, в «создании новых культурных ценностей»²¹⁰, под которыми понималось именно таджикское в культуре, языке и искусстве. Именно поэтому Н. Негматов особо акцентировал внимание на том, что «художественные произведения на таджикском языке» гораздо раньше²¹¹. Анализируя государство Саманидов, Н. Негматов указывал и на его (со)причастность иранскому миру, напоминая, что именно в государстве Саманидов нашли приют многие деятели персидской культуры²¹².

Этому, по мнению национально ориентированных таджикских интеллектуалов, способствовала языковая и культурная близость между таджиками и персами. В этом контексте Н. Негматов стремился подчеркнуть «арийство» таджиков, указывая на то, что в их этногенезе приняли участие в наибольшей степени носители иранских языков²¹³. С другой стороны, словно намеренно акцентируя внимание на «арийстве» таджиков, Н. Негматов указывал о незначительной роли в их формировании тюрок и арабов²¹⁴, что было призвано подчеркнуть иранскую чистоту таджиков. Н. Негматов прилагал немалые усилия для создания аттрактивного образа государства Саманидов в контексте его места в истории Средней Азии и международного значения. В этом контексте им особо подчеркивалось, что в государстве Саманидов жил Ибн Сина, позиционируемый как крупнейший и признанный ученый не только на Востоке, но и на Западе²¹⁵.

Обладание такими великими предками использовалось национально ориентированными таджикскими интеллектуалами

²¹⁰ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 370 – 371.

²¹¹ Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – С. 199.

²¹² Там же. – С. 138.

²¹³ Там же. – С. 222.

²¹⁴ Там же. – С. 223.

²¹⁵ Там же. – С. 185.

как аргумент в их полемике с узбекскими оппонентами. Стремясь интегрировать историю Саманидов в общеиранский контекст, Н. Негматов доказывал и то, что на территории их государства сохранились небольшие сообщества связанные с персидской традицией – общины зороастрийцев и манихеев²¹⁶. Б. Гафуров, подчеркивая таджико-иранское единство, активно использовал термин «таджико-персидская литература»²¹⁷. Исторические нарративы таджикских интеллектуалов были принципиально важны для развития и воспроизводства таджикской национальной идентичности в условиях существования авторитарного советского режима, который лишил таджиков их исторических и политических центров. На этом фоне возникли таджикско-узбекские дискуссии, которые нередко имели исторические основания. Культивирование государственно-исторической роли таджиков в прошлом было особенно актуально для национально ориентированной интеллигенции в условиях активности ее узбекских оппонентов, которые стремились интегрировать историческое наследие, воспринимаемое в Таджикской ССР как таджикское, в тюркский исторический контекст.

Национальные нарративы, представленные в версиях национальных историй республик Средней Азии, в значительной степени близки к исторической продукции, создаваемой интеллектуалами в других национальных республиках. Одной из центральных идей была идея древности и «большой» великой истории среднеазиатских наций. Например, туркменский историк Г.Б. Акиниязов стремился в своих работах сформировать образ туркмен как исторической нации, которая имеет древнюю и славную историю, наполненную историей туркменских государств прошлого, которые активно сопротивлялись иностранным завоевателям. На роль врагов в туркменском национально ориентированном нарративе претендовали почти все соседи туркмен. Г.Б. Акиниязов писал, что «туркменский народ на протяжении столетий подвергался чужеземным набегам арабов, монгол. Бухарских эмиров, хивинских ханов, афганских беков и других захватчиков».

²¹⁶ Там же. – С. 139 – 140.

²¹⁷ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 441.

Несколько модернизируя историю туркмен, Г.Б. Акиниязов настаивал на том, что «в борьбе против захватчиков окреп патриотизм туркменского народа»²¹⁸. Для концепций Г.Б. Акиниязова был характерен своеобразный дуализм: с одной стороны, он был склонен описывать туркменскую историю с примордиалистских позиций, с другой – заметны тенденции к ее намеренной модернизации, навязыванию современной для него туркменской этничности отдаленному прошлому. Развитие подобных нарративов в туркменской национальной историографии позитивно влияло не только на консолидацию и укрепление советской модели туркменской идентичности, но и вело к своеобразной виктимизации, формированию образа туркмен как жертвы, страдавшей от нечестных и агрессивных соседей. Примечательно, что в этом списке исторических противников не фигурирует Российская Империя, что свидетельствует о том, что туркменские историки были вынуждены сочетать национальное с требованиями официального советского историографического канона.

Местные историки предпочитали подчеркивать континуитет между древними государствами и различными государственными образованиями периода Средних Веков, которые географически и этнически с некоторой долей уверенности могли быть восприняты как узбекские, туркменские или таджикские. Туркменскими авторами особо подчеркивалась древность туркменской культуры. В целях культивирования Туркменистана как одного из очагов развития цивилизации и государственности на территории СССР туркменскими авторами издавались специализированные периодические сборники «Каракумские древности»²¹⁹ и «Матери-

²¹⁸ См. подробнее: Акиниязов Г.Б. К вопросу о патриотизме туркменского народа в дооктябрьский период / Г.Б. Акиниязов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтың ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1957. – Вып. 3. – С. 103 – 113.

²¹⁹ См. подробнее периодические издания Института истории им. Ш. Батырова (Ш. Батыров адындакы Тарых институты) АН Туркменской ССР (Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы) из серии «Каракумские древности». См.: Каракумские древности. – Ашхабад, 1977. – Вып. 5. – 179 с.; Каракумские древности. – Ашхабад, 1977. – Вып. 6. – 116 с.; Каракумские древности. – Ашхабад, 1978. – Вып. 7. – 96 с.; Каракумские древности. – Ашхабад, 1977. – Вып. 8. – 124 с.

альная культура Туркменистана»²²⁰, которым отводилась роль своеобразной площадки для культивирования и популяризации нарративов, связанных с туркменской древностью.

Таджикские интеллектуалы уделяли значительное внимание изучению истории и культуры Согда, стремясь интегрировать этот регион в таджикский исторический, культурный и языковой контекст. С одной стороны, внимание акцентировалось на высоком уровне развития государственности, культуры и искусства Согда, с другой, подчеркивалось, что арабское завоевание «нанесло тяжелый удар высокой культуре Согда»²²¹. Усилиями таджикских национально ориентированных интеллектуалов, которые активно манипулировали историческими фактами, формировался образ таджиков как наиболее развитой нации в регионе, которая в прошлом играла особую историческую роль.

Историческая наука уже имела немалый опыт отношений с интеллектуалами-националистами, которые, в свою очередь, полагали возможным использовать немалый политический и мобилизационный потенциал исторического знания. История, как подчеркивают молдавские историки А. Куско и В. Таки, всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний²²². История для авторитарных и для национализирующихся режимов стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности. Восприятие истории в этом контексте было и остается основным «полем битвы за идентичность»²²³.

Националисты почти всегда склонны писать истории под себя, что нередко оказывает негативное влияние на конечный результат. Какими бы мотивами не руководствовались интеллек-

²²⁰ Материальная культура Туркменистана / Туркменистаның малды меденйети. Ашхабад, 1974. – Вып. 2. – 172 с.

²²¹ Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. / А. Джалилов. – Сталинабад, 1961. – С. 164.

²²² Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485. См. так же: Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484; Troebst S. “We are Transnistrians”. Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.

²²³ Когут З.Є. Історія як поле битви. – С. 219.

туалы – верностью принципам национализма и / или требованиями политической лояльности – предложенная историческая схема может оказаться, как, например, произошло в УССР, по словам Ярослава Грыцака, «очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях»²²⁴. Подобные проблемы были характерны для большинства национальных историографий в СССР. В частности, Д. Усманова указывает на то, что татарская историография Татарской АССР в РСФСР «была частью советского интеллектуального сообщества, ей были в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора»²²⁵.

Составление линейных исторических повествований и утверждение примордиализма часто идут рука об руку. Обращение к истории и примордиальной этничности, как полагает К. Калхун, является ответом на проблемы современных притязаний на статус нации. В подобной ситуации националистическая версия истории является и проектом конструирования / создания нации. С другой стороны, не следует забывать, что история активно используется для формирования коллективных идентичностей и слома локального идентитета, отличного от тех концепций, что предлагаются националистическим большинством.

Поэтому, К. Калхун подчеркивает, что «написание истории – это не только вопрос памяти о каждом. Это также вопрос стирания тех разногласий, который способны ослабить нацию»²²⁶. Подобные тенденции с особой силой проявляются в таком виде исторической продукции как учебники²²⁷. Американские исследо-

²²⁴ Грыцак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грыцак // *Ab Imperio*. – 2003. – № 2. – С. 427.

²²⁵ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 351.

²²⁶ См. подробнее: Калхун К. Национализм. – С. 113 – 126.

²²⁷ О проблеме влияния националистического дискурса на написание учебников по истории см.: Anagnostopoulou S. “Tyranny” and “Despotism” as National and Historical Terms in Greek Historiography / S. Anagnostopoulou // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 81 – 90; Kalionski A. Ottoman Macedonia in Bulgarian History Textbooks for Secondary School / A. Kalionski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 276 – 280; Kalionski A., Kolev V. Multiethnic Empires, National Rivalry and Religion Bulgarian History Textbooks / A. Kalionski, V. Kolev // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. –

ватели Л. Хэйн и М. Сэкдэн подчеркивают, что школы и учебники представляют собой важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее²²⁸, нередко основанное на идее однородной в этническом плане нации. При написании национальной истории, по мнению Д. Усмановой, неизбежно «доминирует своеобразный этноцентризм»²²⁹.

Национальные идеологии и националистические движения «в значительной степени опираются на этнические версии истории»²³⁰. В подобной ситуации, как полагает В.А. Шнирельман, исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству. Именно поэтому, конструируя прошлое, люди стремятся обеспечить «будущее, основанное на соответствующем образом интерпретированном или реинтерпретированном прошлом»²³¹. Написание учебников с позиций национализма ведет к крайней политизации исторической продукции²³². Эта политизация очевидна в авторитарных и тоталитарных обществах, где, по терминологии А. Куско и В. Таки, существует феномен «монополизации историографического производ-

Thessaloniki, 2002. – P. 117 – 132; Jordanovski N. Medieval and Modern Macedonia as Part of a National “Grand Narrative” / N. Jordanovski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 109 – 117.

²²⁸ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

²²⁹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. – С. 337.

²³⁰ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 518.

²³¹ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 11 – 12.

²³² См. этом подробнее: McCormack G. The Japanese Movement to “Correct History” / G. McCormack // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73; Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // *Ibid.* – P. 74 – 95; Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // *Ibid.* – P. 203 – 225; Loewen J.W. Vietnam War in High School American History / J.W. Loewen // *Ibid.* – P. 150 – 172; Soysal Y.N. Identity and Transnationalization in German School Textbooks / Y.N. Soysal // *Ibid.* – P. 127 – 149; Yoshiko N., Hiromitsu I. Japanese Education, Nationalism and Ienago Saboro's Textbook Lawsuits / N. Yoshiko, I. Hiromitsu // *Ibid.* – P. 96 – 126.

ства», который влечет за собой «высокую степень монополизации исторических дебатов»²³³, если власти, конечно, позволяют ограниченную научную дискуссию. Вероятно, и монополизация, и политизация исторического знания формирует то, что Диляра Усманова определяет как «концептуальные изъяны историографии»²³⁴.

В.А. Шнирельман подчеркивает, что в СССР была создана достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией²³⁵. Несмотря на это, националистически ориентированные интеллектуалы, среди которых были и авторы исторических учебников, искусственно и намеренно усиливали национальные моменты, занижая роль представителей других национальных групп. Доминирование подобных интерпретаций способствовало тому, что в некоторых национальных союзных республиках «советская наука была не в состоянии вырваться из замкнутого круга примордиалистских концепций» несмотря на то, что в СССР «в эпоху интернационализма говорить о древней истории было нежелательно»²³⁶.

Занятие историей несет печать популярного и официального национализма. С другой стороны, исследования в области академической истории нередко могут и не отличаться «пиететом к национальным святыням»²³⁷. Это ведет к тому, что взаимоотношения профессиональных историков с теми обществами, в которых они трудятся неизбежно оказываются нелегкими. История – мощное средство национальной и политической мобилизации, которое используется для обоснования прав на независимость тех или иных национализирующихся территорий или для удержания периферийных регионов в составе гетерогенного государства, где

²³³ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность. – С. 485, 491 – 492.

²³⁴ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. – С. 343.

²³⁵ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 20.

²³⁶ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 293.

²³⁷ См.: Камерфорд В. Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005. – С. 162 – 171.

«множественность идентичностей» может осложняться «присутствием сильных региональных традиций»²³⁸.

Именно поэтому любая национальная историография проявляет значительный национализм в описании и интерпретации прошлого. С другой стороны, интеллектуалы, создающие историю, как правило, являются примордиалистами. Это приводит к тому, что интеллектуальное историческое вынуждено существовать и функционировать в условиях почти безраздельного доминирования национальной парадигмы. Исторические исследования в подобной ситуации развиваются в условиях доминирования национального нарратива и этноцентризма, что обеспечивало преемственность в развитии исторических исследований и интерпретаций, выдержанных в национальных тонах.

²³⁸ Семенов А. От редакции: дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива / А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 378.

НАЦИИ, КЛАССЫ И НАРОДНЫЕ МАССЫ: «ДРУЖБА НАРОДОВ», РУССКИЕ КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ И СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Нередко в роли популяризаторов истории народов Средней Азии выступали русские исследователи²³⁹, которые фактически являлись национальными культуртрегерами, создавшими не только истории республик, но и способствуя появлению национальных интеллигенций. Русские исследователи в Центральной Азии внесли и определенный вклад в развитие местного националистического воображения, намеренно фрагментируя пространство, вычлняя из исторического прошлого региона национальные (узбекские, туркменские, таджикские) исторические тренды²⁴⁰. С другой стороны, национальная интеллигенция была более активна в формировании неприятного образа российской политики в Средней Азии. Например, туркменский исследователь К.М. Кулиев культивировал нарратив, согласно которому «царские колонизаторы, осуществляя политику национального угнетения, намеренно тормозили развитие национальной государственности, экономики и культуры»²⁴¹.

²³⁹ См. например: Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских территориях / Г.А. Пугаченкова // Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т. 2. – С. 8 – 57.

²⁴⁰ Мошкова В.Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен / В.Г. Мошкова // Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. – Ташкент, 1950. – Т. 2. – С. 135 – 158.

²⁴¹ Кулиев К.М. Национальная политика Коммунистической партии в Средней Азии в годы гражданской войны и иностранной интервенции / К.М. Кулиев // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 7 – 40. См. также: Киселев Д.С. Образование и развитие национальной государственности туркменского народа / Д.С. Киселев // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1957. – Вып. 3. – С. 44 – 102.

В то время когда русские авторы обходили вниманием негативные стороны политики Российской Империи, предпочитая писать о прогрессивном влиянии русского революционного движения на Среднюю Азию²⁴², местные историки настаивали на том, что действия российской администрации являлись «реакционными и черносотенными»²⁴³. Подобные нарративы, характерные для научного языка туркменских, узбекских и таджикских интеллектуалов, свидетельствуют о том, что историографии в союзных республиках не были свободны от национальных противоречий, используя интеллектуалами как механизм для формирования и транслирования национальных мифов. В этом контексте национальная историография играла роль мощного катализатора для развития и консолидации национальных идентичностей в условиях невозможности реализации идентичностных проектов в политической сфере.

В некоторых случаях местные историки почти «смаковали» осталось своих республик в прошлом, видя в этом их историческую уникальность и национальную специфику. Например, Ш. Юсупов в 1964 году, описывая историю Кулябского бегства, подчеркивал, что «в Восточной Бухаре никаких демократических выборов не было и быть не могло»²⁴⁴. Отсталость воспринималась как проявление местной специфики: «в начале XX века в Кулябском бегстве господствовал феодальный способ производ-

²⁴² Эта тема принадлежала к числу наиболее политически востребованных в советский период. См.: Тарасов Ю.М. Революционное движение в Туркменистане в 1905 – 1907 гг. / Ю.М. Тарасов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 5 – 27; Аннанепесов М. Социал-демократическая пропаганда и агитация среди солдат в гарнизонах Туркмении в период революции 1905 – 1907 гг. / М. Аннанепесов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 28 – 47; Акопов Г.Б. Некоторые вопросы влияния русской революции 1905 – 1907 гг. на революционное движение народов Востока / Г.Б. Акопов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1958. – Вып. 4. – С. 69 – 87.

²⁴³ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 9.

²⁴⁴ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бегства в конце XIX и начале XX века / Ш. Юсупов. – Душанбе, 1964. – С. 45.

ства»²⁴⁵. Подобное воспевание отсталости, более того – собственной отсталости в прошлом, было одной из форм бытования советского колониализма на национальном уровне. Нельзя исключать, что подобные нарративы были проявлением желания колонизированных поставить под сомнение право колонизаторов, подчеркнув чуждость принесенных ими порядков и, хотя никто из среднеазиатских историков в советский период не решался открыто идеализировать прошлое, тем не менее подобные нарративы мы можем рассматривать как проявление колониальной идентичности, подвергнутой колонизаторами (советскими идеологами) некоторой трансформации.

Национальные истории республик Средней Азии в значительной степени были интегрированы в советский исторический канон. Поэтому местные интеллектуалы были вынуждены описывать национальные истории согласно тем требованиям, которые предъявляла им советская политическая идеология. В этой ситуации особое внимание уделялось проблемам социальной и экономической истории, истории революционного движения и коммунистической партии. С этими сюжетами были связаны и русские нарративы: интеллектуалы в национальных республиках вынужденно подчеркивали прогрессивный характер русского влияния. Нередко подобные идеологически выверенные работы писались авторами русского и украинского происхождения, которые проживали с Средней Азии, играя роль своеобразных наставников для местных интеллектуалов. С другой стороны, следует принимать во внимание и то, что условно «русские» авторы не только создавали границы интеллектуального пространства, но и сами были вынуждены ретранслировать в Средней Азии тот в значительной степени идеологически выверенный нарратив, который предлагался партийными теоретиками в РСФСР.

Среди таких работ следует упомянуть исследование И.А. Стеценко, посвященное развитию народных движений в Таджикистане. Перед И.А. Стеценко стояла крайне сложная задача – совместить в национальной республике национальные интересы

²⁴⁵ Юсупов Ш. Очерки истории Кулябского бегства... – С. 46. См. также близкую по общему интеллектуальному настрою работу Б.И. Искандарова, опубликованную в 1962 году. См.: Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века / Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1962.

и чаяния местных элит с жесткой и идеологической схемой советского написания истории. Поэтому на страницах публикации 1963 года соседствуют констатации не только того, что «политика царизма» не соответствовала интересам таджиков, но и частые упоминания прогрессивного влияния «русского пролетариата»²⁴⁶ на угнетенные таджикские массы. Не представляла исключения и туркменская историография. Туркменские историки констатировали тяжесть царского гнета, с одной стороны, указывая на прогрессивность русского влияния, с другой²⁴⁷.

В рамках столь жесткой идеологической схемы все проявления народного протеста²⁴⁸ и недовольства однозначно оценивались как периодические «обострения классовой борьбы»²⁴⁹, а сама история Таджикистана подвергалась значительной модернизации: советские интеллектуалы мучительно искали в периферийном и преимущественно традиционном регионе Российской Империи местные ростки капитализма и классового сознания формирующегося пролетариата²⁵⁰. И хотя советские историки осуждали политику России в сфере завоевания новых территорий, тем не менее И.А. Стеценко настаивал, что присоединение таджикских земель в России имело положительное значение, так как позволило... проникнуть в регион «социал-демократическим идеям»²⁵¹. Для советской идеологически выдержанной и выверенной модели описания истории Таджикистана был характерен

²⁴⁶ Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX века (1870 – 1917 гг.) / И.А. Стеценко. – Душанбе, 1963. – С. 3 (книга, изданная на русском языке, имела и титульный лист на таджикском: Стеценко И.А. Аз таърихи ҳаракатҳои халқ дар Тоҷикистон дар нимаи дувуми асри XIX ва ибтидои асри XX (1870 – 1917 с.) / И.А. Стеценко. – Душанбе, 1963).

²⁴⁷ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 8.

²⁴⁸ О протестных трендах в контексте развитии колониального мира см.: Adas M. *Prophets of Rebellion: Millenarian Protest Movements Against the European Colonial Order* / M. Adas. – Chapel Hill, 1979; Albertini R. von, Wirz A. *European Colonial Rule, 1880-1940: The Impact of the West on India, Southeast Asia, and Africa Role* / R. von Albertini, A. Wirz / trans. by J.G. Williamson. – Oxford, 1982; Ansprenger Fr. *The Dissolution of the Colonial Empires* / Fr. Ansprenger. – L., 1989; Baumgart W. *Imperialism: The Idea and Reality of British and French Colonial Expansion, 1880-1914* / W. Baumgart / trans. by B.V. Mast. – Oxford, 1982.

²⁴⁹ Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане. – С. 4.

²⁵⁰ Там же. – С. 72 – 78.

²⁵¹ Там же. – С. 94.

своеобразный примордиализм: почти все народные движения рассматривались как прелюдия к... коммунистическому.

Это способствовало значительной идеологизации языка научного сообщества в Средней Азии. Научные тексты, создаваемые интеллектуалами в республиках Средней Азии, были переполнены идеологическими формулами, призванными подчеркнуть лояльность режиму. Например, одна из работ туркменского историка К.М. Кулиева, опубликованная в 1956 году, открывалась ритуальной фразой о том, что «народы Средней Азии, в прошлом страдавшие под тяжелым гнетом царских и местных эксплуататоров, за годы советской власти, под руководством Коммунистической партии, опираясь на братскую помощь великого русского народа, добились значительных успехов в построении социализма и строительстве национально-советской государственности»²⁵². Исследователь из Таджикской ССР И.А. Стеценко писал, что благодаря опыту борьбы (почти революционной), накопленной в ходе народных восстаний «таджикский народ под руководством русского пролетариата во главе с Коммунистической партии сверг своих угнетателей и установил на территории Таджикистана подлинно народную – Советскую власть»²⁵³.

С другой стороны, советские историки предпочитали обходить вопрос о том, кто являлся потребителем подобных теорий в... Бухарском эмирате. Туркменский исследователь К.М. Кулиев в первой половине 1950-х годов, комментируя особенности подобных государственных образований, подчеркивал, что «царизм заботливо оберегал деспотический режим в Хиве и Бухаре»²⁵⁴. Для исторических построений в Таджикской ССР в первой половине 1960-х годов характерно стремление привить комплекс национальной неполноценности таджикам: почти все достижения таджиков в революционном движении и строительстве социализма рассматривались в контексте благотворного влияния со стороны русского народа, который был сам низведен в официальной историографии почти исключительно до пролетариата, руководимого Коммунистической партией. В подобных исследованиях доминирующим мотивом авторов было стремление в как можно

²⁵² Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 7.

²⁵³ Стеценко И.А. Из истории народных движений... – С. 155.

²⁵⁴ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 10.

большей степени интегрировать национальные истории народов Средней Азии в границы советского идеологизированного канона исторического воображения.

Особое внимание в национальных схемах историописания и историкоописания в Средней Азии занимали нарративы, связанные с советским периодом²⁵⁵. Советская история была в значительной степени идеологизирована, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, наполнены почти ритуальными формулами типа «религиозные догмы ислама ограничивали развитие туркменского искусства, препятствовали появлению реалистических форм искусства, правдиво отражающих жизнь трудящихся масс»²⁵⁶, «история Коммунистической партии неразрывно связана с историей революционного движения пролетариата»²⁵⁷, «благодаря ленинско-сталинской национальной политике туркменский народ обрел свою национальную государственность»²⁵⁸, «в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики Туркменистан превратился в цветущую социалистическую республику»²⁵⁹, «трудящиеся Туркменской ССР пользуются на своем родном языке высоко идейной советской литературой»²⁶⁰.

²⁵⁵ О советском периоде публиковали крайне много, но это количество крайне негативно сказывалось на качестве исследований, которые изобиловали идеологическими формулами и клише. См.: Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана (ее зарождение и развитие) / М.Д. Аннакурдов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 68 – 89; Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.) / Н. Ходжамухамедов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 90 – 113.

²⁵⁶ Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.). – С. 90.

²⁵⁷ Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана (ее зарождение и развитие) / М.Д. Аннакурдов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР / Тарых, археология ве этнография институтын ишлери. Туркменистан ССР Ылымлар Академиясы. – Ташкент, 1956. – Вып. 1. – С. 68.

²⁵⁸ Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана. – С. 77.

²⁵⁹ Ходжамухамедов Н. Развитие изобразительного искусства в Советском Туркменистане (1917 – 1951 г.). – С. 90.

²⁶⁰ Аннакурдов М.Д. Печать Советского Туркменистана. – С. 88.

В ситуации доминирования подобного идеологизированного языка местные интеллектуалы были вынуждены сочетать лояльность национальным ценностям с общими принципами советской политической лояльности. В советский период в республиках Средней Азии вышло немало исследований, выдержанных в официальном духе. Поэтому, остановимся на некоторых, которые несут на себе все родовые признаки, характерные для подобного вида интеллектуальной продукции. Например, в 1960 году в Сталинобаде выходит исследование Я. Шарипова «Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане (1929 – 1932 гг.)». Книга написана в соответствии с нормами и требованиями советского научного ритуала, открываясь почти сакральным декларированием авторской цели – изучить «историю борьбы трудящихся масс Таджикистана под руководством Коммунистической партии за выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, за создание фундамента социализма в республике»²⁶¹.

Авторский нарратив Я. Шарипова выдержан в стиле весьма жесткой идеологизации, что в целом характерно и для других публикация по этой тематике в республиках Средней Азии²⁶². Я. Шарипов, например, писал о том, что «успехи, достигнутые таджикским народом» стали возможны исключительно благодаря руководству Коммунистической партии²⁶³ и дружбе народов между таджиками и другими народами СССР, в первую очередь – русскими²⁶⁴. Аналогичные настроения были характерны и для туркменской историографии. К.М. Кулиев в 1950-е годы определял советскую национальную политику как «политику дружбы и братского сотрудничества народов»²⁶⁵. Подобная идеологизация исторического нарратива способствовала его денационализации, стимулируя лояльность части интеллектуального сообщества в

²⁶¹ Шарипов Я. Из истории построения фундамента социализма в Таджикистане (1929 – 1932 гг.) / Я. Шарипов. – Сталинобад, 1960. – С. 3 (книга, изданная на русском языке, имела и титульный лист на таджикском: Шарифов Я. Аз таърихи сохтмони тахкурсии социализм дар Тоҷикистон / Я. Шарифов. – Сталинобад, 1960).

²⁶² См. например: Исмоилов У. Партияи Коммунисти дар мубориза барои тараккий додани соноати республика (солҳои 1928 – 1932) / У. Исмоилов // Коммунист Тоҷикистон. – 1957. – № 3. – С. 8 – 15.

²⁶³ Шарипов Я. Из истории построения фундамента социализма. – С. 161.

²⁶⁴ Там же. – С. 162 – 163.

²⁶⁵ Кулиев К.М. Национальная политика... – С. 13.

союзных республиках, делая более приоритетными и значимыми для них идеологические ценности, что вело к сокращению роли национальных ценностей, постепенному размыванию границ национальной идентичности.

Идеологизация в значительной мере была характерна для юбилейных изданий и публикаций, посвященных советскому периоду в истории Средней Азии. Проявлением подобной значительной идеологизации интеллектуального пространства в Таджикской ССР стало издание сборника «За народное дело», приуроченного к столетию со дня рождения В.И. Ленина – центральной фигуры советской исторической мифологии и политической идентичности. Сборник представляет собой своеобразный срез в развитии советской версии исторической памяти. В частности, уже в предисловии к нему подчеркивалось не только то, что «в апреле 1970 года советский народ и все прогрессивное человечество будут торжественно отмечать столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина», но и – «трудящиеся Таджикистана в единой братской семье советских народов идут навстречу славному столетию Ильича с новыми трудовыми успехами»²⁶⁶.

Большинство текстов сборника идеологически выдержаны в соответствии с канонами и нормами советского интеллектуального дискурса. Текст наполнен советскими идеологическими формулами: «таджикский народ под руководством Коммунистической партии, при постоянной всесторонней помощи всех народов нашей страны, и прежде всего великого русского народа, в исторически короткий период совершил переход от феодализма к социализму»²⁶⁷, «трудящиеся Таджикистана с любовью и признательностью произносят имя Чинора Имомова – достойного сына таджикского народа, выдающегося партийного и государственного деятеля»²⁶⁸, «Великий Октябрь привел в движение революционные и творческие силы народов Средней Азии»²⁶⁹... Политиза-

²⁶⁶ За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 3.

²⁶⁷ Макашов А., Рудницкий В. Государственный деятель / А. Макашов, В. Рудницкий // За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 18.

²⁶⁸ Кельдиев И. Всегда с народом / И. Кельдиев // За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 38.

²⁶⁹ Сайфуллаев А., Султанов Ш. Основоположник таджикской советской литературы / А. Сайфуллаев, Ш. Султанов // За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 359.

ция и унификация языка занимали важное место в идеологическом инструментарии советских интеллектуалов, которые стремились культивировать советский тип политической идентичности. Вероятно, не будучи политизированной советская идентичность, не была функциональна.

В сборнике предпринята попытка создания и кодификации советского таджикского пантеона отцов таджикской нации в социалистической версии. Усилиями авторов вокруг таджикских большевиков и коммунистов создавался ареол борцов и мучеников за идеи революции, противников «буржуазного национализма». Например, о партийном деятеле Абдулло Рахимбаеве сообщалось, что в молодости он «приобщался к революционным идеям», а позднее, «находясь на руководящей партийной работе» противостоял «всяким проявлениям национализма»²⁷⁰. Аналогичные оценки использовались в отношении Шириншо Шотемура, который, по мнению советских идеологов, «вел непримиримую борьбу с проявлениями местничества и националуклонизма... боролся против великодержавного шовинизма и местного национализма»²⁷¹. Джура Закиров позиционировался как «страстный проводник политики Коммунистической партии»²⁷². Абдулло Рахимбаев, один из инициаторов т.н. «топорного размежевания», в результате которого таджики утратили свои исторические центры, предстает как советский политический «святой»: «...был убежденным интернационалистом. В своих выступлениях и статьях он всегда разоблачал враждебную идеологию национализма, воспитывал трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы народов...»²⁷³.

Юбилей Ленина в 1970 году явился попыткой еще большей унификации интеллектуального пространства и формирования особого типа советской политической идентичности, которая в наибольшей степени основывалась на принципах идеологической преданности, верности и лояльности и в меньшей степени учитывала национальные особенности советских республик Средней

²⁷⁰ Кельдиев И. Яркая жизнь / И. Кельдиев // За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 10, 12.

²⁷¹ Макашов А., Рудницкий В. Государственный деятель. – С. 24, 25.

²⁷² Скоробогатов И. Большевик Джура Закиров / И. Скоробогатов // За народное дело. Сборник статей. – Душанбе, 1970. – С. 28.

²⁷³ Кельдиев И. Яркая жизнь. – С. 15.

Азии. С другой стороны, политические идентичности в их советских версиях, вероятно, испытывали определенный дефицит легитимности со стороны национальных интеллигенций. Попыткой этот дефицит преодолеть стали подобные официальные издания, признанные стимулировать советскую историческую память путем формирования идеологически выверенного национального пантеона политических деятелей. Подобных идеологически выдержанных публикаций в начале 1970-х годов в национальных республиках вышло немало, что свидетельствует не только о направляемости политических процессов, но и в некоторой степени и моще национального и политического воображения лояльных интеллектуалов.

Местная проблематика активно исследовалась в контексте в значительной степени политизированных исследований, протекавших в русле официального (или официозного) советского аналога западной политологии – обществоведения. С другой стороны, если американские и европейские исследователи анализировали постколониальные общества, идентичности и политические культуры Африки и Азии в категориях формирования современных наций, то советские авторы фокусировали внимание на народах Средней Азии в контексте прогрессивного воздействия революции и формирования социалистических наций.

Советские исследователи не стеснялись колониальной риторики в рамках анализа тех отношений и культур, которые доминировали в Средней Азии, полагая, что этот регион «...представлял собой колонии царской России... царизм и капиталистические монополии преднамеренно удерживали эти окраины на положении поставщиков сырья... здесь была установлена военно-колониальная система управления...»²⁷⁴. Средняя Азия в советском дискурсе играла роль особого советского Ориента, советского Востока – территорией, где доминировали архаичные и традиционные отношения, «феодально-религиозный»²⁷⁵ тип культуры.

²⁷⁴ Преобразующая роль Великого Октября в духовном возрождении народов Средней Азии и Казахстана // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 66.

²⁷⁵ Культурная жизнь народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 57.

Во второй половине 1980-х годов советские авторы признавали, что Средняя Азия до 1917 года была топом традиционности, сферой однозначного доминирования традиционного, архаичного общества: «...народы Средней Азии находились в исключительно неблагоприятных условиях... советская власть в Средней Азии и Казахстане столкнулась со страшной культурной отсталостью... почти полностью отсутствовали квалифицированные кадры... дореволюционные Средняя Азия и Казахстан представляли собой район феодализма, капиталистические отношения еще только зарождались...»²⁷⁶. С другой стороны, если западные авторы полагали, что важнейшим фактором модернизации был национализм, то в советском идеологическом дискурсе национализму была отведена роль своеобразного антигероя, противника и конкурента «пролетарского интернационализма».

Поэтому, модернизационные социальные перемены и новации, по мнению советских авторов, исходили не от национализма, а от социализма. Вот почему, юбилейное издание «Исторический прогресс социалистических наций», хорошо демонстрирующее особенности официального советского нарратива, открывалось почти ритуальной фразой о том, что «...выдающимся завоеванием социализма, как сказано в Программе КПСС, является разрешение национального вопроса...»²⁷⁷. Если западные политологи в модернизационных исследованиях уделяли значительное внимание проблемам того как формировался механизм протекания социальных перемен и как менялась идентичность, то советские авторы анализировали модернизационные изменения под другим углом зрения: «...формирование социалистического общественного сознания масс, превращение марксистско-ленинского мировоззрения в идеологию всего народа, складывание новой психологии и нового духовного объединения людей – все эти изменения проходили под воздействием материального производства и обусловленных им условий жизни...»²⁷⁸. В ряде работ констатировалось, что модернизация советского Востока

²⁷⁶ См. подробнее: Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 9.

²⁷⁷ Исторический прогресс социалистических наций. – С. 3.

²⁷⁸ Формирование нового духовного облика народов Средней Азии и Казахстана // Исторический прогресс социалистических наций / ред. Н.Н. Негматов, А.Я. Вишневский. – М., 1987. – С. 205.

привела к тому, что среднеазиатские республики «под знаменем Великого Октября, руководимые Коммунистической Партией, твердо и уверенно идут по пути к коммунизму»²⁷⁹.

Правда, советские авторы так же указывали, что в процессе модернизации возникла новая идентичность. Не используя этого термина, они полагали, что в результате социальных, политических и культурных изменений²⁸⁰ сложилось «социалистическое сознание»: «...утверждение социалистического сознания – длительный и сложный процесс, направляемый Коммунистической партией. Он происходил с немалыми трудностями, в сложной борьбе... содержанием этого процесса являлась ломка обычаев и традиций отжившего общества...»²⁸¹. Отличительной чертой советского дискурса было стремление авторов разрушить национальную замкнутость и доказать сложение новой общности – «советского народа».

Сама идея «советского народа» была ничем иным как воображаемым сообществом и сознательно развиваемым культурным и идентичностным проектом: «...закономерным следствием победы пролетарской революции и утверждения социалистического общественного строя в СССР явилось возникновение новой межнациональной общности людей – советского народа... ее идейную основу составляют марксистско-ленинское мировоззрение и социалистическая идеология...»²⁸². С другой стороны, идея «советского народа» почти не имела научного характера, будучи политическим проектом и идеологическим конструктом.

В этом отношении более привлекательными для интеллектуалов в республиках Средней Азии были проблемы, связанные с формированием отдельных наций и хотя и в этом случае они были вынуждены писать в рамках официального политического и

²⁷⁹ Асимов М.С., Антоненко Б.А. Торжество идей Великого Октября в Таджикистане / М.С. Асимов, Б.А. Антоненко // Под знаменем Великого Октября / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 19.

²⁸⁰ О культурной компоненте развитии империализма / колониализма см.: Colonialism and Culture / ed. N.B. Dirks. – Ann Arbor, 1992; Grierson E. The Death of the Imperial Dream: The British Commonwealth Empire, 1775 – 1969 / E. Grierson. – L. – NY., 1972; King A.D. Colonial Urban Development: Culture, Social Power and Environment / A.D. King. – L., 1976.

²⁸¹ Формирование нового духовного облика народов Средней Азии и Казахстана. – С. 206.

²⁸² Исторический прогресс социалистических наций. – С. 13.

научного языка, используя термины «социалистическая нация», «дружба народов», тем не менее изучение подобной тематики создавало большее пространство как для интеллектуального маневра, так и для выражения, подчеркивания своей национальной идентичности. Среди текстов, созданных в рамках подобной идеологической парадигмы, работа М. Вахабова «Формирование узбекской социалистической нации», которая представляет собой одну из попыток примирить коммунистическую идеологию с национальностями ценностями.

Действуя в строго очерченных рамках, М. Вахабов был вынужден констатировать свою лояльность Советскому Союзу, что оказало значительное влияние на особенности его научного языка. Именно с этим следует связывать частые констатации того, что «процесс формирования социалистических наций проходит на основе общих закономерностей», «нация является продуктом длительного исторического процесса»²⁸³, «социализм по форме своего существования является национальным обществом»²⁸⁴, «в братском содружестве с народами СССР узбекский народ во главе с Коммунистической партией Узбекистана – одним из боевых отрядов КПСС – твердыми шагами идет к светлему коммунистическому завтра»²⁸⁵... Наличие этих идеологических формул и клише в узбекском научном дискурсе начала 1960-х годов не было случайным. Используя столь политизированный, идеологически выдержанный и маркированный политический и научный язык, узбекские интеллектуалы стремились подчеркнуть свою лояльность общесоветскому политическому проекту. Кроме этого наличие подобных мотивов было призвано легитимизировать и попытки описания узбекской истории как национальной, о чем речь пойдет ниже.

Для работ М. Вахабова были характерны элементы и узбекского национализма. По мнению М. Вахабова, которое он высказывал в начале 1960-х годов, хронология этногенеза узбеков нуждается в пересмотре. Не соглашаясь с более ранними версиями

²⁸³ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации / М. Вахабов. – Ташкент, 1961. – С. 11. Аналогичные концепции существовали и в других союзных республиках. См.: Сабиров К. Таджикская социалистическая нация – детище Октября / К. Сабиров. – Душанбе, 1967.

²⁸⁴ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 237.

²⁸⁵ Там же. – С. 584.

появления узбеков в XVI веке, М. Вахабов был склонен «удревнять» узбеков, датируя их появление X столетием²⁸⁶. В этом отношении в текстах М. Вахабова заметна, характерная для национально ориентированных интеллектуалов, попытка искусственно экспортировать современную этничность / идентичность в прошлое, национализировав тем самым историю, что было особенно актуально для узбекских интеллектуалов, если принять во внимание, что на часть их прошлого и территорий, которые ими воспринимались как этнически и исторически узбекские, претендовали таджикские интеллектуалы-националисты. Кроме этого М. Вахабовым предпринимались попытки формирования нового образа узбеков как почти воображаемого сообщества, которое пространственно четко локализуется.

Именно поэтому М. Вахабов писал, что под узбеками следует понимать «тюркоязычное население Ферганской, Зеравшанской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Гиссарской долин, а также Ташкентского и Хорезмского оазисов»²⁸⁷. В этом определении принципиально важными являются как упоминание того, что узбеки относятся к тюркам, так и обращение к пространственно-географическим координатам, которые не только узбекские на настоящий момент, но и являются узбекскими, по версии М. Вахабова, исторически. Для текста М. Вахабова, изданного в 1961 году, если воспринимать его как националистический текст, порожденный ограничениями авторитарного режима, характерен скрытый узбекский национализм. Национально ориентированные интеллектуалы не могли проявлять свои националистические чувства, аспирации и претензии открыто.

Поэтому, национальное / националистическое чувство переместилось в сферу гуманитарных исследований. Антитаджикские настроения, которые стимулировались территориальными противоречиями, но подавлялись на республиканском уровне, также оказались вытеснены на страницы исследований, посвященных истории Средней Азии. Исходным стимулом для развития и развертывания националистического нарратива для узбекских интеллектуалов в исторических исследованиях было осознание двух фактов. Во-первых, существовало четкое разграничение по язы-

²⁸⁶ Там же. – С. 23.

²⁸⁷ Там же. – С. 19.

ковой и, как результат, этнической принадлежности. Узбекские интеллектуалы позиционировали себя и своих туркменских соседей как тюрок, претендуя на статус главных тюрок в Средней Азии несмотря на то, что тюркскими были также Казахская и Киргизская ССР.

Таджикские соседи узбеков и туркмен из числа тюрок включались в силу того, что объективно были для них «чужими» / «другими», так как принадлежали к индоевропейской семье. Во-вторых, языковая ситуация усугублялась территориально. Положение осложнялось тем, что на протяжении Средних Веков в регионе Средней Азии сложились крупные исторические, политические, культурные и экономические центры, которые в минимальной степени были этнически тюркскими, но в большей степени развивались как часть индоевропейского, ирано-таджикского, мира. Узбекские интеллектуалы, вероятно, понимали, что Узбекской ССР очень «повезло» во включении в ее состав Самарканда и Бухары. При этом национально ориентированные узбекские интеллектуалы осознавали и то, что таджикские интеллектуалы от идеи единства таджикского исторического пространства не намерены отказываться. Поэтому для большинства исследований по истории Средней Азии, которые выходили из-под пера узбекских интеллектуалов, было характерно стремление оспорить права таджиков на узбекские территории и показать, что процесс развития таджикских земель был если не неправильным, то меньшей мере не таким как у узбеков.

Полемизируя с таджикскими историками, в начале 1960-х годов М. Вахабов в некоторой мере пытался использовать идеи тюркизма²⁸⁸ для обоснования своих теоретических построений. В частности, он полагал, что развитие таджикских земель развивалось как постепенное сужение ареала распространения таджикского языка и культуры в то время, как узбеки вбирали в себя «все новые и новые этнические компоненты»²⁸⁹. Именно поэтому

²⁸⁸ Проявлением тюркизма был интерес в республиках Средней Азии к Турции, о чем свидетельствуют, например, публикации туркменских исследователей. См.: Бекиев Б., Моисеев П. Хэзирки Түркие / Б. Бекиев, П. Моисеев. – Ашгабат, 1963; Бекиев Б. Гошымыз Түркие / Б. Бекиев. – Ашгабат, 1963; Карабаев Б. Түрк обысыны хелэкчиликпи ягдайды / Карабаев // Совет Туркменистаныны аялары. – 1963. – № 8.

²⁸⁹ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 24.

М. Вахабов настаивал, что в процессе расселения узбеков они ассимилировали родственные таджикам индоевропейские группы населения²⁹⁰, что, вероятно, позитивной реакции со стороны таджикских интеллектуалов вызывать не могло. Интерпретируя раннюю историю узбеков, М. Вахабов писал, что «главнейшим моментом образования ядра узбекской народности на этнической основе согдийцев и хорезмийцев была утрата ими своего языка и восприятие тюркского языка»²⁹¹. Хорезмийцы и согдийцы, которые интегрировались таджикскими интеллектуалами в таджикский исторический контекст, усилиями узбекских авторов превращались в нетюркоязычных предков узбеков.

В этой ситуации опосредовано в схемы узбекской национальной истории интегрировалось и культурное наследие до-тюркских обитателей Средней Азии, на которое претендовали таджикские интеллектуалы. В дискуссии с таджикскими интеллектуалами, узбекские национально ориентированные авторы подчеркивали, что именно благодаря узбекским большевикам таджики смогли образовать свою автономную область, позднее преобразованную в союзную республику²⁹². Значительное внимание национально ориентированные узбекские интеллектуалы уделяли проблемам образования в составе СССР Узбекской ССР, которая воспринималась ими как «социалистическое государство» узбеков²⁹³.

Несмотря на то, что М. Вахабов пытался описывать историю узбеков с национальных позиций, он был вынужден констатировать свою лояльность коммунистическому режиму, что способствовало значительной идеологизации научного продукта. В частности, М. Вахабов полагал, что «образованием Узбекской ССР был нанесен решительный удар по остаткам буржуазного национализма и национального уклона внутри партии»²⁹⁴. Аналогичные настроения были характерны и для работ туркменских интеллектуалов. Образование Туркменской ССР воспринималось ими как освобождение от «социального и национального гнета»,

²⁹⁰ Там же. – С. 25.

²⁹¹ Там же. – С. 27.

²⁹² Там же. – С. 391.

²⁹³ Там же. – С. 399.

²⁹⁴ Там же. – С. 401. См. также: Турсунов Х.Т. Образование Узбекской ССР / Х.Т. Турсунов. – Ташкент, 1957.

а сама ТССР позиционировалась как «национальная государственность на советских началах»²⁹⁵. Проблемы, связанные с национальной политикой СССР в Средней Азии были одними из наиболее идеологически маркированных. В этой ситуации идеологизации подвергался и научный дискурс, представленный, например, в исследованиях туркменских историков. В 1970 году выходит специальное юбилейное издание «История советского Туркменистана», в котором в духе официальной коммунистической идеологии констатировалось, что «решение Коммунистической партии [о национальном размежевании – М.К.], выражавшее чаяния широких народных масс, было встречено туркменским народом с огромным удовлетворением»²⁹⁶.

Помимо таджикских интеллектуалов национально ориентированные узбекские авторы активно использовали русские нарративы. Это использование было двойственным. С одной стороны, констатировалась прогрессивная роль вхождения узбекских земель в состав России, с другой, неизбежно указывалось на то, что российская политика не отвечала интересам узбеков. В своих исследованиях узбекские интеллектуалы не упускали возможности напомнить о «фактах жестокого отношения к местным жителям»²⁹⁷. В связи с этим М. Вахабов писал, что «сущность политики царизма была и остается колониальной»²⁹⁸, а сами узбеки в период нахождения их земель в составе Российской Империи «подвергались жестокому национально-колониальному угнетению»²⁹⁹. Но в условиях доминирования коммунистической идеологии, подчиненности республик Средней Азии Москве антирусские настроения в гуманитарных (особенно – исторических) исследованиях развивались подспудно, что позднее, после распада

²⁹⁵ История Советского Туркменистана. – Ашхабад, 1970. – Т. 1 (1917 – 1937). Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма. – С. 223 – 224. Издание вышло на русском языке, но имело титульный лист на туркменском: «Совет Туркменистаныны тарыхы. Биринжи бөлүм (1917 – 1937). Бейик Октябрь социалистик революциясыны емеги ве социализми гурулмалыгы», а также посвящение: «Владимир Ильич Ленини доглан гүнүни 100 йылыгыны багашланяр» (Посвящается 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина).

²⁹⁶ История Советского Туркменистана. – Т. 1. – С. 226 – 227.

²⁹⁷ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. – С. 92.

²⁹⁸ Там же. – С. 93.

²⁹⁹ Там же. – С. 249.

Советского Союза, привело к национальному ренессансу, в рамках которого этноцентрические, в том числе – и антирусские, интерпретации оказались востребованными.

Советский дискурс позволял исследователю оперировать крайне ограниченным набором объяснений тех социальных перемен, которые имели место в СССР. Поэтому, декларировалось, что «...грандиозные преобразования, вызывающие восхищение всего прогрессивного человечества стали возможны благодаря Коммунистической Партии, неуклонно применяющей и творчески развивающей марксистско-ленинское учение...»³⁰⁰. В этом своеобразном советском ориенталистском дискурсе значительное внимание уделялось почти культуртрегерской деятельности советских восточных республик: «...республики Средней Азии и Казахстан сейчас достигли таких высот культурного прогресса, что в состоянии сами оказывать как экономическую, так и культурную помощь многим зарубежным государствам...»³⁰¹.

В научном дискурсе СССР установилось негласное деление культурной политики и культурного вмешательства на реакционную капиталистическую, характерную для западных стран, и прогрессивную социалистическую, которой занимался Советский Союз. В такой ситуации возникло два ориентализма – правильный советский и реакционный капиталистический. Советский ориентализм преподносился едва ли не как единственно правильная, верная и возможная модель развития Востока. В целом, поздний советский нарратив в общественных науках достиг своего апогея и расцвета.

Его отличительными чертами стали официозность, воспевание всего советского, возведение в ранг абсолютных ценностей советских добродетелей, т.н. «высокий» стиль: «...в братской семье народов СССР, под руководством Коммунистической Партии за годы советской власти народы Средней Азии и Казахстана добились поистине величественных успехов в развитии экономики и культуры... эти успехи наглядно показывают, что социализм дает возможность преодолеть вековую отсталость раннее угнетенных народов... опыт Коммунистической партии Советского Союза представляет собой бесценную сокровищницу для комму-

³⁰⁰ Исторический прогресс социалистических наций. – С. 5.

³⁰¹ Маяк социализма на Востоке // Исторический прогресс... – С. 268 – 269.

нистических и рабочих партий государств, сбросивших колониальное иго...»³⁰².

Иными словами, ставя в центр анализа исключительно партию и только партию, советские исследователи игнорировали целый комплекс факторов, что негативно сказывалось на общем содержании советской книжной продукции и качестве «научного» текста. Именно поэтому различные идентичностные и социальные изменения советские авторы сводили к понятию «культурной революции». В связи с этим декларировалось, что «...культурная революция - органическая составная часть строительства социализма... успехи культурного прогресса оказывают непосредственное стимулирующее воздействие на социально-экономическое и политическое развитие общества... социализм - итог активной, сознательной, творческой деятельности народных масс и... повсеместного распространения марксизма-ленинизма...»³⁰³.

Культурная революция воспринималась как механизм накопления и реализации социальных перемен, общественных изменений. Культурная революция превратилась в универсальную модель, в рамки которой плохо интегрировались национальные особенности и национальные истории, в первую очередь, связанные с несоветскими и альтернативными политическими дискурсами. В то время, когда западные авторы так же уделяли внимание культурным факторам, в первую очередь - проблемам формирования современных культур путем преобразование традиционных идентичностей архаичных сообществ, то советские исследователи настаивали, что в результате советской модернизации возникли в принципе тоже современные, но социалистические, культуры: «...в процессе культурной революции народы Средней Азии и Казахстана под руководством Коммунистической партии сформировали свои социалистические культуры, в которых органически слились прогрессивные элементы прошлого и новые формы и содержание, рожденные практикой социалистического строительства...»³⁰⁴. Социалистические нарративы играли особую роль в развитии интеллектуального пространства и политической

³⁰² Исторический прогресс социалистических наций. - С. 14.

³⁰³ Там же. - С. 6 - 7.

³⁰⁴ Там же. - С. 10 - 11.

идентичности республик Средней Азии. Одной из центральных идей в политической идентичности была идея наличия национальной государственности узбеков, туркмен и таджиков. В рамках советского научного дискурса республики Средней Азии наделались атрибутами национального государства, более того – они позиционировались как суверенные государства.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАЦИОНАЛИЗМЫ МЕЖДУ ЭТНИЧЕСКИМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ: СОЮЗНАЯ РЕСПУБЛИКА КАК NATION STATE ОТ РАСЦВЕТА К УГАСАНИЮ

Развитие нарративов, связанных с советской государственностью народов Средней Азии, основывалось на противопоставлении дореволюционного и советского периода. Если в рамках, например, таджикского интеллектуального дискурса эпоха до 1917 года была временем «жесточайшего капиталистического и феодального гнета, тяжести и несправедливости господства местных феодалов, баев и царского самодержавия»³⁰⁵, при котором «таджикский народ... находясь под двойным гнетом... не имел своей национальной государственности»³⁰⁶, то советская власть ассоциировалась с более позитивными образами: «только в результате победы Великой Октябрьской революции, на основе советского государственного строя таджикский народ приобрел свою национальную государственность, стал действительно свободным, равноправным, суверенным народом и образовал свою Советскую республику»³⁰⁷.

Усилиями, например, узбекских интеллектуалов Узбекская ССР вообразилась как национальное государство узбеков – «суверенное узбекское социалистическое государство»³⁰⁸ и «госу-

³⁰⁵ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское государство / С. Раджабов. – Сталинобад, 1957. – С. 5 – 6.

³⁰⁶ Там же. – С. 67.

³⁰⁷ Там же. – С. 129.

³⁰⁸ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР / А. Агзамходжаев. – Ташкент, 1971. – С. 4. См. также: Раджабов С.А. национальная консолидация и развитие советской государственности народов Средней Азии / С.А. Раджабов. – М., 1949; Раджабов С.А. Создание узбекского социалистического государства / С.А. Раджабов. – Ташкент, 1950; Тайманов Г.Т. Развитие советской государственности в Казахстане / Г.Т. Тайманов. – М., 1956; Турсунов А.Х. Образование Узбекской Социалистической Республики / А.Х. Турсунов. – Ташкент, 1957; Шабанов Ф.Ш. Развитие советской государственности в Азербайджане / Ф.Ш. Шабанов. – М., 1959; Дегтяренко Н.Д. Развитие советской государственности в Таджикистане / Н.Д. Дегтяренко. – М., 1960; Киселев Д.С. Развитие советской государственности в Туркмении / Д.С. Киселев. – Ашхабад, 1963; Хакимов М.Х., Серый Я.М. Борьба большевиков за создание советской национальной государственности

дарство узбекской социалистической нации»³⁰⁹. В интеллектуальном дискурсе Таджикской ССР сложилось в значительной степени сходное восприятие Таджикистана как суверенной советской республики, которая выражает «свободу, самостоятельность и независимость таджикской социалистической нации»³¹⁰. Развивая это определение, таджикский исследователь И. Бободжанов предлагал определять союзную республику как «советское социалистическое общенародное государство, которое выражает интересы и волю рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех национальностей»³¹¹.

Анализируя проблему социалистической государственности в таджикском интеллектуальном дискурсе, следует принимать во внимание, что среди национально ориентированной части таджикской интеллигенции особой популярностью пользовался нарратив о том, что советская государственность таджиков была связана с историческими традициями таджикской государственности: «созданное в далеком прошлом таджиками свое государство возникло на феодальной основе и исчезло почти тысячу лет назад в результате междоусобных войн, нашествия иностранных захватчиков и предательства эксплуататорской верхушки»³¹².

Развивая эту мысль о государственно-исторической природе таджикской нации, С. Раджабов подчеркивал, что «таджикский народ – один из древних народов Востока, имеющий богатую ис-

сти в Туркестане / М.Х. Хакимов, Я.М. Серый. - Ташкент, 1964; Хакимов М.Х. Развитие национальной советской государственности в Узбекистане в период перехода к социализму / М.Х. Хакимов. – Ташкент, 1965.

³⁰⁹ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 186.

³¹⁰ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское государство. – С. 224.

³¹¹ Бободжанов Н. Суверенитет Таджикской ССР в составе Союза ССР / Н. Бободжанов // Развитие государственности и законодательства в Таджикской ССР / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1984. – С. 10 – 23. См. также: Усманов О. К вопросу о периодизации истории развития советского гражданского законодательства Таджикской ССР / О. Усманов // Развитие государственности и законодательства в Таджикской ССР / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1984. – С. 23 – 30; Ибрагимов И.С. К вопросу о полномочиях министерств союзной республики / И.С. Ибрагимов // Развитие государственности и законодательства в Таджикской ССР / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1984. – С. 75 – 85; Сатторов Г.С. Разработка и принятие Конституции Таджикской АССР / Г.С. Сатторов // Развитие государственности и законодательства в Таджикской ССР / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1984. – С. 144 – 148.

³¹² Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское государство. – С. 69.

торию. Его предки – согдийцы и бактрийцы еще в начале первого тысячелетия до нашей эры занимались земледелием... имели свою государственность»³¹³. Таджикские интеллектуалы весьма охотно и активно эксплуатировали нарратив об историчности таджикской нации («...таджикский народ мужественно боролся против иностранных завоевателей, сохранил свои характерные особенности, свою культуру и самобытность... он заслуженно гордиться своими предками - выдающимися поэтами, писателями, учеными, философами...»³¹⁴), что было формой полемики с узбекскими оппонентами. Таджикские националисты стремились в максимальной степени национализировать прошлое Средней Азии, «привязав» государственные образования прошлого к Таджикской ССР если не в качестве политических, то хотя бы – территориально-географических предшественников, что вызывало недовольство у узбекских национально ориентированных интеллектуалов, которые были склонны именно на просторах Средней Азии в целом искать предков современных узбеков, доказывая континуитет «узбекской социалистической нации» с ее тюркскими предками.

В этом отношении таджикскими интеллектуалами предпринималась попытка сформировать особый образ таджиков как одновременно политической и исторической нации, что должно было придать легитимность созданной в составе СССР Таджикской ССР. С другой стороны, следует принимать во внимание и их полемику с узбекскими авторами, которые стремились интегрировать историю таджиков в узбекский контекст. В этом отношении узбекская государственность не обладала полной легитимностью, не имея исторических предшественников. Само понятие «социалистическая нация» в рамках советского интеллектуального и политического дискурса выполняло функции, которые, вероятно, аналогичны концепту «политической нации» в западных обществах. Узбекские интеллектуалы культивировали комплекс нарративов, связанных с развитием узбекской государственности, полагая, что Узбекская ССР обладает государственным суверенитетом, о чем свидетельствуют то, что Узбекская ССР имеет свои «органы государственной власти и государст-

³¹³ Там же. – С. 315.

³¹⁴ Там же. – С. 315.

венного управления», территорию и «сохраняет право свободного выхода из Союза ССР»³¹⁵.

Аналогичная точка зрения была представлена и работах таджикских интеллектуалов. И. Бободжанов, например, конструируя образ Таджикской ССР как почти «политической нации», подчеркивал, что, будучи союзной республикой, которая выражает «национальные чаяния» таджикского народа Таджикистану «присущи все государственно-правовые институты, свойственные государству: Конституция, система высших органов государственной власти и управления, органы социалистического правосудия и прокурорского надзора». В рамках подобного национально ориентированного восприятия Таджикская ССР воспринималась таджикскими авторами как «суверенное социалистическое государство»³¹⁶, возникшее в результате «социалистической революции», которая создала условия для государственной и национальной консолидации таджиков³¹⁷.

С другой стороны, принимая во внимание то, что Узбекская ССР и Таджикская ССР существовали в рамках авторитарной советской модели государственности функции политической нации в наибольшей степени носили символический характер. Тем не менее, нарративы, связанные с «социалистической нацией» были весьма распространены. В частности А. Агзамходжаев подчеркивал, что «узбекская социалистическая нация является действительно свободной и суверенной». Институционализация узбекской «социалистической нации» узбекскими интеллектуалами связывалась исключительно с Октябрьской революцией³¹⁸. Аналогичная точка зрения присутствовала и в работах таджикских авторов. Например, С. Раджабов настаивал на том, что «никогда таджикский народ не прекращал борьбы за свободу и независимость... но без руководства Коммунистической партии, без братской помощи великого русского народа... он не был в состоянии сбросить с себя тяжелые оковы эмирата и царизма»³¹⁹.

³¹⁵ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 187. См. также: Михайлов А.Н. Государственное строительство Узбекской ССР на современном этапе (вопросы компетенции) / А.Н. Михайлов. – Ташкент, 1973.

³¹⁶ Бободжанов Н. Суверенитет Таджикской ССР... – С. 10.

³¹⁷ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 6.

³¹⁸ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 187.

³¹⁹ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 6.

Интеллектуалы в республиках Средней Азии подчеркивали, что Узбекская, Таджикская, Туркменская ССР (как и другие союзные республики) обладают правом свободного выхода из состава Союза ССР. Анализируя эту проблему, следует принимать во внимание, что, например, таджикские интеллектуалы стремились не заострять внимание на этом вопросе. В 1984 году, за шесть лет до распада СССР, таджикский исследователь Н. Бободжанов подчеркивал, что «Советский Союз обеспечивает республикам право выхода из Союза. Но вся история развития Советского Союза показывает, что у нас не было и нет ни одной республики, которая хотела бы выйти из состава СССР»³²⁰. Таджикские интеллектуалы были склонны интерпретировать проблемы государственности Таджикской ССР в тесной связи с правами таджикского народа, обретенными им в СССР.

Во второй половине 1950-х годов С. Раджабов подчеркивал крайнюю важность создания таджикской государственности в Советском Союзе, указывая на то, что «таджикский народ впервые в истории в результате завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции получил возможность строить новую жизнь... идти по пути строительства социализма»³²¹. По мнению Н. Бободжанова, таджики (к середине 1980-х годов) «осознавали, что пребывание в составе СССР – это самая надежная гарантия утверждения и всестороннего укрепления суверенитета»³²² Таджикской ССР как государства таджиков. В этом отношении под самую идею нации усилиями узбекских и таджикских авторов подводился концепт лояльности советской власти, что автоматически делало все альтернативные интерпретации нелегитимными. Проблемы советской государственности в среднеазиатском интеллектуальном дискурсе были связаны с национальными противоречиями между отдельными нациями региона. Узбеки, как турки, преподносились узбекскими национально ориентированными интеллектуалами как одни из лидеров в деле социалистического строительства в Средней Азии.

В этом отношении узбекские авторы неизбежно вступали в полемику с таджикскими исследователями. Политические дебаты

³²⁰ Бободжанов Н. Суверенитет Таджикской ССР... – С. 12.

³²¹ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское.... – С. 153.

³²² Бободжанов Н. Суверенитет Таджикской ССР... – С. 13.

в условиях советского авторитаризма не могли протекать в политической сфере и, поэтому, были перенесены в исследования, посвященные истории узбеков и таджиков. Интерпретации одних и тех же событий узбекскими и таджикскими исследователями могли диаметрально отличаться. Одним из таких «камней преткновения» в узбекско-таджикской исторической полемике было даже не то, что исторически таджикские Бухара и Самарканд вошли в состав Узбекской ССР, а период пребывания Таджикистана в составе Узбекской ССР в качестве АССР. А. Агзамходжаев был склонен интерпретировать пребывание таджиков в составе Узбекской ССР с узбекских националистических позиций, утверждая, что «трудящиеся Таджикистана с большим радушием встретили весть»³²³ ... о включении таджикских земель в состав... Узбекистана. Создание таджикской государственности в усеченном виде (АССР, а не ССР) преподносилось как «воля таджикского народа»³²⁴.

Узбекские национально ориентированные авторы неоднократно подчеркивали прогрессивное значение для таджиков пребывания Таджикской АССР в составе Узбекской ССР: «при братской помощи Узбекской ССР Таджикистан добился больших успехов в развитии»... таджикской культуры³²⁵. В рамках узбекского научного дискурса к началу 1970-х годов утвердилось восприятия таджикских территорий в 1920-е годы как отсталых и поэтому нуждающихся в опеке со стороны узбеков. С другой стороны, внимание акцентировалось и на том, что часть таджиков, в отличие от узбеков, была в меньшей степени лояльна советской власти. Поэтому А. Агзамходжаев подчеркивал, что на территории Таджикистана было много «буржуазно-националистических элементов», которые стремились «разжечь национальную рознь между узбеками и таджиками»³²⁶.

Подобно русским исследователям, которые акцентировали внимание на прогрессивном влиянии русского народа на нерусские республики в РСФСР, узбекские национально ориентированные авторы стремились подчеркнуть, что пребывание таджик-

³²³ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 139.

³²⁴ Там же. – С. 143.

³²⁵ Там же. – С. 145.

³²⁶ Там же. – С. 144.

ских земель в составе Узбекской ССР имело позитивное значение для таджиков: «важным в жизни таджикского народа является период нахождения Таджикской АССР в составе Узбекской ССР... за время пребывания Таджикской АССР в составе Узбекской ССР были осуществлены неотложные задачи социалистических преобразований... важные мероприятия проводились именно в тот период, когда Таджикская АССР находилась в составе Узбекской ССР»³²⁷. Таджикские авторы, наоборот, акцентировали внимание на обратном. Соли Раджабов, например, настаивал на том, что созданием именно Узбекской ССР воспользовались узбекские «буржуазные националисты», которые «открыто выступили против создания Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики, утверждая, что таджики самый отсталый и якобы неспособный к самостоятельному управлению своей страной народ»³²⁸.

Национальная и протаджикская ориентация С. Раджабова не нравилась узбекским интеллектуалам, которые получали в его текстах неприятные оценки: «подлые враги таджикского народа настолько обнаглели, что даже в печати открыто выступили против создания Таджикской Советской республики»³²⁹. Таджикские национально ориентированные интеллектуалы обвиняли своих узбекских оппонентов не только в пантюркизме (обвинения выглядели обосновано, если принять во внимание, что таджики были единственными индоевропейцами в этом регионе СССР, а туркмены, узбеки, казахи и киргизы – тюрками) и приверженности «буржуазному национализму», но и в стремлении и попытках «объявить таджикский народ несуществующим»³³⁰. Для научного языка А. Агзамходжаева характерен определенный антитаджикский политический национализм, в рамках которого таджики воспринимались в качестве, если не буржуазных националистов, то, по меньшей мере, сепаратистов: «...проект конституции [Узбекской ССР – М.В.] неоднократно обсуждался комиссией... в комиссию входили и представители Таджикской АССР, предложившие изменить статью 66 и указать в ней право Таджикской

³²⁷ Там же. – С. 23.

³²⁸ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 150.

³²⁹ Там же. – С. 150.

³³⁰ Там же. – С. 150 – 151.

АССР издавать свои кодексы. Поступило также предложение об изменении редакции статьи 39, направленное на ограничение прав ЦИК Узбекской ССР и его президиума в отношении Таджикской ССР. Эти предложения... были отвергнуты»³³¹. Таким образом, узбекские националисты стремились монополизировать статус главных строителей коммунизма в Средней Азии, закрепив его за узбеками, которым отводилась роль «старшего брата» для «младших» таджиков.

Некоторые таджикские авторы были также вынуждены декларировать правильность первоначального создания Таджикистана в качестве АССР в составе Узбекской ССР. Например, С. Раджабов подчеркивал, что «образование Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики является результатом торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии»³³². Развивая эту идею и акцентируя внимание лояльности таджикской интеллигенции советскому режиму, С. Раджабов писал, что «образование Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики свидетельствовало об огромной заботе, внимании и помощи Коммунистической партии, Советского государства и великого русского народа в создании и развитии советской государственности таджикского народа»³³³. С другой стороны, им подчеркивалось и то, что создание Таджикской АССР стало «крупной победой национальной политики Коммунистической партии и Советского государства»³³⁴.

Ситуация осложнялась тем, что таджики были индоевропейцами, которые претендовали на часть исторического наследия иранского мира в то время, как у узбекских авторов было немало претензий к персам, позиционировавшимся в рамках узбекского исторического нарратива в качестве опасных противников средневековой узбекской государственности. Анализируя национальное воображение советского периода, во внимание следует при-

³³¹ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 93 – 94. В Таджикской АССР параллельно разрабатывался проект собственной Конституции. См. подробнее: Сатторов Г.С. Разработка и принятие Конституции Таджикской АССР / Г.С. Сатторов // Развитие государственности и законодательства в Таджикской ССР / отв. ред. Б.И. Искандаров. – Душанбе, 1984. – С. 144 – 148.

³³² Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 129.

³³³ Там же. – С. 146.

³³⁴ Там же. – С. 162.

нимать и то, что оно функционировало в идеологической системе координат. Поэтому научный язык отличался значительной спецификой, в нем были заметны тенденции к глорификации: «на знамени Узбекской Советской Социалистической Республики – два ордена Ленина. В ее составе – орденоносная Каракалпакская АССР и девять областей, которые удостоены Ордена Ленина»³³⁵. Значительные усилия к глорификации Таджикской ССР прилагали и таджикские национально ориентированные интеллектуалы, которые оказались в более выгодном положении, чем их коллеги из тюркских республик СССР. В отличие от нескольких советских тюркских республик Таджикская ССР была единственной республикой в составе Советского Союза, которая исторически и в языковом плане была связана с наследием персидского мира.

В этой ситуации национально ориентированные авторы в Таджикской ССР были склонны приписывать Советскому Таджикистану особую мессианскую роль. В частности, С. Раджабов подчеркивал, что Таджикская ССР стала свободным и суверенным таджикским государством не просто в Средней Азии, но «у ворот Индостана»³³⁶, подчеркивая миссию таджиков по распространению советской модели за пределы СССР. Конкретизируя внешнеполитическую компоненту таджикского проекта в СССР, С. Раджабов указывал и на то, что Таджикская ССР является «передовым постом Советского Союза на восточной границе... знаменем... для трудящихся масс колониального и полуколониального Востока»³³⁷.

Описание политического опыта Средней Азии в рамках советской модели до начала 1990-х годов в значительной степени было идеологизировано. Например, монографии С. Раджабова и А. Агзамходжаева, изданные в 1957 и 1971 годах, наполнены проявлениями официального советского нарратива: «в результате глубочайших преобразований, осуществленных под руководством Коммунистической партии, Таджикистан превратился в цветущую социалистическую суверенную республику»³³⁸,

³³⁵ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 4. См. также: Агзамходжаев А. Ўзбекистон ССР-нинг давлат тузилиши / А. Агзамходжаев. – Ташкент, 1961.

³³⁶ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 201.

³³⁷ Там же. – С. 203.

³³⁸ Там же. – С. 7.

«...фальсификаторы не унимаются... не теряют надежды вернуть Россию в лоно капиталистической цивилизации... но этим надеждам антисоветчиков не суждено сбыться, им не повернуть колеса прогресса, не свернуть народы Средней Азии с выбранного ими славного пути...»³³⁹, «своим образованием Узбекская ССР обязана Великому Октябрю»³⁴⁰, «Великая Октябрьская социалистическая революция создала предпосылки для решения национального вопроса... Октябрьская революция разорвала цепи национального угнетения... расчистила почву для сотрудничества народов Средней Азии»³⁴¹, «трудящиеся Узбекистана, как и весь советский народ, с большим воодушевлением восприняли Директивы XXIV съезда Партии... в Директивах XXIV съезда КПСС проявлена ленинская забота о всестороннем развитии советских национальных республик, в том числе Узбекской ССР»³⁴², «образование национальных республик... тесно сплотило народы Средней Азии... представители всех наций, в какой бы республике ни проживали, чувствовали себя как родном доме... размежевание было проведено под флагом дружбы народов»³⁴³, «под руководством Коммунистической партии, таджикский народ в ожесточенной борьбе с буржуазными националистами, троцкистами и другими контрреволюционными элементами, в самоотверженном труде высоко держал знамя борьбы за социализм»³⁴⁴, «успехи в социалистическом строительстве, дальнейшее развитие советской социалистической государственности обусловили принятие новой Конституции Узбекской ССР – конституции победившего социализма»³⁴⁵, «в Узбекистане осуществлена полная и окончательная победа социализма, узбекский народ вместе с другими народами Советского Союза во главе с великим русским народом вступил в период развернутого строительства коммунизма»³⁴⁶, «Конституция Таджикской ССР имеет огромное значение для таджикского народа... она укрепляет его веру в победу

³³⁹ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 6.

³⁴⁰ Там же. – С. 75.

³⁴¹ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 67.

³⁴² Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 7.

³⁴³ Там же. – С. 91 – 92.

³⁴⁴ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 164 – 165.

³⁴⁵ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 160.

³⁴⁶ Там же. – С. 327.

великих идей марксизма-ленинизма, мобилизует его борьбу за построение нового, коммунистического общества»³⁴⁷, «победа социализма в Узбекистане привела к укреплению и развитию советского общественного и государственного строя»³⁴⁸ ...

Эти нарративы, которые в комплексе составляли «высокий» стиль советского политического языка, были призваны сформировать основные добродетели советской политической нации, представленные верностью и преданностью Коммунистической партии, неприятием внешних идеологий (в первую очередь – «буржуазного национализма»), неспособностью ставить под сомнения решения политического центра. Наличие столь значительного числа идеологических штампов, вероятно, свидетельствует о том, что в рамках советской модели в Узбекской ССР предпринимались попытки сформировать особый тип политической идентичности, основанный на принципах лояльности коммунистической партии и идеологии и функционирующий в рамках авторитарной политической модели.

На протяжении 1970-х годов в восприятии Средней Азии доминировала официальная точка зрения. Альтернативные интерпретации и объяснения отсутствовали. Официальный, в значительной степени идеологизированный, нарратив базировался на уверенности его теоретиков в правильности, непорочности и нерушимости советской власти в республиках Средней Азии. Хотя и в рамках подобного унифицированного и идеологически выверенного восприятия оставалось место для проявления региональных национализмов, примером чего является, например, текст Махмадулы Холова, председателя Президиума ВС Таджикской ССР. Текст сочетает как проявления национального чувства, так и политическую лояльность советскому строю. Отдавая дань национальным чувствам таджиков, М. Холлов констатировал, что таджики являются «одним из древних народов Средней Азии. Они дали миру великих писателей, астрономов, математиков»³⁴⁹. С другой стороны, советская власть, «эпоха возрождения таджиков»³⁵⁰, рассматривалась как почти таджикская национальная.

³⁴⁷ Раджабов С. Таджикская ССР – суверенное советское... – С. 212.

³⁴⁸ Агзамходжаев А. Образование и развитие Узбекской ССР. – С. 170.

³⁴⁹ Холов М. Таджикская Советская Социалистическая Республика / М. Холов. – М., 1972. – С. 4.

³⁵⁰ Холов М. Таджикская Советская... – С. 8.

К началу 1980-х годов в рамках советского официального восприятия республик Средней Азии как особого типа Восток начали четко просматриваться кризисные тенденции. Политический язык становится все более официальным, растет идеологизация научного текста. Проявлением подобной тенденции стало издание серии небольших брошюр «В единой братской семье» лидеров коммунистических партий союзных республик, которые были посвящены различным республикам Союза ССР. В частности «автором» брошюры «Советский Туркменистан» являлся первый секретарь КП Туркменистана М.Г. Гапуров. Книга была написана в полном соответствии с советскими идеологическими канонами, в рамках которых конструировался образ Советского Туркменистана «от Каспия до Амударьи, от Куня-Ургенча до Кушки»³⁵¹ как республики туркмен – «трудолюбивых земледельцев, скотоводов и ремесленников»³⁵². В этом контексте Туркменская ССР – Туркменистан предстает как «воображаемое сообщество», наделяемое различными добродетелями. Вероятно, коммунистические теоретики в некоторой степени в национальных республиках СССР были близки национально ориентированным интеллектуалам, частично рекрутируясь из их среды, что способствовало ограниченной национализации коммунизма в республиках.

При этом туркменские коммунистические теоретики были вынуждены акцентировать внимание на «дружбе народов» и прогрессивной роли русских в развитии Туркменистана, что часто приобретало гипертрофированные формы: «трудящиеся республики высоко ценят дружбу народов... туркменский народ благодарен русскому, а также украинскому, белорусскому, латышскому, азербайджанскому, грузинскому, армянскому и другим народам за то, что их сыны-революционеры зажгли в душе туркмен негасимый революционный огонь... туркменский народ с большой любовью относится к русскому рабочему классу – своему другу и освободителю... они вечно благодарны своему старшему брату – великому русскому народу»³⁵³.

³⁵¹ См. подробнее: Гапуров М.Г. Советский Туркменистан / М.Г. Гапуров. – М., 1982. – С. 17.

³⁵² Гапуров М.Г. Советский Туркменистан. – С. 18.

³⁵³ Там же. – С. 106 – 107.

Аналогичные нарративы широко представлены и в других публикациях второй половины 1970-х – начала 1980-х годов, особенно в официозных сборниках «Под знаменем Великого Октября»³⁵⁴, «Дружба народов – характерная черта социалистического образа жизни»³⁵⁵ и «По ленинскому пути»³⁵⁶, которые вышли в Ташкенте и Ашхабаде. Подобные нарративы были проявлением своеобразного интеллектуального самобичевания, которое постепенно трансформировалось в национальный нигилизм. Не исключено, что подобные мотивы играли роль своеобразных ориентиров, призванных подчеркнуть лояльность Москве и союзному руководству в то время, как интеллектуальные и частично партийные элиты были в большей степени ориентированы национально, а массы легко подвержены националистическим мо-

³⁵⁴ Асимов М.С., Антоненко Б.А. Торжество идей Великого Октября в Таджикистане // М.С. Асимов, Б.А. Антоненко // Под знаменем Великого Октября (Сборник статей) / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 5 – 19; Искандаров Б.И. Основные этапы борьбы за установление Советской власти в Таджикистане / Б.И. Искандаров // Под знаменем Великого Октября (Сборник статей) / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 20 – 35; Каримов Т.Р. установление Советской власти в Ура-Тюбе и Матче / Т.Р. Каримов // Под знаменем Великого Октября (Сборник статей) / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 36 – 50; Алиджанов М.А. Создание первых очагов социалистической промышленности и начало формирования рабочего класса в Таджикистане / М.А. Алиджанов // Под знаменем Великого Октября (Сборник статей) / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 66 – 76; Антоненко Б.А. Первые аграрные преобразования Советской власти в Северном Таджикистане / Б.А. Антоненко // Под знаменем Великого Октября (Сборник статей) / ред. Б.А. Антоненко. – Душанбе, 1977. – С. 77 – 97.

³⁵⁵ Дружба народов – характерная черта социалистического образа жизни / отв. ред. Р.Х. Аминова. – Ташкент. 1980.

³⁵⁶ См.: Ташлиев Ш. Победа советской власти в Туркменистане и национальный вопрос / Ш. Ташлиев // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 5 – 16; Непесова О. Братская помощь русского пролетариата в подготовке рабочих кадров Туркменистана / О. Непесова // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 17 – 26; Джумамурадов А. Осуществление аграрной политики партии в Туркменистане / А. Джумамурадов // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 41 – 56; Дурдыев Т. Торжество ленинских идей культурной революции / Т. Дурдыев // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 57 – 67 (см. также: Дурдыев Т. Великий Октябрь и первые культурные преобразования в Туркменистане / Т. Дурдыев. – Ашхабад, 1981); Ковальчук В.К., Горюнова В.С. Отражение ленинской национальной политики в строительстве и деятельности Коммунистической партии Туркменистана / В.К. Ковальчук, В.С. Горюнова // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 68 – 77; Абаева М.М. Развитие наций и национальных отношений в условиях общества зрелого социализма / М.М. Абаева // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 78 – 90; Оразклычев Я. Некоторые вопросы интернационального и патриотического воспитания тружеников села Туркменистана / Я. Оразклычев // По ленинскому пути / ред. М. Мошев, Б. Эльбаум. – Ашхабад, 1980. – С. 91 – 102.

билизациям, что подтвердил распад Советского Союза, который последовал восемь лет спустя, сопровождаясь националистическими возрождениями.

Текст упомянутой выше работы М.Г. Гапурова подвергнут значительной идеологизации, о чем свидетельствуют, например, следующие фрагменты: «Конституция СССР отражает процесс неуклонного сближения наций, служит дальнейшему упрочению союзных начал многонационального государства... сближение наций проходит на истинно демократической и интернационалистской базе»³⁵⁷, «бесспорен исторический факт, что прогресса во всех областях жизни трудящиеся Туркменистана добились в рамках СССР»³⁵⁸, «Коммунистическая партия Туркменистана, претворяя в жизнь великие предназначения ленинской партии, делает все, чтобы в содружестве всех советских народов процветала туркменская земля»³⁵⁹, «Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила вековые чаяния туркменского народа»³⁶⁰, «дружба народов СССР сыграла неоценимую роль в социалистических преобразованиях в Туркменистане»³⁶¹, «сегодня зримо ощущаются плоды ленинской национальной политики КПСС, неуклонное укрепление братской дружбы всех народов нашей многонациональной Родины. Партия твердо и последовательно направляет свои усилия на наращивание материального и духовного потенциала каждой республики»³⁶², «над республикой возшло солнце свободы, процветания и счастья»³⁶³.

Туркменская ССР позиционировалась М.Г. Гапуровым не только как «яркий пример торжества ленинской национальной политики»³⁶⁴, но и в качестве «национальной государственности» туркменской нации. Для политического нарратива первой половины 1980-х годов характерен своеобразный политически детерминированный примордиализм, который проявился в восприятии истории туркмен до 1917 года как прелюдии к истории Советско-

³⁵⁷ Гапуров М.Г. Советский Туркменистан. – С. 8.

³⁵⁸ Там же. – С. 11.

³⁵⁹ Там же. – С. 126.

³⁶⁰ Там же. – С. 11.

³⁶¹ Там же. – С. 12.

³⁶² Там же. – С. 9.

³⁶³ Там же. – С. 10.

³⁶⁴ Там же. – С. 10.

го Туркменистана. В этой ситуации восприятие истории было социально и экономически деформировано, события туркменской истории интерпретировались таким образом, чтобы их можно было вписать в схему социально-экономических трансформаций, ведущих к революции и советскому строительству. В этом отношении туркменские коммунистические идеологи немногим отличались от национально ориентированных туркменских историков, которые намеренно «накладывали» современную туркменскую идентичность на глубокое прошлое.

В серии «В единой братской семье» советский дискурс восприятия Средней Азии как модернизированного советского Востока в рамках коммунистической модели развития представлен в классическом виде. Серия публикаций первой половины 1980-х годов была призвана простимулировать развитие советской идентичности, стать импульсом ее постепенной трансформации из политической в этническую. С другой стороны, официально-юбилейные коммеморации и публикации советский интеллектуалов в качестве одной из целей преследовали несколько перестроить схему функционирования и существования исторической и политической памяти в республиках Средней Азии. Вероятно, в первой половине 1980-х годов денационализированные союзные политические элиты Москвы постепенно осознали, что проект создания советского народа сталкивается с непреодолимыми препятствиями в виде национальных идентичностей союзных республик.

Публикации официального плана были призваны перенаправить интеллектуальные поиски интеллектуалов в союзных республиках с национальноориентированной проблематики в сферу советского, где для выражения национальных чувств почти не оставалось места. Первая половина 1980-х годов, совпавшая с празднованием 60-летия образования СССР (1922 год), стала и временем постепенного излета, кризиса официальной советской перцепции Средней Азии. Местные интеллектуалы, спустя несколько лет после празднования юбилея и издания официально-юбилейных текстов, уже отказывались так безропотно и всецело принимать и воспринимать ту концепцию развития, которая предлагалась им в рамках советской модели.

В советскую концепцию почти не вписывались различные оппозиционные и альтернативные дискурсы. В такой ситуации сама модернизация сводилась не к социально-идентичностным транс-

формациям, а к чисто внешним изменениям – росту грамотности, появлению сети школ, усилению национальных интеллигенций, развитию высшего образования. Вероятно, советская модель модернизационной политики, которая практиковалась СССР на «своем» Востоке привела к весьма ограниченным и поверхностным результатам. Модернизация интересовала местные региональные элиты не как процесс трансформации среднеазиатских обществ, а как инструмент политического давления, влияния и принуждения.

Советская модель политического функционирования была лишь формой, которая использовалась для функционирования республик Средней Азии в составе Советского Союза. В период существования СССР среднеазиатские республики не прошли полный цикл модернизации, но освоили и усвоили только внешние формы западного типа модерности. Европой для национальных интеллигенций среднеазиатских республик была Россия, а причастность к западной культуре ограничивалось осознание того, что республикам нужна промышленность, а для ее функционирования – специалисты, инженеры, врачи, школьные учителя, университетские преподаватели. Нередко ими были русские или выходцы из других республик СССР, которые на местном, среднеазиатском, уровне воспринимались как русские.

Распад Советского Союза привел к откату модернизационной волны. Среднеазиатские республики приблизились к постколониальным государствам. Местные элиты позиционировали себя как европейские перед своими партнерами в Европе, но национальном уровне возобладали отношения классического доминирования и подчинения. Процессы политического транзита фактически вылились в установление авторитарных национализирующих режимов. Рост национализма привел к оттоку русского и русскоязычного населения, что в значительной степени усилило постколониальный социально-культурный и экономический облик республик Средней Азии.

УЗБЕКСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Распад Советского Союза оказался неожиданным не только для политических элит центра, но и для местных сообществ – политических и интеллектуальных. Последствия разрушения СССР сравнимы с ментальными результатами исчезновения с политической карты мира Британской Империи. Подобно распаду Империи появление на территории бывшего СССР ряда новых государств породило ситуации постколониальности³⁶⁵. Политическое и культурное пространство, которое конструировалось в рамках советской модели, перестало существовать. На смену некогда единой и в значительной степени денационализированной советской культуре пришли новые культурные и интеллектуальные пространства, которые оказались в значительной степени подвержены национализации.

Помимо собственно национального культурного поля на территории среднеазиатских республик сохранялось русское куль-

³⁶⁵ Относительно дискуссий о постколониализме как культурном, интеллектуальном и политическом феномене, а также о самом термине «постколониализм» Джордж Лэндоу пишет, что «so much ink has been spilled in opposition to using the term Postcolonial or Post-colonial or Post Colonial», подчеркивая, что содержание этого термина продолжает оставаться дискуссионным. См.: Landlow G. Why I use the term “Postcolonial” / G. Landlow // <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/themes/gplpoco.html> С другой стороны Энди Гринволд, комментируя сложности, связанные с дефинициями, полагает, что «the most questionable aspect of the term “postcolonial” is the prefix of the word, “post”» – Greenwald A. Postcolonialism as Hope / A. Greenwald // <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/greenwald2.html>. См. также: Gipson G. Mutable Semantics: Three Texts and the Term Postcolonial / G. Gipson // <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/gipson4.html>; Gipson G. The Term Postcolonial and Emecheta’s The Slave Girl / G. Gipson // <http://www.postcolonialweb.org/nigeria/emecheta/gipson5.html>; Gipson G. The Term Postcolonial and Yvonne Vera’s Nehanda / G. Gipson // <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/vera/gipson6.html>

турное пространство, а среднеазиатские мотивы заняли свое место в новейшей российской литературе. Пребывание республик Средней Азии в составе СССР имело свои результаты и в культурной жизни региона. Русский язык стал каналом знакомства с западной культурной традицией, а в рамках интеллектуального пространства новых государств к моменту их появления сложился постмодернистский дискурс, представленный как на национальных языках, так и имеющий русскую версию для «внешнего пользования», рассчитанную в первую очередь на Россию как бывшую метрополию. Русское восприятие Средней Азии в большей степени оказалось востребованным в самой России.

Процесс формирования нового культурного и интеллектуального пространства в Средней Азии оказался непростым в первую очередь для местных интеллектуалов. Примером подобных трансформаций может служить феномен «ферганской поэтической школы» в культуре транзитного Узбекистана. В этой дефиниции слово «поэтическая» имеет условное значение в силу того, что «ферганцы» только поэзией не ограничиваются, пробуя свои силы и в прозе как на узбекском, так и на русском языке. Под «ферганской школой» Хамдам Закиров предлагает понимать «группу поэтов из узбекского города Фергана, писавших по-русски»³⁶⁶. По мнению узбекского интеллектуала Шамшада Абдуллаева, «ферганская школа» является сложным многоуровневым культурным феноменом.

В 1998 году Ш. Абдуллаев полагал для ферганцев характерно «ориентация на средиземноморскую и отчасти англосаксонскую поэзию; гибридная стилистика, но неизменно одно – несколько фальшивых и чужеродных компонентов образуют подлинность целого; конкретные ландшафтные признаки, южный знойный мир и вместе с тем герметическая “западная” поэтика, то есть сквозь немыслимое для сегодняшних литературных приоритетов проступает некое космополитическое месиво одних и тех же мнимостей, залитых солнцем; стремление довести описание предмета до предельного натурализма в общем ирреальном настроении и одновременно в некоторых случаях угадывается

³⁶⁶ Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

следующий принцип: чем удаленней объект, тем совершеннее орудие; обращенность к меланхолии позднего романтизма, выраженной современным языком, полным скепсиса и неуверенности; антиисторизм и неприязнь к социальной реальности, страх перед действием и тотальностью наррации, особый депрессивный лиризм и мета-личное упрямство, не позволяющее автору «ферганской школы» жить жизнью и с каждым разом все больше отдаляющее его от смысла происходящего, – поэтому этос в наших текстах уходит в тень, на задний план»³⁶⁷.

Сами «ферганцы» указывают на некую характерную для школы транскультурность (связь со Средней Азией, большинство представителей течения – узбеки, язык творчества – язык бывшей метрополии) и периферийность («спасала наша удаленность от культурных столиц, благодаря которой мы были избавлены от необходимости участвовать в литературных процессах, “литературной жизни” во всех ее проявлениях»³⁶⁸) и гибридность³⁶⁹, что характерно для литератур освободившихся деколонизированных обществ. Особо Ш. Абдуллаев подчеркивал то, что «мы не имеем своих изданий, своих журналов, своих читателей и вынуждены мириться с рассеянным присутствием (публикации в России, в эмиграции) для других, для другой культуры»³⁷⁰.

В несколько иной форме эту идею выражает и «ферганец» Хамдам Закиров: «я много растерял в дороге, я готов утратить все и тенью брести по бесконечным тропам, бросив свою повозку, лишь бы с тобою быть: менять жилища, останавливаться, снова пускаться в путь, чтоб снова возвращаться и уходить, чтоб снова

³⁶⁷ Характеристика «ферганской школы» предложенная Шамшадом Абдуллаевым // <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm>

³⁶⁸ Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

³⁶⁹ О феномене гибридности постколониальных обществ см.: Jefferson A. On Hybridity and Postcolonialism / A. Jefferson // <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/antwan/3.html>

³⁷⁰ Характеристика «ферганской школы» предложенная Шамшадом Абдуллаевым // <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm>

возвращаться и уходить. Из ниоткуда в никуда»³⁷¹. Подчеркивая потерю ориентацию в пространстве, которая в некоторой степени характерна для «ферганцев», пытающихся «органично соединить русское, западное и восточное»³⁷², Е. Олевский пишет, что «мне нравится жить на Востоке и быть европейцем, мне нравится приехать в Германию и быть там восточным гостем. Мне нравится быть рациональным или иррациональным в зависимости от моей ментальной погоды»³⁷³.

Вместе с тем, сами «ферганцы» весьма скептически оценивали синтетические потенции школы в деле синтеза Ориента и Окцидента: «что касается западно-восточного единства, то оно возможно лишь на уровне поэтической сейсмики, неуловимых побуждений, атмосферы и грез»³⁷⁴. Распад СССР, открытие границ, возможность свободного выезда из республик Средней Азии привели к тому, что интеллектуалы, воспевающие ситуацию постколониальности³⁷⁵, предпочли делать это вне Востока, вне узбекской языковой среды, но в рамках в большей степени европейской, русской, языковой модели.

Комментируя поэтические «упражнения» с русским языком в рамках «ферганской школы», Х. Закиров подчеркивает, что «вопрос, является ли поэзия ферганцев частью русской или узбекской литератур останется, по всей видимости, открытым всегда. Плоть от плоти Ферганы, места, которое сделало нас теми, кто мы есть, наши стихи написаны по-русски... используя все богатство русского языка, наша поэзия “уходит корнями”

³⁷¹ Закиров Х. Любовная песнь героине М.К. / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam2.htm>

³⁷² Середина, которая вибрирует оттого, что она найдена (с Шамшадом Абдуллаевым беседует Дмитрий Кузьмин) // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad17.htm>

³⁷³ Олевский Е. Восток и Запад: есть ли различия? / Е. Олевский // <http://library.ferghana.ru/almanac/olevski2.htm>

³⁷⁴ Абдуллаев Ш. Поэзия и местность / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad22.htm>

³⁷⁵ В теоретическом плане об этих феноменах см.: Ahire Ph. Imperial Policing: The Emergence and Role of the Police in Colonial Nigeria 1860-1960 / Ph. Ahire. – Buckingham, 1991; Callaway H. Gender, Culture, and Empire: European Women in Colonial Nigeria / H. Callaway. – Urbana – Champaign – Chicago, 1987; Carland J.M. The Colonial Office and Nigeria, 1898-1914 / J.M. Carland. – London, 1985.

вовсе не в русскую литературную традицию»³⁷⁶. Вероятно «ферганцев» можно сравнить с многочисленными авторами постколониальной Африки, которые писали на языках бывших метрополий, например – на французском. Этому сравнению способствует и то, что один из «ферганцев» определили поэзию школы как «русскофонную»³⁷⁷.

Комментируя языковой фактор в развитии постколониальных обществ, американский исследователь А. Джефферсон подчеркивает, что «язык – это нечто большее чем слова на бумаге; дух, с которым он связан, более значим чем то, что мы находим в напечатанном тексте. Использование языка требует понимания его конструкций, способности применять язык... язык нуждается в культурном контексте. Культурный контекст связан с результатами творчества и конкретными условиями общества... и только в тех случаях, когда писатель пытается писать вне категорий родной культуры – культурный контекст становится минимальным»³⁷⁸. Примечательно, что в данном случае язык (русский) для узбекского интеллектуала – признак западности. Более того сам язык, нарратив выдержан в большей степени в традициях западного гуманитарного знания, нежели восточной модели.

Для анализа ситуации постколониальности в рамках узбекского интеллектуального дискурса следует обратиться к текстам «ферганской школы».

В текстах «ферганской школы» Средняя Азия предстает как регион старого имперского русского наследия («в высоких темных классах бывшей Скобелевской женской гимназии, где вошедшего охватывает сразу золотистый свет характерный для Азии»³⁷⁹) советской архитектурной действительности («пусть

³⁷⁶ Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

³⁷⁷ Абдуллаев Ш. Ферганский ландшафт как поэзия / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad1.htm>

³⁷⁸ Jefferson A. Hybridity and Postcolonialism / A. Jefferson // <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/antwan/3.html> О языке в контексте развития постколониальных обществ см.: Kambyssellis Z. Language: Spoken or Written? / Z. Kambyssellis // <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/kz2.html>

³⁷⁹ Такташ Р. Ферганская поэма / Р. Такташ // <http://library.ferghana.ru/almanac/taktash.htm>

Фергана по архитектуре состоит из бараков, но кто у нее отнимет света ее серебро?»³⁸⁰) и почти аномального соседства и (со)существования: «свежесть на исходе столетия исчезающего захолустья, когда последний этап любого микрокосма похож на долгую рань. Краткий конец юга, что сейчас окаймит встречную топь... греко-бактрийское платье, айван и холм, смутный незнакомец с профилем сакской сабли»³⁸¹.

Усилиями узбекских интеллектуалов формировался образ региона как постколониального и вместе с тем – постнационального, где не завершены процессы модернизации, а традиционные институты не разрушены полностью. Подобное сосуществование лишь усиливало контрасты ситуации постколониальности, актуализируя вне или антисистемность транзитных среднеазиатских культур. В ряде своих текстов ферганцы пытаются решить проблемы, связанные с синтезом европейского и узбекского, русского и восточного. Сложности в разрешении этой дилеммы связаны с языком. Алтаэр Магди формулирует эту сложность следующим образом: «кто мы такие, узбеки, и что мы думаем о мире? Попробуй я перевести это предложение на узбекский язык, дословно оно звучало бы так: “Мы, узбеки, кто мы и о мире (мире о) что думаем?” Если быть дотошным, то даже здесь, как во фрагменте голограммы, можно заметить, что изменилась вся система координат языка. А именно: в узбекском языке глагол (действие) всегда располагается на последнем месте, когда высказаны все описания и злключения объекта: характер предложения (вопросительное, отрицательное) определяется также, когда всё высказано до конца»³⁸². Использование в творчестве двух языков, русского и узбекского, не только подчеркивает постколониальный статус текстов, создаваемых «ферганцами», но, с другой стороны, указывает на родовую травму формирования идентичности в новых государствах, политические и интеллектуальные элиты, которых

³⁸⁰ Такташ Р. Ферганская поэма / Р. Такташ // <http://library.ferghana.ru/almanac/taktash.htm>

³⁸¹ Абдуллаев Ш. Род / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad46.htm>

³⁸² Магди А. Собрание утонченных или элитарный роман литературного сознания / А. Магди. – [б.м.], [б.г.]. – С. 6. Текст романа доступен на сайте <http://library.ferghana.ru/> для скачивания в формате Word.

поставлены перед выбором культивирования принципиально новой системы координат, основанных на национальном языке, или использования языка старого центра, что, однако, будет усиливать постколониальный статус подобного общества.

Один из ведущих авторов и теоретиков ферганцев Ш. Абдуллаев в ряде своих текстов использует образ автобуса, что весьма показательно для транзитного общества: «в полупустом салоне автобуса старик, прикорнувший в углу, пытается уснуть, и эта попытка становится содержанием его сна. На переднем сиденье кто-то забыл фотоальбом. Машина рывками ищет дорогу, двигаясь по грязной проселочной линии. Тягостное возбуждение ветра над пыльной равниной. Неподалеку скелет велосипеда, лежащий у основания жесткой стены, ринулся с лобового окна к заднему, когда автобус внезапно повернул вправо. На снимках рослый регбист с повязкой на лбу, скрещенье грунтовых дорог с одной повозкой, броская сосредоточенность женского лица, морские волны у ног задумчивых мужчин, горстка мальчиков за чертой снежной долины, но старик проснулся и запел песню, оставаясь безучастным к равнодушию картин, скользящих против окон»³⁸³.

Один из героев Мира Калигулаева и вовсе «родился на железнодорожной станции»³⁸⁴. В текстах Ш. Абдуллаева границы пространства, столь разнообразно заселенного «военными чиновниками... детьми переселенцев, чиновников, высланных»³⁸⁵, размыты: «что-то отпущено. Конец, его же конец в тщании реального предгрозя. Пелози, дальше никто не может смотреть. В кишлаках или в Червиньяно-дель-Фриули зов не сходит с нулевой отметки. Логос изменил одного мужчину, который не изменил мир – логос не изменил мир. Снятие с креста в большом селении, поощренное солнцем, и матери на задней сцене дается романский приют с Грациэллой. Корабль

³⁸³ Абдуллаев Ш. Течение / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad46.htm>

³⁸⁴ Калигулаев М. Тон Хван, или Роман о женщинах в его жизни / М. Калигулаев // <http://library.ferghana.ru/uz/kaligulaev1.htm>

³⁸⁵ Такташ Р. Ферганская поэма / Р. Такташ // <http://library.ferghana.ru/almanac/taktash.htm>

подплывает к дыханию, но всё прощает всё: это пальма (слова Ибн Умара) или невод для грядущей неги»³⁸⁶.

Для ферганской школы, как и для литератур других постколониальных обществ³⁸⁷, характерны попытки синтезировать национальное восточное и, поэтому, колониальное с чуждым – европейским, западным и, как результат, постколониальным. Среднеазиатское соседствует со средиземноморским. Шамшад Абдуллаев определил подобную особенность «ферганской школы» как «тоску по Средиземноморью»³⁸⁸. Это создает впечатление транскультурности, которое более усиливается периодически встречающимися европейскими образами: «он хотел умереть внутри нее. Вена. Женщина и тысячи иных. Мария-над-рекой, церковь. Средневековое тепло витает над Унгаргассе. Да? Все так. Он смотрел на гравийный крест парковой аллеи. Вокруг, сквозь черные углы стриженных деревьев, под зимним солнцем выглядывали темные края габсбургских крыш. Терпкий атлантический ветер крутил красные хлопья по линованной дорожке, и серая собака без лая согнала чайку с лужи, как случайный жест, но другая птица села на дверную чашу керамической фабрики, 19 век, Parsullanum Manufaktur. Всюду чужая речь, поле, ворона блестит среди щедрых австрийских пропорций»³⁸⁹.

Для «ферганцев» характерно стремление позиционировать себя как европейцев. Вероятно, это позиционирование более важно для самих узбеков в силу того, что те образы западности, которые создаются авторами «ферганской школы», предназначены в большей степени для внутреннего потребления. Средиземноморье принадлежит к числу наиболее частых образов Ш. Абдуллаева: «настоящее, его не видно, его устье узко. Подчас

³⁸⁶ Абдуллаев Ш. Горизонт / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad46.htm>

³⁸⁷ Darby Ph. The Fiction of Imperialism: Reading Between International Relations and Postcolonialism / Ph. Darby. – Washington, 1998; Larson Ch. Heroic Ethnocentrism: The Idea of Universality in Literature / Ch. Larson // The Post-Colonial Studies Reader / eds. B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. – NY., 1995.

³⁸⁸ Абдуллаев Ш. Тоска по Средиземноморью / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad33.htm>

³⁸⁹ Абдуллаев Ш. Поездка в Австрию / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad24.htm>

рядом замышлялись безадресные аномалии – Средиземноморье, например. Зря черное течение воздвигло пирамиды в чинной плоскости, которая не исчерпает запаса конвульсий»³⁹⁰.

Комментируя средиземноморские образы «ферганцев», Ш. Абдуллаев констатирует, что «нашими кумирами в семидесятые годы... были тихие средиземноморские визионеры муссолиниевской эпохи итальянские герметики и фрагментаристы) и англоязычные отшельники в литературе, не таившие своей тоски по южной абстракции и солнцу»³⁹¹. Итальянские мотивы характерны и для Хамдама Закирова: «как Джованни Дрого в фильме Дзурлини, пожертвовав всем, чтобы многие годы портить глаза ожиданием темной точки, слабого блеска металла, ржания вражеских лошадей»³⁹². Итальянские образы присутствуют и в прозе «ферганцев», например – Шамшада Абдуллаева: «он рассматривал фотографии портовых городов южной Италии. Рыбацкие лодки целый час оплывали недвижно белую береговую архитектуру и курортный пляж»³⁹³.

Словно призванные подчеркнуть контрастность и отличность Средней Азии от романского мира, они усиливают ощущение post & trans – пост(транс)культурности, пост(транс)пространственности, постколониальности³⁹⁴. Но за этой показной европейскостью проступает Восток, возникающий

³⁹⁰ Абдуллаев Ш. Зной / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad46.htm>

³⁹¹ Абдуллаев Ш. Предисловие к книге «Поэзия и Фергана» / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad44.htm>

³⁹² Закиров Х. Топография: статика / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam8.htm#004#004>

³⁹³ Абдуллаев Ш. Лето / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad31.htm>

³⁹⁴ Об этих феноменах в теоретическом плане см.: Jefferson A. Hybridity in the Literature of Zimbabwe / A. Jefferson // <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/antwan/4.html>; Brahms F. Entering Our Own Ignorance: Subject-Object Relations in Commonwealth Literature / F. Brahms // The Post-Colonial Studies Reader / ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H Tiffin. – NY., 1995; Darby Ph. The Fiction of Imperialism: Reading Between International Relations and Postcolonialism / Ph. Darby. – Washington, 1998; Larson Ch. Heroic Ethnocentrism: The Idea of Universality in Literature / Ch. Larson // The Post-Colonial Studies Reader / ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H Tiffin. – NY., 1995. Parry B. Problems in Current Theories of Colonial Discourse / B. Parry // The Post-Colonial Studies Reader / ed. B. Ashcroft, G. Griffiths, H Tiffin. – NY., 1995.

сначала как память о прошлом («так детство протекало – мимо ручейков и речек, полное невидимых, точнее непонятных мне тогда знамений: конфеток на морщинистых ладонях стариков, таинственного языка прабабушки, читавшей “Кей-Хосров”, “Гоштасп” и “Дарий” на ночь мне, а также – намаз, что ею совершался в положенное время, и крестившиеся возле церкви, и кубическая каменная ересь, статуя Хотепа, хранителя сокровищ»³⁹⁵), но классического антиевропейского и внезападного («Ахсыкет разрушен в начале 13 века, мужчин скорее всего вывезли в центральные города Мавераннахра, а женщин и детей утопили в Сырдарье»³⁹⁶), но потом трансформирующийся в реальность ирреального, неподдающегося кодификации, каталогизации и картографированию Востока: «пески Джумашуя, Ахсыкент, рыхлая земля Коканда, камни Канибадама – Фергана. Следы прожитого – вязкая субстанция, бесстрастно позволяющая увязнуть твоей плоти. Петля воспоминаний мгновенно затягивается, возвращая тебя снова и снова в устойчивую недосыгаемость прошлого»³⁹⁷.

Подобная размытость культур в текстах «ферганцев» связана с интеллектуальной ситуацией постколониальности в Узбекистане 1990-х годов. Постколониальные мотивы в значительной степени представлены в прозе: в этом контексте узбекская постколониальная культура в целом вписывается в общий контекст развития постколониальных национализирующихся обществ³⁹⁸. Среди наиболее ярко

³⁹⁵ Закиров Х. Любовная песнь героине М.К. / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam2.htm>

³⁹⁶ Абдуллаев Ш. Другой Юг / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad30.htm> См. также: Поэзия посредственности: в ориентирах Юга // <http://library.ferghana.ru/hz/esse1.htm>

³⁹⁷ Алибеков С. Статика динамики. Ностальгия / С. Алибеков // <http://library.ferghana.ru/almanac/sergej4.htm>

³⁹⁸ В теоретическом плане см.: Azim F. The Colonial Rise of the Novel / F. Azim. – L. – NY., 1993; Behadad A. Colonial Narrative and Its Discontents / A. Behadad // Victorian Literature and Culture. – 1994. – Vol. 22. – P. 233 – 248; Bongie Ch. Exotic Memories: Literature, Colonialism, and the Fin de Siecle / Ch. Bongie. – Stanford, 1991; The Colonial and the Neo-colonial in Commonwealth Literature / ed. H.H. Gowda. – Mysore, 1983; Leask N. British Romantic Writers and the East: Anxieties of Empire / N. Leask. – Cambridge, 1993; The Colonial Encounter: A Reading of Six Novels / ed. M.M. Mahood. – L., 1977; McClure J.A. Kipling and Conrad: The Colo-

выраженных постколониальных романов узбекской литературы – «Железная дорога» Алтаэра Магди. Герои романа, русские и жители Средней Азии, словно изначально играют роли европейцев и азиатов, колонизаторов и колонизируемых / колонизированных³⁹⁹. В этом контексте показателен диалог русского машиниста Ивана и узбека Умарали:

«отточенный многолетними посидками нюх не подвел Умарали-судхора и на этот раз. Однажды в государственной задумчивости проходя мимо поезда 16.17, он вдруг учуял этим самым крысиным нюхом нечто...

– Твая Иван, мая Умарали. Мая тарбуз даёш, твая – водка.

Он вдыхал этот вонючий запах и показывал его аромат:

– Вах-вах-вах! - и показывал, где он нашел водку.

Машинист Иван поначалу не понимал, чего хочет этот диверсионист, который говорит, что он умирает, а потому стал намеренно протирать смоченной этим самым запахом тряпкой свой табельный наган. Но когда, заложив руки для пущей благонадежности за спину, Умарали наклонился к тряпке и стал что-то лепетать и тарыхтеть, *машинист-коммунист решив из интернационалистских соображений, что младшему брату нужна тормозная жидкость – ну положим, для его колхозного трактора*, ведь неспроста же

nial Fiction / J.A. McClure. – L. – Cambridge, 1981; Meyers J. Fiction and the Colonial Experience / J. Meyers. – Totowa, 1973; Smith van Wyk M. "Colonial and Post-Colonial Literatures / M. Smith van Wyk // Review of English Studies. – 1993. – Vol. 44. – No 175. – P. 392 – 399.

³⁹⁹ Об идентичностных ролях в контексте развития идентичности и концептов «другого» см.: Dyserinck H. Komparatistische Imagologie. Zur politischen Tragweite einer europäischen Wissenschaft von der Literatur / Dyserinck // Europa und das nationale Selbstverständnis. Imagologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts / hrsg. H. Dyserinck, K.U. Syndram. – Bonn, 1988. – S. 13 – 38; Fischer M.S. Komparatistische Imagologie. Für eine interdisziplinäre Erforschung nationalimagotyper Systeme / M.S. Fischer // Zeitschrift für Sozialpsychologie. – 1973. – No 10. – S. 30 – 44; Fischer M.S. Nationale images als Gegenstand vergleichender Literaturgeschichte. Untersuchungen zur Entstehung der komparatistischen Imagologie / M.S. Fischer. – Bonn, 1981; Fischer M.S. Literarische Seinsweise und politische Funktion nationenbezogener Images: Ein Beitrag zur Theorie der komparatistischen Imagologie / M.S. Fischer // Neohelicon. – 1982. – Bd. 10. – No 2. – S. 251 – 274; Frijhoff, W. Identiteit en identiteitsbesef. De historicus en de spanning tussen verbeelding, benoeming en herkenning / W. Frijhoff // Bijdragen en mededelingen betreffende de geschiedenis der Nederlanden. – 1994. – Vol. 107. – No 4. – S. 614 – 634.

он тархтит, – в конце концов пошел на эту крайнюю меру и даже наотрез отказался от кооперативного арбуза взамен.
– Вот, – протянул он *дружеской индустриальной рукой* бутылку жидкости аграрию. – *Заправляй свой социалистический трактор!* [курсив мой – М.В.]
– Да, да тырактир! - вспомнил Умарали слышанное им в тюрьме от русских слово»⁴⁰⁰.

В другом из своих текстов А. Магди подчеркивает, что «не надо быть Марксом, достаточно быть обыкновенным Абдумуталом с Алайского базара, чтобы разуметь: торговля - это договор, договор равенства, договор справедливости: ты мне “Капитал” Маркса, запущенный им в голову буржуа, я тебе... по твёрдым ставкам. Или наоборот»⁴⁰¹. В этом контексте показательно разделение ролей. Русский позиционируется как ментор, «старший брат», наставник, который идеологически направляет азиатов. Узбек выступает в роли просящего представителя патриархального и традиционного мира, который в обмен на технические достижения (спирт) европейца-русского предлагает «» – лишь то, что может предложить.

В романе «Железная дорога» Россия / Европа предстает в качестве идеологического и структурного вызова, направленного против Востока. Россия фигурирует как сила если не ассимилирующая, то принудительно модернизирующая Восток. Примером подобного одновременного деструктивного и конструктивного влияния со стороны России / Запада предстает Октам – узбек-альбинос по кличке Урус, которого после начала первой мировой войны мобилизовали на тыловые работы, где он против своей воли стал... большевиком, пав жертвой... солидарности между мусульманами.

В этом контексте возникает образ татарина. Татары воспринимались узбеками как в принципе «свой» мусульмане, единственным барьером, но вполне преодолимым, был языковой. И

⁴⁰⁰ Текст романа без пагинации доступен на сайте <http://library.ferghana.ru/> для скачивания в формате Word. Магди А. Железная дорога. Гл. 1. Далее ссылки даются на конкретные главы романа.

⁴⁰¹ Магди А. Собрание утонченных или элитарный роман литературного сознания / А. Магди. – [б.м.], [б.г.]. – С. 13. Текст романа доступен на сайте <http://library.ferghana.ru/> для скачивания в формате Word.

хотя Октам вспоминает пословицу «Огайнинг татар булса, лнингда ойболтанг булсин!» («Если твой друг татарин – держи при себе топор!»), он, тем не менее, согласился передать письмо в Ташкент, которое оказалось революционным посланием. В итоге Октам, почти не говорящий по-русски, оказался в Ташкентской тюрьме, откуда его освободили «красные», приучившие выступать на политических митингах: «нашли Октама революционные матросы Ташкента, подняли дело охраны, с восторгом обнаружили его революционное прошлое, и даже шрамы, оставшиеся от болезни продемонстрировали на митингах Пьян-базара как следы мрачного царского прошлого и тюрьмы народов! Октам только поднимал рубаху, да приспускал штаны, ничего другого не понимая, но на Всекраевом большевистском Съезде его уже кооптировали в ЦК по списку из местных революционеров. Словом стал Октам вскоре большим большевиком, и даже его прозвище – “урус” приобрело уже смысл политически-сознательный и удостоверяющий»⁴⁰². Октам плывет по течению, подхваченный бурными событиями первых лет советской власти в Азии.

Октам – носитель традиционного сознания, который с трудом понимает новые коммунистические лозунги («Октам заучивал по ночам и по слогам очередные партийные лозунги»). Более того, Октам неграмотен: «не знал вообще никаких букв, и тем не менее был видным большевиком»⁴⁰³. С другой стороны, он совершенно отчетливо осознает, что «в горящем доме самое безопасное место – это двор». Именно поэтому «попросился он в забытый богом и партией Гилас, тогда-то партия и направила его на укрепление шерстьфабрики, где среди партии татарок, завезенных вагоном из Оренбурга он должен был провести линию партии, прямую, как железная дорога, идущая через Гилас. “Опять татары!” – смешанно подумал Октам, но потом вспомнив конец первой татарской истории, прибавил: “Ха майли, охири бахайр булсин!” и принял директорство»⁴⁰⁴. Поэтому дальнейшая биография Октама – биография почти коллективная, отразившая все противоречия советской модели модернизации в Средней Азии.

⁴⁰² Магди А. Железная дорога. Гл. 2.

⁴⁰³ Магди А. Железная дорога. Гл. 3.

⁴⁰⁴ Магди А. Железная дорога. Гл. 2.

Модернизация советского Востока протекала не только в рамках советской модели, но и имела свою восточную специфику: «через неделю большевики выставили в назидание две отрезанные головы – с постановлением революционного трибунала, приколотым к горлу жертв. Другие ответили тем, что в одну ночь вырезали по домам всё большевистское руководство Эски-Мооката: од норукого чекиста Агабекова и до райкомовского мясника Кулдаша, продавшего за крупноголовую скотскую плоть свою веру. В ответ начался “красный террор”, когда всё мужское население округи от двадцати и до сорока лет угнали на Крайний Север как пособников, кто сумел – тот сбежал в горы к Ёрмухаммаду, кто не успел – того расстреляли, а вместо и во исполнение обязанностей мужского населения Мооката расквартировали здесь полк красноармейцев под предводительством татарина Чанышева»⁴⁰⁵. В этой ситуации насилие обретает роль почти официального политического языка и единственного легитимного механизма при конструировании политического пространства в советской Средней Азии.

Средняя Азия не проявляла значительной склонности к тому, чтобы стать советской и модернизированной. Местные функционеры оперировали традиционной системой ценностей, значительную роль играли клановые и родственные отношения, неформальные связи: «Шир-Гази делал с народом что хотел, да так, что его тесть – овцебрей Тоголок стал страшно завидовать своему зятю и однажды откровенно попросил того... дай мне на 15 дней своё место, дай и я понаслаждаюсь властью! Поначалу Шир-Гази не соглашался, но Тоголок подговорил свою дочь – красавицу Ноороон, и через неделю этот красный шайтан собрал своих баранов на свой сельсовет и вынес революционное решение, что едет с проверкой по социалистическим джяйляу, а на время убытия оставляет вместо себя сельсоветом Тоголока Молдо-улы. Взамен 15 дней неистовства Тоголока, когда тот выбрил всё население Эски-Мооката как собственных баранов, шайтан Шир-Гази получил отару небритых и откормленных овец в урочище Кок-бель, где и провёл эти мучительные полмесяца разлуки с Советской властью»⁴⁰⁶. Принесшие в Азию коммунизм русские и национал-

⁴⁰⁵ Магди А. Железная дорога. Гл. 19.

⁴⁰⁶ Магди А. Железная дорога. Гл. 19.

коммунисты выступали в качестве создателей нового политического пространства, стремясь разрушить традиционное, которое ассоциировалось не просто с восточным, но и антисоветским, заменив его правильным, идеологически маркированным советским. В ходе такой модернизации Восток подвергался весьма умеренной окцидентализации в то время, как европейцы-большевики охотно принимали восточные методы. В результате среднеазиатские республики трансформировались в (пост)колониальные, где восточное сохранило свои позиции, а западное, проникнув в традиционные структуры и отношение, оказалось не в состоянии радикально перестроить Восток.

В контексте советской модернизации Узбекистана в романе возникают и русские образы. Сам неграмотный и почти не знающий русского языка Октам имеет репутацию не только большевика, но и русского. Поэтому, один из его родственников «тайно ненавидел всех русских во главе с Октамом»⁴⁰⁷. Русские образы в «Железной дороге» связаны в первую очередь с русским языком – даже не его насаждением, но мучительным проникновением в Среднюю Азию. Октам, движимый не то партийным карьеризмом, не то верой в большевизм «открыл кружки русского языка во всех махаллях, прилегающих к шерстьфабрике... дабы более доходчиво материть несознательные массы»⁴⁰⁸. Но подобная модернизация почти не приносит результатов: во время Великой Отечественной войны узбеки, призванные в армию, «кроме “ёпти Боймата”^{*} ничего по-фронтовому и не знали»⁴⁰⁹.

У героев «Железной дороги», которые переживают все перипетии советской модели модернизации «басмачества до бескалбазлычества»^{**}, сложные отношения с языком. Узбекское функционировало в узбекском же культурном и языковом окружении, но в условиях доминирования привнесенных извне моделей политического и культурного поведения. Один из персонажей романа Гази-ходжа «устроился переводчиком к первому секретарю – переводить с узбекского на узбекский, потому как первый секретарь хоть и был узбеком, но за свою большевистскую

⁴⁰⁷ Магди А. Железная дорога. Гл. 3.

⁴⁰⁸ Магди А. Железная дорога. Гл. 3.

^{*} Букв.: «Накрыл Боймат» вместо «ёб твою мать!».

⁴⁰⁹ Магди А. Железная дорога. Гл. 3.

^{**} Дословно с узбекского – «игра безбородых» – «гомосексуализм».

карьеру забыл начисто, как материл его до детдома отец»⁴¹⁰. Некоторые герои «Железной дороги» принесли «русский язык» с войны: «фронтовик Фатхулла – ум, совесть и честь Гиласа, насыщавший сном свой единственный глаз вдвое раньше других, как обычно, в пять утра погнал со слепым рассветом своих семь баранов на выпас... повторяя слова, которые слышал лишь на заре своей жизни на Втором Украинском Фронте: “Во бя даёт... во бя даёт... во бя даёт...”»⁴¹¹.

Ситуация осложнялась тем, что в Узбекистане соседствовали узбекский и таджикский языки, что в некоторой степени усложняло усвоение русского языка узбеками: «Хуврона-брадобрея Занги-бобо любил. Ведь после смерти его отца Джебралья лишь Хуврон помнил как Джебраль материл его в детстве, а через иранский родственный язык Занги-бобо не раз выходил на разгадку русских головоломок. Вот к примеру через джебральское “хей кусаш багом!”^{***}, он разрешил свои сомнения относительно... “хуй кусайш” и “йоп тувой богоматр”»⁴¹². Русский проникал в среду узбеков сложно и мучительно, при помощи русских партийных работников и специалистов-инженеров. Один из узбекских героев «Железной дороги» составлял русско-узбекский словарь, для чего завел тридцать две тетради, в которые записывал русские слова так как он их слышал. Поэтому «книга на “Й” была заполнена всего на полторы страницы, кончаясь сомнительным словом “йобтувой-мат”, к которому в порядке гипотезы было приписано: “ёпти Боймат?”»⁴¹³. На раннем этапе проникновения русского языка узбеки усваивали, как правило, ненормативную лексику. Мощным каналом обучения русскому языку была армия, о чем речь шла выше.

Но и родной для героев романа узбекский язык предстает агрессивно: «Сани кўрсам, онайниский, шу дегин совугим ошиб кетади»^{*}, «Кутокка тункайиб утирибсанми! Кузингни корачигига ский, пойиз амийни чикарворадию! Ха Иштонгинсирка буган

⁴¹⁰ Магди А. Железная дорога. Гл. 18.

⁴¹¹ Магди А. Железная дорога. Гл. 33.

^{***} Букв.: «Ёб её в пизду».

⁴¹² Магди А. Железная дорога. Гл. 33.

⁴¹³ Магди А. Железная дорога. Гл. 33.

^{*} Букв.: «Когда вижу тебя, ёб твою мать, душу леденит».

отийни памилиясига обиманим!»^{**}. Ненормативная лексика была важным средством коммуникации в советском Узбекистане как мультикультурном обществе: «Онайниский, биров билан сикиш-мокчимисан!»^{***} – зашипел с надеждой в хрипе Эзраэль, когда они подъезжали уже к реке, где давным-давно дед его омывал несравненного Майкэ. Она же всё продолжала молчать и тогда на глазах у всех Эзраэль полосанул бритвой по её горлу... Кровь брызнула на его белый халат, на путанные волосы казашки, влипившей впереди, на мешок с рассыпавшейся кукурузой под ногами»⁴¹⁴. В этом контексте ненормативная лексика предстает как своеобразный фон отношений подчинения и доминирования, построенных не столько по национальному, сколько по гендерному признаку.

Война стала тяжелым испытанием для другого героя «Железной дороги» узбека Ульмаса, который под Смоленском попал в плен: «на все вопросы фашиста бедный Куккуз отстреливался своей непонятной фразой, полагая, что говорит на том же языке, на котором его и спрашивают. При этом он блаженно улыбался, а потому положительно нельзя было докопаться откуда он и кто такой. Тогда немцы решили, что Мулла Ульмас-куккуз – еврей, – вон какой вежливый, и подтвердив свою догадку неоспоримо обрезанным членом Муллы, отправили его первым же товарняком в концлагерь, дожидаться своей очереди в топку»⁴¹⁵. То, что узбек-мусульманин был принят немцами за еврея, вероятно, свидетельствует о том, что в сознании европейцы Восток не был в должной степени разграничен, культурно и религиозно картографирован.

Комментируя особенности транспространственности «ферганской школы» Е. Олевский полагает, что «ферганцы» разделяли и разграничивали понятия «Запад» и «Восток»: «Востоком становится все, что не Европа, чуть позже, к понятию Запада, присоединяется Новый Свет. Все остальное Восток. Восток, это более низкий образ жизни, это экзотика, где танцуют, заключают браки и одеваются по-другому»⁴¹⁶. Республика Узбекистан,

^{**} Букв.: «Какого хуя сидишь раком? Ебать тебя в зрачок, ведь поезд выпиздит тебя! Ёб я твою имя-фамилию Штангенциркуль!».

^{***} Букв.: «Ёб твою мать, что, хочешь с кем-то ебаться, да?!»

⁴¹⁴ Магди А. Железная дорога. Гл. 29.

⁴¹⁵ Магди А. Железная дорога. Гл. 3.

⁴¹⁶ Олевский Е. Восток и Запад: есть ли различия? / Е. Олевский // <http://library.ferghana.ru/almanac/olevski2.htm>

которая получила до этого семидесятилетний опыт существования в рамках советской авторитарной модели, была вынуждена заново искать свое место в системе политических и интеллектуальных координат между Востоком и Западом. Ситуация осложнялась и тем, что узбекские интеллектуалы объективно осознавали свою принадлежность к Востоку, миру мусульманской цивилизации, но, с другой стороны, вероятно, субъективно они позиционировали себя в качестве европейцев. Семидесятилетний советский период был и временем принудительной модернизации, попыткой построить в Средней Азии национальное государства западного типа, хотя и облаченное в одежды советского коммунизма. Фергана – частый образ в текстах «ферганской школы». «Фергана – повод для иллюзий»⁴¹⁷, – подчеркивает Ш. Абдуллаев.

Один из «ферганцев» Х. Закиров в связи с этим пишет, что Фергана, в которой социализировались будущие «ферганцы», представляла собой «узбекский областной центр в 1970 – 1980-х годах прошлого века был эдакой маленькой азиатской Александрией, в которой жило около 300 тысяч человек трех десятков национальностей, волею судеб или сталинских решений оказавшихся здесь и создавших уникальное в своем роде многоязыкое и мультикультурное пространство»⁴¹⁸. В этом контексте Фергана усилиями «ферганской школы» постепенно трансформируется в коллективное место памяти, символизирующее советскость прошлого и транскультурные ситуации современности.

В текстах Абдуллы Хайдара Восток предстает еще в большей степени внепространственным: «стекает ленный мир блаженного Востока по руслу ная в бездну пиалы, стекает ленный мир и обнажает око, дарующее мудрость пустоты и только дервиш-ветер листвою торопит вечер задернуть над айваном завесу паранджи да бабочка ночная, свечой в свече растая, суфийских откровений берedit миражи»⁴¹⁹. В этом отношении «ферганцы» предстают как

⁴¹⁷ Абдуллаев Ш. Фергана как состояние: несколько слов / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad13.htm>

⁴¹⁸ Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

⁴¹⁹ Хайдар А. Стекает ленный мир блаженного Востока / А. Хайдар // <http://library.ferghana.ru/almanac/kuprin1.htm>

заложники и жертвы постколониальности: их тексты внекультурны, созданные вне контекста и против контекста они представляют собой попытку переноса на Восток ценностей Запада. Запад готов воспринять «ферганцев» как «своих», но ситуация осложняется тем, что позиционируя свою поэтику как западную, их тексты вынуждены развиваться в восточном окружении.

Для «ферганцев» характерна транстерриториальность, границы для них вторичны: «наверняка, мы так же помечены в каких-нибудь отчетах и числимся среди рожденных в Азии, к примеру, в божестве или в сердце, или куривших с неким кельнцем анашу между Валенсией и Картахеной. Мы заперты в своей судьбе»⁴²⁰. В текстах других «ферганцев» среднеазиатское соседствует с американским: «дервиш, дервиш, ты бродил по дороге, вплетенной в твои расхристанные сандалии. Сгущается знойное лето – не только оно тебя погубило. Дорога. Кафе, где звучит Майлс Девис. Удушливый пот стекает со лба белокурого саксофониста. Из единственной зеркальной рамы силуэты танцующих пар вытесняют плавно друг друга, но никто не вытеснит эту плавность. Темнокожий пианист закончил игру»⁴²¹.

В этом контексте замечен не только пространственный, но и культурно-временной транзит, в рамках которого на фоне среднеазиатского пейзажа постсоветское и местное национальное соседствует в привнесённом западном. Часть представителей «ферганской школы» вводит в текст англо-американские образы, что усиливает транскультурность этого культурного явления: «ставлю музыку и надо же, туда же, ведь специально не хотел: Rain In Tibet, вот так вот просто – льет и льет... дорожка на пластинке у Up, Bustle & Out, полуполупрозрачной, полуджазовой английской группы»⁴²². Комментируя подобные особенности текстов «ферганцев» Х. Закиров указывает на то, что их особо интересно-

⁴²⁰ Закиров Х. Об одной фотографии: Солнце / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam6.htm>

⁴²¹ Абдуллаев Ш. Джек Керуак / Ш. Абдуллаев // <http://library.ferghana.ru/almanac/shamshad40.htm#25#25>

⁴²² Закиров Х. Сквозь слезы: текущим днем / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam8.htm#010#010>

вал «стилистический опыт европейского и американского модернизма XX века»⁴²³.

«Ферганская школа» представляет в этом контексте своеобразный узбекский постколониальный интеллектуальный продукт на экспорт, а сами «ферганцы», позиционирующие себя в качестве западных интеллектуалов уподобились своим предшественникам с Востока. Индии и Африки, которые на протяжении 1950 – 1980-х годов писали на европейских языках, нередко живя вне Востока, создавая тексты, которые привлекали пристальное внимание исследователей транзитных стран в силу того, что именно они формировали образ постколониальных обществ. Появление подобного культурного пространства могло стать возможным только в результате деколонизации Средней Азии. Ситуация постколониальности характеризуется не только ростом политического и этнического национализма, но и совершенно особой интеллектуальной и культурной атмосферой.

Постколониальные культуры национальны и транснациональны одновременно. Постколониальные пространства существуют словно в нескольких измерениях и различных системах координат, среди которых уживаются национальное прошлое (несомненный Восток), советский авторитаризм (Европа на Востоке, или Восток на Западе) и европейский проект местных интеллектуалов, представленный попытками интегрировать свои тексты в западный культурный контекст.

Интеллектуальное пространство на территории постсоветской Средней Азии развивалось в условиях доминирования устойчивой системы постколониальных политических и культурных координат.

Следует принимать во внимание и то, что среднеазиатские республики пережили национальное возрождение, а национализм обрел роль почти универсального политического языка, приверженность и верность которому стала основой для фрагментации интеллектуальных пространств по принципу «свой» / «чужой». Местные культурные и интеллектуальные сообщества оказались втянуты в процесс формирования новых идентичностей, а интел-

⁴²³ Закиров Х. Взгляд с некоторого расстояния. Попытка комментария к тому, что называют «ферганской поэтической школой» / Х. Закиров // <http://library.ferghana.ru/almanac/hamdam9.htm>

лектуалы были призваны эти проекты актуализировать, в том числе – и текстуально. Русские интеллектуалы, связанные со Средней Азией и оказавшиеся после 1991 года занимались фактически тем же самым, что и их среднеазиатские коллеги. Продукты, порожденные в рамках этого националистического воображения, оказались чрезвычайно похожи.

Среднеазиатские интеллектуалы-националисты и русскоязычные интеллектуалы-(интер)националисты воспринимали и, вероятно, продолжают воспринимать Среднюю Азию как своеобразное географически-культурное «место памяти». Для русских Средняя Азия действительно имеет шансы стать коллективным «местом памяти»: число русских в регионе сокращается, складываются условия для их ассимиляции. Национальным воображением и интеллектуальной рефлексией на среднеазиатские темы русские авторы нередко предпочитают заниматься в России. Перед интеллектуалами в Таджикистане, Узбекистане и в меньшей степени в Туркменистане стоят принципиально иные задачи, связанные с актуализацией понятий «нация» и «идентичность» в условиях растущей расколотости мира. Таджикские и узбекские интеллектуалы, среднеазиатские мусульмане, в наименьшей степени склонны себя позиционировать как мусульман.

Усилиями сторонников радикальной эпистемологии в Средней Азии конструируется имидж региона как почти Европы. Узбекские и таджикские интеллектуалы в подобном стремлении не одиноки. Примером успешной трансформации региона, который столетие назад воспринимался как азиатский, является Турция. Перспективы развития культурного и интеллектуального пространства остаются неясными, ситуация осложняется конкуренцией различных политических проектов, в рамках которых предлагаются диаметрально противоположные модели развития среднеазиатских государств, диапазон которых варьируется от строительства демократии европейского типа до актуализации политического ислама как основного актора в формировании среднеазиатского пространства.

РОДИНА СТОИТ ДОРОГО: РУССКИЕ И ТАДЖИКИ, СВОИ И ЧУЖИЕ (ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ)

Ситуации постколониальности – это почти всегда ситуации контакта, отношения, взаимных представлений бывших колонизаторов и бывших колонизированных. О колониальном и имперском статусе Советского Союза в исследовательской литературе не существует единой точки зрения. С другой стороны, советская политика на Советском Востоке может быть по целому ряду признаков определена как колониальная. Советская модель колониализма обладала значительными особенностями, которые отличают ее, например, от французской колониальной политики в Африке или британской – в Индии.

Русские интеллектуалы воспринимали русских в Средней Азии нередко как британцев, принесших европейскую культуру на Восток, который казался им традиционным и неспособным к изменениям. Среди выразителей подобной точки зрения был и Н. Гумилев, в поэзии которого мы можем найти не только образы «конквистадоров», но и колониальные мотивы, более близкие к географической России:

И кажется, что в вихре дней
Среди сановников и денди,
Они забыли о своей
Благоухающей легенде.
Они забыли дни тоски,
Ночные возгласы: “К оружию”,
Унылые солончаки
И поступь мерную верблюжью;
Поля неведомой земли,
И гибель роты несчастливой,
И Уч-Кудук, и Киндерли,
И русский флаг над белой Хивой.
Забыли? Нет! Ведь каждый час
Каким-то случаем прилежным
Туманит блеск спокойных глаз,

Напоминает им о прежнем.
“Что с вами?” - “Так, нога болит”.
“Подагра?” - “Нет, сквозная рана”.
И сразу сердце защежит
Тоска по солнцу Туркестана⁴²⁴.

С другой стороны, российский (советский) и европейский колониализм близки в том отношении, что основной целью центра / метрополии было удержание колоний. Методы этого удержания внешне были различны, но фактически преследовали одну цель: привязать колонии к центру «империи», вырастить местную лояльную и желательно денационализированную интеллигенцию, которая говорила на языке метрополии лучше, чем на национальном языке. Подобные практики были характерны как для европейских империй, так и для Советского Союза, который институционализировал свои среднеазиатские колонии в форме союзных республик. Институционализация статуса колоний была невозможна без создания аппарата управления ими.

Поэтому в советские республики Средней Азии частично добровольно, по зову сердца, частично – по распределению, устремились русские и русскоязычные. «Средняя Азия была для России примерно тем же, чем для ведущих европейских стран выступали их заморские колонии. Иначе говоря, краем, где в тяжелых и непривычных природных условиях совершали свои подвиги военные и первооткрыватели-путешественники, проникавшие в неизведанные пространствами европейской цивилизации регионы»⁴²⁵, – подчеркивают российские исследователи С. Лолаева и А. Рябов. Отношения русских и местного населения были различны. На региональном уровне существовал национализм, который выполнял защитные функции против возможной русификации региона. Распад СССР привел к оттоку русского населения из Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана в Российскую Федерацию, чему способствовал рост местных национализмов и то, что подавляющее большинство русских в Средней Азии, несмотря на то, что многие из них к распаду Советского

⁴²⁴ Цит. по: Лолаева С., Рябов А. Средняя Азия в русском и российском восприятии / С. Лолаева, А. Рябов // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/po16.html>

⁴²⁵ Лолаева С., Рябов А. Средняя Азия в русском и российском восприятии / С. Лолаева, А. Рябов // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/po16.html>

Союза прожили в республиках двадцать-тридцать-сорок лет, не выучили местных языков.

За годы проведенные в Средней Азии регион стал для среднеазиатских русских своеобразным «местом памяти». Новейшая российская литература практически не знает среднеазиатской темы. Вероятно, единственным исключением является сборник новелл Андрея Волоса «Хуррамабад», который будет в центре авторского внимания в настоящем разделе. По признанию критики, «Хуррамабад» – это «роман о трагедии народов в разрушающейся империи»⁴²⁶. «Хуррамабад», по признанию самого А. Волоса, «целиком построен на таджикском материале»⁴²⁷. В критической литературе о романе подчеркивалось, что он представляет «воплощенный опыт чувственной памяти»⁴²⁸ о русских в Средней Азии.

Андрей Волос, вероятно не отдавая себе в этом отчета, предпосылает «Хуррамабаду» типично постколониальное введение, где констатирует, что «в конце восьмидесятых годов все было просто и понятно. Огромный кусок планеты на политических картах однородно закрашивался красным. Это была монолитная “империя зла”, единый и неделимый Советский Союз. И вдруг страна победившего социализма стала расползаться на разноцветные лоскуты. Армения! Азербайджан! Казахстан! Узбекистан! Киргизия! Таджикистан! И еще! И еще!... Западный мир пришел в замешательство. Была одна страна – стало много. И в каждой, оказывается, – своя история и культура, свои собственные надежды и претензии, свои разочарования, беды и кровь»⁴²⁹.

Появление новых государств на карте постсоветского пространства требовало и интеллектуальных усилий, чтобы понять, чем эти государства являются. Распад империи привел к появлению на их территории феномена постколониальности, соединения национального восточного и привнесенного чужого – совет-

⁴²⁶ Андрей Волос: «Я рассказчик даже в романах». Беседу вела А. Мартовицкая // http://www.kultura-portal.tu/tree_new

⁴²⁷ «Желание стать писателем возникает в детстве». Онлайн-конференция А. Волоса, 24.08.2007 // <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=3197>

⁴²⁸ Ознобкина Е. Город радости и счастья / Е. Ознобкина // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/12/volos.html

⁴²⁹ Волос А. Предисловие / А. Волос // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos002.html

ского, русского и вместе с тем европейского. Именно поэтому А. Волос предлагает читателю краткий экскурс в историю Таджикистана: «таджики, древний народ арийского происхождения, говорящий на окающем диалекте фарси – персидского языка. До завоевания арабами в VIII веке предки современных таджиков были привержены зороастризму – огнепоклонничеству, на их территориях развивалось интенсивное орошаемое земледелие, процветали различные искусства и ремесла. Вторжение войск Арабского халифата в Иран и в Среднюю Азию, насильственное насаждение ислама и арабского языка нанесло сокрушительный удар по древней иранской культуре»⁴³⁰. Подобный авторский ход неслучаен. Вероятно, большинство современных русских не только не знают историю Таджикистана, но и плохо представляют, где находится бывшая советская республика. В большей степени это предисловие необходимо для западного читателя («Хуррамабад» переведен на европейские языки) и потребителя, для которого сложно провести границу между Таджикистаном, Афганистаном и другими государствами Востока. Это, вероятно, свидетельствует о том, что Восток, точнее – новый постсоветский Восток, нуждается в новой каталогизации и классификации, в интеграции в западную европоцентричную модель представлений о мире.

Среди новелл, структурно образующих «Хуррамабад» есть те, что посвящены русскому опыту в Средней Азии, где почти отсутствуют таджикские персонажи, а история среднеазиатских русских является повторением истории русских в России – индустриализация, репрессии, война, послевоенные годы⁴³¹. Характеризуя положение русских в Средней Азии, современные исследователи подчеркивают, что «новые “колонизаторы” работали на тех же предприятиях, учились в тех же школах и вузах, что и представители титульных народов, – как равные с равными. Может быть, поэтому для советских переселенцев и их детей, вне зависимости от этнических корней, Средняя Азия стала второй, а то и первой родиной. Вместе с тем для подавляющей части населения “корневой” России она так и не смогла стать “своей”. Уже

⁴³⁰ Волос А. Предисловие / А. Волос // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos002.html

⁴³¹ Волос А. Наследство Ивачева / А. Волос // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos004.html

на закате брежневской эпохи, по мере загнивания советской системы, все более очевидной становилась линия отчуждения, отделявшая Россию от Средней Азии»⁴³². Комментируя опыт русских в Таджикистане, часть критиков констатирует: «русские в Таджикистане. Пришедшие сюда в 20-е годы и убегающие отсюда в 90-х. Прожившие жизнь в этом чужестранном крае, вплавленные, но так и не вросшие в чуждую почву. Общая интернациональная судьба не состоялась. Осталась память, как о теплом детстве»⁴³³. Другие полагают, что «русские вошли в Таджикистан с благой вестью о новом миропорядке», но в начале 1990-х годов были смыты «волнами гражданской войны, резни и погромов»⁴³⁴. Сам А. Волос, комментируя русский опыт в Таджикистане, указывает на то, что нужность и востребованность сменились неприятием и отторжением: «люди, приехавшие некогда в Таджикистан, чтобы строить электростанции, выращивать тонковолокнистый хлопок, лечить людей, добывать уран и золото, заседать в парткомах и рыть каналы в качестве ссыльных»⁴³⁵.

В контексте темы настоящего исследования нас в большей степени интересует новела «Свой» – трагическая история русского инженера Сергея Макушина, который волею обстоятельств остается в Таджикистане, движимый почти единственной целью – стать таджиком, стать своим.

Критика не обошла вниманием новеллу «Свой». Один из пересказов с претензией на интерпретацию выглядит следующим образом: «в “Своем” главный герой, силой рока занесенный в Хуррамабад (командировка), очаровывается “городом счастья” настолько, что перелаживает судьбу – бросает семью, Москву, работу, переезжает в Хуррамабад, до тонкостей изучает язык, проникается духом востока, женится на таджичке, работает в грязной пирожковой на базаре, мечтая только об одном – чтобы

⁴³² Лолаева С., Рябов А. Средняя Азия в русском и российском восприятии / С. Лолаева, А. Рябов // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/po16.html>

⁴³³ Ознобкина Е. Город радости и счастья / Е. Ознобкина // http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2000/12/volos.html

⁴³⁴ Ремизова М. Свои и чужие в городе счастья. Вышла книга лауреата премии Антибукер Андрея Волоса / М. Ремизова // http://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html

⁴³⁵ Волос А. Предисловие / А. Волос // http://magazines.russ.ru/novyj_mi/redkol/volos/volos002.html

его признали наконец за своего. И обретает в конце концов это право – его убивают в одной из этнических междоусобиц, приняв (по произношению) за ненавистного кулябца. Родина стоит дорого»⁴³⁶.

В новелле много таджикских персонажей, живущих в системе таджикоцентричных координат. В этой ситуации русские для них объективно чужие. Не случайно один из героев Толсты Касым говорит, что «тупее русских – только памирцы»⁴³⁷, называя при этом Макушина недвусмысленным словом, возникшим под русским влиянием, «пилять»^{*}. Центральная фигура новеллы – Сергей Макушин – точнее – постепенная трансформация С. Макушина из русского к таджика: «его звали теперь не Сергеем и не Сережей, а Сирочиддином. Только фамилия осталась прежней – Макушин. И то не совсем: прежде ударение было на втором слоге, а теперь на последнем... Впрочем, если ты работаешь на Путовском базаре в пирожковой, твоей фамилией заинтересуются только в том случае, если найдут мертвым возле мусорных контейнеров. А до того момента всем плевать, какая у тебя прежде была фамилия»⁴³⁸.

Прощание с былой «русской» идентичностью и расставание с ней оказалось во многом случайным: «два с половиной года назад он приехал в Хуррамабад на несколько дней с командировочным удостоверением в кармане... как изъяснить то, что случилось в следующую минуту? Когда он, озираясь, ступил с трапа на чужой раскаленный бетон, ему почудилось, что все здесь странно знакомо: и зной, в первую секунду оставивший впечатление горчичника, налипшего на зажмуренные от неожиданности глаза, и прямоугольная сахарница аэровокзала, и щекочущий запах пыли, и мутные очертания холмов за летным полем, вершины которых сливались с бурым небом»⁴³⁹.

⁴³⁶ Ремизова М. Свои и чужие в городе счастья. Вышла книга лауреата премии Антибукер Андрея Волоса / М. Ремизова // http://www.ng.ru/culture/2000-04-14/7_happytawn.html

⁴³⁷ Волос А. Свой / А. Волос // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

^{*} «Пилять» – искаженное от рус. «блядь».

⁴³⁸ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴³⁹ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

Отказ от столичной жизни играл роль символического спасения для бывшего столичного ученого, представителя центра: «когда два с половиной года назад Макушин впервые забрел на базар, ему показалось, что детство наконец вернулось, отец снова посадил его на карусельную лошадку и потому все кругом шумит, проносится, мелькает и сливается в разноцветные полосы»⁴⁴⁰. Оставшись после очередной командировки в Таджикистане, Макушин постепенно расстается с тем, что его связывало с прошлой жизнью: «поначалу его тревожили сновидения и письма жены, которая искренне не понимала, что случилось. Он не отвечал, поскольку все равно не мог ей ничего объяснить... через год он попытался однажды вспомнить ее лицо – и не смог. А сны порой наплывали. К тому времени только в этих-то снах он и говорил по-русски»⁴⁴¹.

Постепенно на смену старой идентичности, в стремлении Макушина «спрятаться в чужой культуре от надвигающихся перемен»⁴⁴² приходит новая: «он давно и по праву мог считаться среди них своим. Он знал их язык и обычаи лучше, чем многие из них, женой у него была их женщина, его ребенок, без всякого сомнения, относился к их числу»⁴⁴³. Вероятно, русская идентичность в советский период была в значительной степени ослаблена, что было связано с отсутствием ее институционализации в отличие от идентичностей в союзных республиках. Русские могли не воспринимать себя в качестве русских, подменяя русское советским, что делало их идентичность уязвимой ко внешним вызовам. Подобная перемена, произошедшая с русским (носителем европейской, почти – колониальной, культуры) непонятна многим таджиками.

Поэтому, Фарход недоумевает «зачем бедный Сирочиддин приехал из Москвы! Зачем пошел работать к Толстому Касыму... сидел бы в Москве... была бы русская жена... ру-у-у-усская жена-а-а-а-а... ах!... был уважаемым человеком, научным, ходил

⁴⁴⁰ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴¹ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴² Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007. – С. 268. См. также: Абашин С. Свой среди чужих, чужой среди своих (этнографические размышления по поводу новеллы А.Волоса «Свой») / С. Абашин // <http://www.ethnonet.ru/lib/0903-05.html>

⁴⁴³ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

бы с портфелем... была... русская жена... беленькая такая, синеглазая»⁴⁴⁴. Таджики Фарход невольно завидует Макушину, что у него раньше... была именно русская жена: «вот у тебя теперь жена таджичка, да? А была русская. Верно? Нет, ты скажи – верно?... я себе этого и вообразить не могу... тебе повезло... Тебе очень повезло! Вот у меня жена – таджичка, а русской никогда не было... и никогда не будет»⁴⁴⁵. В этой фразе таджика сокрыто не только его непонимание того, как Макушин расстался со столицей, но и колониальное сознание с характерной для него системой ценностей, среди которых присутствует стремление покинуть периферию / колонию, перебраться в центр / метрополию, найти русскую жену и приблизиться к русским – если не стать русским, то хотя бы символически повысить свой статус.

Но и таджики отказывались сначала принимать Макушина за своего. Главным компонентом идентичности, который был вместе с тем и сигналом к определению статуса «свой» / «чужой» был язык: «я, Сирочиддин, видишь ли, в таджикской школе учился... там у нас русский плохо объясняли. Ну, так-то я все говорю... а некоторые слова не очень помню... Вот кто в армии был – тот у нас хорошо знает русский. А я не был»⁴⁴⁶. Освоение русского языка таджиками не означало то, что их принимали как русских. Не воспринимались в качестве таджиков и русские, которые говорили на таджикском. Вероятно именно поэтому неудачей заканчивается его попытка устроиться в один из НИИ в Таджикистане – «Макушин в действительности томился лишь одним вопросом: ну хоть теперь, когда они говорят на одном языке, понимает ли этот старый пень, что он, Макушин, свой? Между тем Фазлиддин Хочаевич не узнавал в нем своего... Фазлиддин Хочаевич осознал вдруг, что Макушин действительно говорит на его родном языке!.. Какая сволочь! От смешных полуудачных попыток связать два слова, вызывающих шумное одобрение прочих участников необязательных бесед, он за несколько месяцев поднялся до возможности говорить не только связно, но даже и гладко! Не только гладко, но даже и с некоторым изящест-

⁴⁴⁴ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴⁵ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴⁶ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

вом!»⁴⁴⁷. Вероятно, в этой ситуации таджикский герой испытал некий культурный шок: он, как представитель местной национальной интеллигенции был вынужден сам учить русский язык, чтобы на русском языке говорить с московскими чиновниками и русскими специалистами в Таджикистане. В эту систему координат совершенно не вписывался русский, который говорил с ним на таджикском языке. Колонизатор и колонизируемый, словно, поменялись статусами.

В результате Макушин, радикально разорвавший связи со своей старой идентичностью, в глазах таджиков перестает быть русским («за русского его уже никто не принимал – если сам признавался, не верили, ахали, чуть только щупать не начинали. Пару раз доходило до смешного – приходилось махать паспортом, доказывая»⁴⁴⁸), но и не становится своим: «не признавая в нем русского, Макушина все норовили записать то узбеком, то казахом, то даже турком-месхетинцем – короче говоря, кем угодно, только не своим»⁴⁴⁹. Вероятно это не означает того, что Макушин потерпел неудачу. А. Волос в одном из интервью констатировал, что «про неудачников я никогда не писал. Мой герой, это, действительно, заложник, во-первых, обстоятельств, а, во-вторых, необходимости их преодолеть»⁴⁵⁰. С другой стороны, А. Волос подчеркивает, что на человека и его самоопределение, самопозиционирование влияет то, где он родился и среда, оказавшая влияние на его социализацию. При этом возникает вопрос, можно ли рассматривать слова самого А. Волоса о том, что «лично я остался человеком Таджикистана»⁴⁵¹ как доказательства неудачности идентичностной трансформации Макушина. Российский исследователь Средней Азии С. Абашин, анализируя тексты А. Волоса, полагает, что в новелле «Свой» речь идет именно о смене этничности: «нет никаких внешних препятствий к тому, чтобы человек смог сменить этничность»⁴⁵². Вероятно герой А. Волоса меняет

⁴⁴⁷ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴⁸ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁴⁹ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁵⁰ «Желание стать писателем возникает в детстве». Онлайн-конференция А. Волоса, 24.08.2007 // <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=3197>

⁴⁵¹ «Желание стать писателем возникает в детстве». Онлайн-конференция А. Волоса, 24.08.2007 // <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=3197>

⁴⁵² Абашин С. Национализмы в Средней Азии. – С. 291.

вовсе не этничность, а идентичность, точнее – пытается изменить свое самоопределение как русского переформулировав себя в таджика.

Эта метаморфоза с идентичностью объяснима тем положением в котором русская идентичность оказалась в СССР. С одной стороны, негласно и неформально играя роль основной нации, русские, тем не менее, не обладали необходимым набором национально значимых институций от собственной Коммунистической Партии, своего Института Партии до Академии Наук и национально значимых институций типа Института Истории. Русская идентичность в СССР была слишком общей, что существенно способствовало ее ослаблению, особенно – в условиях политического кризиса, связанного с последними годами существования Советского Союза. Именно эти годы стали «линией разлома, которая отделяет имперское прошлое красочной окраины России от ее феодального настоящего»⁴⁵³. На этом фоне неудивительна попытка номинально русского Макушина (а был ли он русским – он мог быть кем угодно от чуваша до мордвина) найти спасение от кризиса путем принятия другой / чужой идентичности.

Не стал Макушин своим и в порыве демонстрации, участники которой требовали оружие: «Мне! – орал Макушин со всеми. – Мне-е-е-е!... Бог ты мой! – сказал вдруг по-русски штатский, наклоняясь к нему. – С ума сойти! Да это вы ли, Сергей Александрович!... Макушин тоже узнал его и тоже вздрогнул – это был Алишер, ученый секретарь. Ему не было интересно, почему ученые секретари занимаются раздачей боевого оружия. Откуда ж ты взялся, черт!.. Это был сколок прошлой, давно прошедшей, плотно забытой жизни, на смену которой пришла другая – настоящая. Он не хотел иметь с ним никакого дела. Он хотел только остаться здесь, в толпе, он хотел остаться своим... Пусть подумает, что обознался! Да как он мог его узнать-то, господи!.. Даже виду не подать, что он его знает!.. Не сморгнуть, не поморщиться! И никакого русского! Забыть, забыть, что он знает русский!.. Ему это было легко – он давно уже русским не пользовался. – Дай мне-е-е-е!.. Да-а-ай!»⁴⁵⁴. В этом порыве неконтролируемого

⁴⁵³ Латынина А. Квартирный вопрос в постсоветскую эпоху / А. Латынина // http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg132001/Literature/art7.htm

⁴⁵⁴ http://magazines.russ.ru/novyj_mi/redkol/volos/volos007.html

национального протеста Макушин еще раз был вынужден осознать, что не все, несмотря на то, что он говорит по-таджикски, воспринимают его в качестве таджика. Отказ на площади был менее раним для него, чем то, что кричал ему Алишер: «он кричал ...русская сволочь! Вот что он мне кричал... Пошла вон отсюда, русская сволочь! вот что он мне кричал... а? Кричал, что это русские довели до такого... а? Как будто я.. эх!»⁴⁵⁵.

Вероятно, этот инцидент оказался болезненным для Макушина, которые сознательно разорвал с русскими, отказавшись от прежней идентичности. Социальные и политические статусы в Таджикистане маркированы и регионально. Таджикское общество в «Хуррамабаде» расколото и по территориальному признаку: «на площадь Свободы не ходи, это ты правильно говоришь, не надо туда, там кулябцы сидят... ты был там?... они совсем озверели, эти кулябцы! С лошадьми! С кормом! Как в ханские времена на войну собирались! С казанами! Всю площадь уже засрали!»⁴⁵⁶. Регионализация политического пространства в позднесоветском Таджикистане, который фигурирует в текстах А. Волоса, свидетельствует о незавершенности процессов формирования единой идентичности таджиков как политической нации. Наряду с общетаджикскими идентичностными трендами существовали и тенденции к постепенной фрагментации пространства, что вело к появлению альтернативных региональных идентичностных концептов.

В финальной сцене новеллы «Свой» эта расколотость таджикского общества становится очевидной: если одни таджики отказывались видеть в Макушине таджика вообще, то другие увидели в нем не просто таджика, но и кулябца:

«Его окликнули на перекрестке.

– Что? – спросил Макушин, запнувшись.

Он безуспешно всматривался в темноту. Вот показалось, будто что-то блеснуло.

– Подожди, брат! – вкрадчиво повторил голос.

От дувала отделились две или три тени и вдруг, бесшумно выплыв в призрачный, более угадываемый, не-

⁴⁵⁵ http://magazines.russ.ru/novyj_mi/redkol/volos/volos007.html

⁴⁵⁶ http://magazines.russ.ru/novyj_mi/redkol/volos/volos007.html

жели существующий на самом деле, отсвет фонаря, висящего на столбе за два квартала отсюда, превратились в настороженных людей.

– Кулябец? – заинтересованным шепотом спросил тот, на плече которого дулом вниз, по-охотничьи, висел автомат.

Пятясь, Макушин немо помотал головой – от их фигур, от поблескивающей стали зубов, от лакового сияния приклада веяло ужасом, перехватывающим горло.

– Я? Нет, что вы! Вы чего?..

– Брат, – ласково сказал фиксатый, приступая. – Ты не бойся, брат! Ты повторяй-ка за мной, ну-ка! Повторяй: едет Фарух на кудрявой овечке... ну! повторяй, говорю, сука!

Голос его сорвался вдруг на шипение, и он сделал рукой в сторону Макушина резкое движение – словно нитку оборвал.

– Едет Фарух... – хрипло выговорил Макушин, еще не понимая, чего они от него хотят; ноги у него подрагивали, готовясь к бегу.

– Ну!

– Едет Фарух на кудрявой... – просипел он, лихорадочно соображая, но поняв тайный смысл требования уже тогда, когда язык выговорил окончание и выговорил так, как привык он слышать – ведь Мухиба часто напевала эту песенку над колыбелью их сына: – Едет Фарух на кудрявой оветышке... Звезды горят на блестящей уздетышке!

Вот же в чем дело! Они заставляли его проговорить детский стишок, чтобы оценить произношение! в речи кулябца непременно проскочит это деревенское: оветышка, уздетышка!..

Он вскрикнул и бросился в темноту, и, может быть, ему удалось бы ускользнуть – все эти переулочки, прилегающие к базару, он знал как переплетение линий на собственной ладони. Но третий, стоявший слева, успел подставить ногу, и Макушин рухнул в грязь, больно ударившись локтем о камень.

Кто-то навалился на него, яростно хрипя, Макушин задержался, выворачиваясь, и тут широкое черное лезвие уратюбинского ножа распорол ему печень.

Хватка ослабла, и он схватился за живот, слыша, как хлюпает грязь под торопливыми ногами.

– Едет Фарух на кудрявой оветышке... – бормотал он, потягиваясь, скребя носками сапог черную глину. – Звезды горят на блестящей уздетышке...

Ему стало на мгновение обидно, но умирал он все-таки счастливым – его признали своим»⁴⁵⁷.

«Хуррамабад» интересен именно в контексте трансформации и ломки идентичностей, поиска новых форм национального выражения и функционирования национального. «Хуррамабад» в этом отношении не «литература изгнанных», а А. Волос – не национальный реваншист. «Хуррамабад» может быть интерпретирован как коллекция текстов о кризисе – кризисе идентичности в ее советском понимании, когда национальное было не так важно как социально-экономическое. Поэтому герои «Хуррамабада» расплачиваются за грехи советской политики в Средней Азии и так мучительно ищут свое место. На этом фоне показательна фигура Макушина, который сознательно или несознательно, как европеец покоренный Востоком, как колонизатор, плененный колонизированными, отказывается от своей старой идентичности, ставя себя на один уровень с таджиками.

Вместе с тем, это – и собрание именно постколониальных текстов, написанных на русском языке, предназначенных для русскоязычного читателя, формирующих образ региона, где действуют таджики и русские, а границы национального нечетки, размыты и подвижны. В «Хуррамабаде» Средняя Азия в целом и Таджикистан в частности предстают как своеобразное коллективное место памяти, с которым оказывается связанным опыт нескольких поколений русских и русскоязычных. «Хуррамабад», несмотря на всю тяжесть и трагичность текстов, явление скорее позитивного колониализма. Автор совершенно не страдает от национальных комплексов, не склонен позиционировать себя в качестве культуртрегера. Не приписывает цивилизаторской миссии белого человека.

⁴⁵⁷ http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/volos/volos007.html

В этом отношении тексты А. Волоса, вошедшие в «Хуррамабад», представляют собой своеобразное литературное прощание и расставание со Средней Азией как некогда частью российского и советского политического пространства. Завершая этот раздел невольно хочется выразить сожаление, что современная российская литература на русском языке не использует тот комплекс «мест памяти», связанных с пребыванием русских на постсоветском пространстве, отдав эту тему на откуп националистически ориентированным журналистам и публицистам. Вместе с тем в русской литературе сокрыт значительный потенциал для развития русского национального / националистического воображения, связанного в том числе и с функционированием исторической памяти о русском опыте в Средней Азии.

АРИЙСТВО, ИСЛАМ И СУВЕРЕНИТЕТ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Распад Советского Союза в начале 1990-х годов привел не только к появлению новых государств в регионе Средней Азии⁴⁵⁸, но и к значительной активизации среднеазиатских национализмов. Национализмы в советских республиках Средней Азии были весьма значимой политической силой, проявляясь в первую очередь в языковой, культурной и научной сферах. Крах СССР привел к изменениям в статусе среднеазиатских национализмов, создав условия не только для их значительной активизации, но и институционализации. Не исключено, что само появление независимых государств в Средней Азии было связано не только с кризисом советской системы, но и активизацией национальных и националистических движений, которые аккумулировали недовольство политикой центра.

В этой ситуации национализмы должны были и стали одними из наиболее важных факторов в становлении новых государств в Средней Азии. Функционирование таджикского, туркменского и узбекского национализмов протекало не только в условиях авторитаризма, но и в рамках существования постколониального политического наследия. Именно эти два фактора оказали мощное влияние на развитие национализмов в регионе. Постсоветскость Средней Азии проявилось в континуитете между советскими и новыми национальными формами политического авторитаризма. Националистические движения в Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР стали мощными факторами в ослаблении и распаде советской системы, но, в отличие от стран Центральной Европы, они не привели к началу процессов политического транзита – движения от авторитаризма в направлении де-

⁴⁵⁸ О политических процессах 1990-х годов в Средней Азии см.: Бимен О.У. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма. На примере Таджикистана / О.У. Бимен // <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/2/12.htm>; Толипов Ф. Демократизм, национализм и регионализм в странах Центральной Азии / Ф. Толипов // <http://www.ca-c.org/journal/cac-10-2000/01.tolipov.shtml>

мократии. Если в советских республиках Средней Азии политический дискурс конструировался и контролировался элитами, связанными с республиканскими коммунистическими партиями, то в независимых республиках эту роль играли политические элиты, непосредственно связанные с советскими партийными элитами.

Именно поэтому в центре авторского внимания в настоящем разделе будут проблемы, связанные с ролью президента как форматора и идеолога националистического дискурса на примере современного Таджикистана.

В выступлениях президента Таджикистана Эмомали Рахмона (Рахмонова) значительную роль играет националистический сентимент. В частности, особое внимание им уделяется проблемам таджикского языка как одного из важных факторов в процессе укрепления независимости и консолидации таджикской нации: «государственный язык, без всякого сомнения, относится к числу великих национальных ценностей и устоев национальной государственности, и, более того, он является ярким атрибутом политической независимости и считается олицетворением сложной и противоречивой истории таджикского народа»⁴⁵⁹.

Исторические нарративы и обращение к истории неслучайны для политических элит Таджикистана: «на протяжении длительной и богатой истории цивилизации таджикского народа, и особенно её исламского периода, на свет появилось немало гениальных и выдающихся личностей, которые сыграли уникальную роль в формировании и совершенствовании национальной культуры, самобытности и аутентичности. Благодаря их неустанным усилиям и гуманистическим свершениям были сохранены исконный характер и историко-культурная самобытность нации, создана благодатная почва для её будущего развития»⁴⁶⁰.

Именно в истории они склонны искать проявления таджикского политического опыта прошлого и основания для легитима-

⁴⁵⁹ Рахмон Э. «Настало время положить конец...». Телевизионное обращение Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю 20-летия со дня принятия Закона Республики Таджикистан «О языке» (г. Душанбе, 21 июля 2009 года) / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=12410&Itemid

⁴⁶⁰ Рахмон Э. Великий имам и национальная самобытность / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=14362&Itemid

ции современного суверенитета Таджикистана. Чешский исследователь С. Горак, комментируя особенности использования истории в транзитных и национализирующихся обществах, указывает на то, что «в рамках национального и государственного строительства новые независимые государства неизменно используют историю в качестве одного из основных идеологических инструментов. Подобные процессы наблюдались при становлении политических режимов в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны, причем даже в таких относительно демократических государствах, как Чехословакия. Более близким к Центральной Азии примером того времени выступает Турция с ее официальной историографией туранизма и позже турецким национализмом Ататюрка. В ходе деколонизации также возникают новые исторические теории, служащие укреплению становящихся государств и режимов в Азии, Африке и Латинской Америке»⁴⁶¹.

Для Э. Рахмона, как таджикского националиста, характерно почти мистическое преклонение перед таджикским языком: «таджикский язык, будучи символом национальной самобытности, национального самопознания и самосознания, является одним из главных факторов сплочения и объединения нации»⁴⁶². Таджикский язык воспринимается как доказательство внеисторичности и изначальности (примордиальности) таджикской нации: «язык является обликом и монументом нашей нации. Этот облик должен быть прекрасным, а монумент – нерушимым... судьба нации зависит от судьбы языка, то есть сохранение языка – это сохранение нации. Язык является важнейшим признаком нации, связующим звеном между поколениями»⁴⁶³. Комментируя противоречия между таджикскими и узбекскими националистами, Сл. Горак полагает, что «современные Узбекистан и Таджикистан – наиболее исторически связанные территории в Центральной Азии, отличающиеся после обретения независимости схожими чертами государственного и национального строительства. Становление национальных республик после распада

⁴⁶¹ Горак Сл. В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими? / Сл. Горак // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/go7-pr.html>

⁴⁶² Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

⁴⁶³ Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

СССР и привело, как представляется, к формированию гипертрофированных националистических идеологий, которые в случае таджиков и узбеков вполне логично противоречат и противостоят друг другу. Тем более что советская историографическая школа поддерживала поиски исторических корней той или иной нации исключительно на территории определенной советской социалистической республики - и никак не на территории других, соседних с ней»⁴⁶⁴.

Столь активное использование истории политическими элитами Таджикистана вызывает раздражение со стороны национально ориентированной части интеллектуалов в соседнем Узбекистане, которые склонны обвинять таджикские власти в том, что «идея шовинизма прочно легла в основу политики руководства Республики Таджикистан. Данная тенденция особенно проявляется в искажении со стороны некоторых таджикских ученых истории Центральной Азии. Достаточно припомнить двухтомник известного историка Б.Гафурова под названием “Таджики”, изданный в начале 90-х годов прошлого столетия. В обеих частях этой книги вся история Маварауннахра приписывается к истории Таджикистана»⁴⁶⁵.

Эмомали Рахмон активно оперирует историческими фактами: «таджикская нация обладает длительной историей, богатой культурой и литературой, и даже мимолётное знакомство с ними позволяет осознать её роль в мировой цивилизации. Бессмертные подвиги и самоотверженная борьба достойных сынов нашего народа – Спитамена, Абумуслима Хуросони, Муканны, Сунбоди Муга, Деваштича, Исмоила Сомони, Тохира ибн Хусайна, Якуба Лайса, Темурмалика, Махмуда Тороби и сотен тысяч других выдающихся личностей – сами по себе являются бесспорным доказательством боевого духа, свободолюбия, патриотизма, стойкости и мужества, бдительности и постоянного стремления к независимости»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁴ Горак Сл. В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими? / Сл. Горак // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/go7-pr.html>

⁴⁶⁵ Рахимов С. История временщикам не подвластна. Исмаил Самани – псевдооснователь таджикского государства / С. Рахимов // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200056820>

⁴⁶⁶ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на торжественном собра-

Столь активное использование истории в культивировании идентичности связано с использованием символического ресурса. Американский политолог У. Бимен, анализируя символический аспект исторических манипуляций и политических мобилизаций, подчеркивает, что «все преуспевающие нации обладают набором стержневых символических элементов, служащих своеобразными критериями для их граждан. Эти символы поощряют лояльность, конкретизируют чувства собственного достоинства и самоуважения, а также создают моральную основу для общественного участия в национальной обороне, политике, в функционировании социальных и экономических институтов. Новые нации должны определить для себя (осознанно или неосознанно), с помощью каких символов они хотели бы выразить свои представления о себе как таковых на индивидуальном и коллективном уровне. В XX столетии выработка возникающими государствами национальной идентичности связана с громадными сложностями. Эти сложности особенно велики в тех случаях, когда данная нация включает несколько этнических, религиозных или лингвистических групп. В качестве примера можно сослаться на опыт молодых африканских государств. Некоторые из них объединяют десятки групп со своими региональными лояльностями, которые подменяют собой общую лояльность по отношению к государству»⁴⁶⁷. Несмотря на то, что исторические символы нематериальны, тем не менее, они способствуют не только укреплению национальной идентичности таджиков, но и являются фактором конфронтации в дискуссии между таджикскими и узбекскими националистами, которые склонны оспаривать символическое и прошлое и еще более символическое лидерство в прошлом.

В выступлениях Президента присутствует идея и того, что историческая уникальность и идентичность таджиков связана с

нии в честь 100-летия со дня рождения Бободжона Гафурова (Душанбе, 24 декабря 2008 года) //

http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=4848&Itemid

⁴⁶⁷ Бимен О.У. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма. На примере Таджикистана / О.У. Бимен // <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/2/12.htm> Об оппонентах таджикских националистов см.: Шозимов П. Археология узбекской идентичности. Переосмысление символического пространства узбекской идентичности / П. Шозимов // <http://www.ferghana.ru/club/4printer.php?id=86&mode=none>

тем, что таджикская нация и культура сформировались «на основе двух великих мировых цивилизаций – арийской и исламской»⁴⁶⁸. Оппоненты Э. Рахмона, наоборот, полагают, что его увлечение историческими темами ведет к ухудшению отношений с Узбекистаном: «история современного Таджикистана – это неотъемлемая часть истории Маваруннахра. Исповедание единой религии, в подавляющем большинстве суннитов ханафитского мазхаба является одним из объединяющих факторов узбеков и таджиков. Кроме того, народ Таджикистана по культуре, происхождению, менталитету, традициям и обычаям больше близок к своим тюрко-язычным соседям, нежели персам»⁴⁶⁹.

С другой стороны, таджикскими элитами особое внимание, наоборот, акцентируется на том, что именно таджики, выполняя «цивилизаторскую и культуротворческую миссию»⁴⁷⁰, несли свет культуры и ислама соседним народам. Усилиями национально ориентированных элит историческое прошлое превращается в динамично используемый инструмент национальной консолидации и политической мобилизации масс. В этом контексте политический национализм граничит с этническим, что проявляется в принятии идеи того, что только национальное освобождение от Советского Союза создало условия для развития таджикской нации и таджикского языка: «благодаря государственной независимости Таджикистана была создана благоприятная политическая и социально-культурная база для развития и совершенствования исконных духовных ценностей и добрых традиций таджикского народа... благодаря суверенитету нашего государства, было обеспечено беспрецедентно широкое использование носителями языка и особенно специалистами письменных памятников прошлого и других духовных сокровищ нашего народа»⁴⁷¹.

В этом контексте таджикский национализм весьма удобно вписывается в конструктивистские теории и модернистские попытки объяснения и интерпретации феномена национализма: «в сущности, феномен таджикской нации представляет собой разви-

⁴⁶⁸ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

⁴⁶⁹ Рахимов С. История временщикам не подвластна. Исмаил Самани – псевдооснователь таджикского государства / С. Рахимов // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1200056820>

⁴⁷⁰ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

⁴⁷¹ Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

тие идеи Б. Андерсона о воображаемой общности: таджики – это “общность по необходимости”. Ситуация в республике в чем-то напоминает ту, которая сложилась в постколониальной Африке. Получив малопригодный для жизни кусок территории с несоизмеримо большим для него населением, таджики вынуждены создавать на этой основе нацию-государство»⁴⁷². Поэтому в арсенале таджикских интеллектуалов-националистов остается весьма ограниченный инструментарий, связанный с культивированием национальной идентичности. Ситуация осложняется тем, что подобные исторические и географические образы используются и узбекскими националистами.

История таджикского языка позиционируется как история сопротивления попыткам ассимиляции, как история в значительной степени характерная и для других постколониальных стран. Акцентируется внимание на величии таджикского языка как языка Востока до прихода европейцев: «исторический опыт таджикского языка, накопленный со времён государственности Саманидов до наших дней, свидетельствует, что этот изящный, сладкозвучный и поэтический язык прославился во всём мире как язык науки, литературы и высокой культуры. В обретение этой славы исторический вклад внесли такие выдающиеся представители таджикской нации, как устод Абуабдулло Рудаки, Абулькосим Фирдоуси, Абуали ибн Сино, Абурейхан Бируни, Омар Хайям, Аттар и Санай, Саади и Хафиз, Джалолиддин Балхи, Бедиль, Ахмад Дониш и тысячи других, которые своими бесценными литературными и научными произведениями доказали всему миру величие и мощь этого утончённого языка»⁴⁷³.

Таджикские националисты полагают, что в прошлом таджикский язык играл более важную роль, будучи тесно интегрированным в культуру и религиозную жизнь Востока: «на протяжении истории наш язык играл важную роль в качестве языка связи и диалога между различными цивилизациями и культурами. Кроме того, таджикский язык был принят в качестве языка перевода и толкований священной для нас, мусульман, книги – благородного

⁴⁷² Бимен О.У. Формирование национальной идентичности в условиях мультикультурализма. На примере Таджикистана / О.У. Бимен // <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2000/2/12.htm>

⁴⁷³ Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

Корана, что само по себе свидетельствует о признании его высокого статуса в мире ислама»⁴⁷⁴. В другом выступлении Э. Рахмон, не только «расширил» таджикский национальный пантеон, культивируя особую культурогенерирующую миссию таджиков и таджиков языка в рамках Востока в целом («таджикский язык стал основным языком управления, культуры, литературы и общения между народами и племенами северной и центральной частей исторической Индии, и этот свой высокий статус он сохранял на протяжении почти 700 лет. На этой древней земле достигла своего расцвета таджикско-персидская литература, и до начала XX века Индия была признанным центром таджикской литературы и культуры. Выдающиеся таджикскоязычные поэты Индии – Амир Хусрав Дехлави, Мирзо Абдулкодир Бедиль, Зебуннисо, Мирзо Асадулло Голиб и Мухаммад Икбол – являются гордостью нашей всемирно известной и богатой литературы»⁴⁷⁵), но и подчеркивал, что «родной язык – таджикский – допустимо использовать в качестве второго языка богослужения, культурной и общественной деятельности... обретение таджикским языком столь высокого статуса стало важным фактором укрепления самосознания и развития культуры и цивилизации таджикского народа»⁴⁷⁶.

Другой фигурой, которая усилиями элит интегрируется в таджикский национальный пантеон, является Бободжан Гафуров, который позиционируется как «гениальный сын таджикской нации и выдающийся политический и государственный деятель»⁴⁷⁷. Усилиями современных политических элит Б. Гафуров превращен в таджикского националиста № 1 и главного защитника таджикских национальных интересов от посягательств соседей (имеются в виду узбеки, хотя открыто это нигде не упоминается) в советский период: «в период, насыщенный противоречиями и острой политической и научной борьбой, то есть в сложные и судьбоносные 30-е годы прошлого века, когда тысячи интеллигентов и образованных людей подвергались гонениям и лишениям, а тысячи других покидали Родину, Бободжон Гафуров, про-

⁴⁷⁴ Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

⁴⁷⁵ Рахмон Э. Великий имам и национальная самобытность...

⁴⁷⁶ Рахмон Э. Великий имам и национальная самобытность...

⁴⁷⁷ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

явив политическую и научную смелость... достойно выполнил свой сыновний долг перед народом и своим любимым Отечеством, заключавшийся в защите доброго имени таджикской нации, оберегании её богатой истории и культуры от злонамеренных искажений. Работая на посту первого руководителя Таджикистана, он не только прилагал целеустремлённые усилия по его всестороннему развитию и обустройству, но и написал “Краткую историю таджикского народа” и свой исторический шедевр, книгу “Таджики”, создав тем самым научную школу и заложив основы современной таджикской историографии. На основе сотен неопровержимых фактов и доказательств, опираясь на тысячи первоисточников, академик Гафуров доказал, что стоявшая у истоков культуры и цивилизации таджикская нация, совершенно не нуждается в сознательных искажениях истории, или, другими словами, в «сочинении» истории и самовозвеличивании»⁴⁷⁸.

Особое внимание акцентируется на роли Б. Гафурова, подвергнутого национальной канонизации (что проявилось в переиздании книги «Таджики» и ее переводе на таджикский язык), в укреплении таджикской идентичности: «Бободжон Гафуров достиг особых высот в установлении и доказательстве исторического места и роли, выдающихся достижений государственности таджиков, а также в пропаганде науки и культуры Востока на мировой арене»⁴⁷⁹. Исторические исследования Б. Гафурова воспринимаются как форма проявления национального чувства, как попытка укрепить национальную идентичность в советский период («“Таджики” являются комплексным и полным исследованием в области истории одного из древнейших народов мира, и автор, опубликовав плод своего более чем 30-летнего труда, доказал всему миру значение вклада наших предков в историю и цивилизацию человечества. Это произведение стало тем факелом, который пролил свет на тёмные и забытые страницы истории таджикской нации, пробудил чувства самопознания, национальной гордости и исторической памяти народ, вдохнув новый дух в самоотверженных сынов нации»⁴⁸⁰), что способствует закреплению за ним статуса одного из ведущих борцов против русификации.

⁴⁷⁸ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

⁴⁷⁹ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

⁴⁸⁰ Рахмон Э. Бободжан Гафуров и национальная самобытность...

Интерес современных элит к фигуре и наследию Б. Гафурова неслучаен. Стремясь интегрировать его в пантеон национальных героев, элиты фактически предпринимают попытку интегрировать советское прошлое в схему национальной таджикской истории. Более того, попытки канонизации Б. Гафурова показательны в условиях острого дефицита политического опыта и политической стабильности. В этом контексте наследие Б. Гафурова имеет символическое значение, так историк был и крупным политическим деятелем Таджикской ССР.

Президент Таджикистана прилагает определенные усилия к укреплению таджикской идентичности, что связано и с попытками формирования своеобразного национального пантеона исторических лидеров и отцов таджикской нации. Среди них особое место занимает Мавлоно Джалолоддина Балхи Руми, позиционируемый как «выдающийся мыслитель Востока», признанный «во всех уголках Востока и Запада как величайший поэт мысли, наследие которого на протяжении вот уже многих веков служит всему человечеству»⁴⁸¹, национальная канонизация которого состоялась, в том числе, и по инициативе президента: «с учётом исторических заслуг этого гениального сына таджикского народа в развитии литературы и культуры таджиков, роли его литературно-научного наследия в воспитании подрастающих поколений в духе самосознания, самопознания и национальной гордости, в Республике Таджикистан возникает новая традиция – почитать и славить величайших представителей культуры и истории нации»⁴⁸².

Особое внимание акцентируется на национальном, таджикском характере, поэтического наследия Мавлоно Джалолоддина Балхи Руми: «в произведениях Джалолоддина Балхи нашли яркое отражение идеи свободомыслия, укрепления национального духа и патриотизма, чувства гордости и самосознания... Мавлоно, подобно Рудаки, Фирдоуси, Носиру Хусраву и другим мастерам таджикско-персидской поэзии и литературы, отдавал дань уважения национальным ценностям, особенно традициям, героям про-

⁴⁸¹ Рахмон Э. Мавлоно – гениальный сын таджикского народа и человечества / Э. Рахмон. Телевизионное обращение, 30 сентября 2009 года // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=14299&Itemid

⁴⁸² Рахмон Э. Мавлоно – гениальный сын таджикского народа...

шлого, родному, то есть таджикскому языку, восхваляя их в своих произведениях»⁴⁸³. Процесс поиска национальных героев и выработка консолидированной версии национальной истории чрезвычайно важен в условиях развития постколониальных обществ, которые испытывают дефицит политической идентичности как средства консолидации государства и укрепления суверенитета.

В этом контексте история и исторические манипуляции играют роль важных инструментов для формирования идентичности, ее укрепления и в случае необходимости – унификации. В ряде случаев политические элиты Таджикистана движимы своеобразным постколониальным языковым пуризмом, стремясь очистить язык от заимствований, большинство из которых ассоциируются с негативным советским (и, поэтому, европейским) наследием: «настало, наконец, время, когда нам, подобно другим развитым и цивилизованным странам, следует озаботиться чистотой своего государственного языка, упорядочить включение любых новых элементов в язык на основе литературных норм и положить конец всяческим искажениям речи и правописания»⁴⁸⁴.

Анализируя языковой национализм в современном Таджикистане, во внимание следует принимать дискретное восприятие его истории политическими элитами. Предполагается, что в прошлом таджикский язык стал языком великой культуры и литературы, утратил свое значение в русский / советский период, вернув свои позиции только после обретения независимости. Политическая риторика правящих элит современного Таджикистана в целом развивается как постколониальная, основанная на критике колониального прошлого и стремлении объяснить современные проблемы именно в контексте этого (пост)колониального наследия. Языковой национализм со значительной силой проявляется как на этапе активного национального движения, так и в постколониальных государствах.

В условиях постколониальности, строительства национальной государственности лингвистический национализм является важным фактором национальной и политической консолидации,

⁴⁸³ Рахмон Э. Язык Мавлоно – язык человеческих сердец / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=14586&Itemid

⁴⁸⁴ Рахмон Э. «Настало время положить конец...»...

но в постколониальных странах национальный язык вынужден сосуществовать с языком бывшей метрополии. В этой ситуации усилия правящих элит могут быть направлены на вытеснение языка бывших колонизаторов и придания исключительного статуса национальному языку. Подобный сценарий, который реализуется в Таджикистане, стал возможен и в силу значительной степени консолидации таджикской нации, элиты которой склонны позиционировать Таджикистан не просто как бывшую советскую республику, но как национальное государство, что не исключает сотрудничества элит Таджикистана с элитами бывшей метрополии, если это не противоречит их интересам⁴⁸⁵.

Одна из центральных идей в выступлениях таджикского президента связана с необходимостью создания в Таджикистане консолидирующей политической идеологии, основанных не только на политических ценностях, но и на принципах морали: «если законы и установленные ими нормы регулируют права и свободы людей в обществе, то моральные нормы определяют их поведение и отношение друг к другу, семье, социальным группам и даже способствуют выполнению общественных договоров. Выполнение моральных норм зависит от совести каждого человека, обычаев, обрядов и традиций каждого народа и социальной группы. *В зависимости от степени развития общественной морали можно судить об уровне развития того или иного народа, той или иной страны. Насколько высока степень морали общества, настолько же хорошо в нём выполняются требования закона* [курсив мой – М.В.]. Кроме того, уровень развития общественной морали связан с устойчивостью и прочностью государства»⁴⁸⁶. С другой стороны, Э. Рахмон полагает, что подобная скрытая идеологическая унификация политического пространства связана с «национальными и религиозными ценностями таджикского наро-

⁴⁸⁵ См. например: Рахмон Э. «Возрождение энергетического братства». Выступление Президента республики Таджикистан Эмомали Рахмона на церемонии сдачи в эксплуатацию ГЭС «Сангтуда-1» / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=12656&Itemid

⁴⁸⁶ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=14367&Itemid

да»⁴⁸⁷ и, поэтому, не противоречит «строительству гражданского общества»⁴⁸⁸ в Таджикистане.

Анализируя политический язык современных элит в Таджикистане, следует принимать во внимание, что по степени развития авторитаризма республика явно уступает своим соседям, пытаясь синтезировать национальные ценности с ограниченным набором идей, почерпнутых из западного политического опыта: «в Таджикистане возродились многие культурные традиции и ценности, которые синтезировались с элементами современной культуры и стали важным средством пропаганды высокой нравственности»⁴⁸⁹. Предполагается, что авторитаризм сосуществует с «законами и кодексами, регулирующими свободы и свободную деятельность граждан, законами, направленными на социальную защиту населения, а также программами, которые реализуются в областях образования и культуры, способствуя повышению общественной нравственности и укреплению единства и сплочённости общества»⁴⁹⁰.

При этом правящие элиты отрицают авторитарный характер современного режима, акцентируя внимание на внешних атрибутах демократии, например – на многопартийности: «мы наблюдаем в республике свободную деятельность 8 партий и примерно 1,5 тысяч общественных организаций. Обеспечена их плодотворная деятельность, а важные вопросы жизни общества обсуждаются партиями и движениями в Общественном совете. Благодаря организации их деятельности, в Таджикистане укрепляются и развиваются элементы морали демократического общества»⁴⁹¹. Реальная роль политических партий в Таджикистане минимально, а их существования и функционирование пребывает в прямой зависимости от лояльности существующему политическому режиму. Таджикский авторитаризм позиционируется элитами как скорее вынужденная мера, чем постоянная политическая реальность.

⁴⁸⁷ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

⁴⁸⁸ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

⁴⁸⁹ Рахмон Э. Ислам осуждает тех, кто занимается обманом / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=12162&Itemid

⁴⁹⁰ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

⁴⁹¹ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

Правящие элиты акцентируют внимание на своеобразной гражданской институционализации авторитаризма, смягчаемого и уравновешенного законодательством европейского типа. В этом контексте примечательно то, что правильность и правомерность применения и использования политической идеологии таджикский президент ставит в прямую зависимость от стабильности и устойчивости государства, что имеет важное значение на фоне попыток правящих элит как можно в большей степени легитимизировать режим. Принятие подобных принципов означает не только признание верности и правильности авторитарного политического режима, но и делает ненужными и нелегитимными любые попытки его изменения.

Несмотря на декларирования и стремления политических элит Таджикистана строить светское государство, элиты, в условиях наличия угрозы со стороны радикального ислама⁴⁹², периодически вынуждены обращаться к исламу. Таджикский философ И. Асадуллаев подчеркивает, что современный Таджикистан «постепенно уходит в исламский мир, все больше и больше дистанцируясь от России»⁴⁹³. В частности, Э. Рахмон выступает в роли разъяснителя места и функции мечети в мусульманском мире: «мечеть является для мусульман одним из святилищ, местом служения Богу, самосознания и самопознания, совершения благих дел. Исконная миссия мечети заключается, прежде всего, в проповеди божественных знаний, что осуществляется посредством намаза и поклонения Всевышнему со стороны его подданных... миссия мечети и её служителей, являющаяся также одной из её важнейших обязанностей, заключается в пропаганде правдивости, здорового и разумного образа жизни, наставлении мусульман на благие и добрые дела, воспитании детей, укреплении уз дружбы, братства и единения между всеми мусульманами»⁴⁹⁴.

⁴⁹² О политическом исламе в Таджикистане см.: Олимова С. Политический ислам и конфликт в Таджикистане / С. Олимова // http://www.ca-c.org/journal/cac-05-1999/st_23_olimova.shtml

⁴⁹³ Наше главное достояние – общая ментальность // <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=887>

⁴⁹⁴ Рахмон Э. Мечеть должна быть местом, где мусульмане помогают друг другу. Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона на церемонии открытия соборной мечети в селении Туда Гиссарского района (4 октября 2009 года) / Э. Рахмон // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=14470&Itemid

В ряде своих выступлений президент Эмомали Рахмон цитирует «Коран»: «в священном Коране говорится: “Истинно, мы направили своих пророков с отличительными признаками и ниспослали с ними книгу и весы, чтобы люди действовали по справедливости”... Коран разъяснил добрые качества и достойное поведение: “Мы объяснили в Коране все слова, чтобы они (неверующие) вняли им, но это лишь увеличивает в них отвращение”»⁴⁹⁵. В ряде случаев сам президент Эмомали Рахмон выступает в качестве толкователя Корана и популяризатора ислама: «завтра утром в нашей стране, как и во всём мире ислама, начинается благословенный месяц рамадан 1429-го года лунной хиджры... ежегодно мусульманский народ нашей независимой страны встречает месяц с радостью и добрыми помыслами, стремясь приблизиться к Создателю посредством поста, послушания и служения Богу, проявления щедрости и совершения благих дел во имя обретения благосклонности Всевышнего... как все вы знаете, благородный месяц рамадан считается главным месяцем в году. Причина превосходства рамадана заключается в том, что именно в этот месяц Всевышний ниспослал своим подданным в качестве наставления Коран»⁴⁹⁶, видимо руководствуясь пониманием того, что государство в состоянии более эффективно провести исламизацию общества, чем это могут сделать сторонники радикального ислама.

Именно в последних политических элиты склонны видеть наиболее опасных конкурентов, полагая, что появление радикального ислама в большей степени вызвано не радикализацией мусульманской уммы, а социально-экономическими проблемами: «главным источником появления радикальных и экстремистских течений и движений являются многочисленные социальные проблемы, в том числе бедность, безработица, трудные жизненные условия, низкий образовательный уровень и т. п. Определённые внутренние политические силы придают этим проблемам религиозный характер и такими своими действиями открывают простор

⁴⁹⁵ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

⁴⁹⁶ Рахмон Э. «Милосердие – основа ханафитского мазхаба». Телевизионное обращение Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона по случаю начала священного месяца рамадан (21 августа 2009 года) // http://www.khovar.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=13103&Itemid

для подрывной деятельности несознательных и корыстолюбивых группировок»⁴⁹⁷.

В ряде выступлений Э. Рахмон непосредственно указывает на неправильность и пагубность радикализации уммы: «мечеть не должна становиться трибуной для проповеди экстремистских идей и взглядов, радикализма, фанатизма, суеверий, разногласий и раскола, а, напротив, она должна быть местом, где мусульмане получают наставления к сплочённости, улучшению жизни и оказанию помощи друг другу»⁴⁹⁸. При этом светские правящие элиты Таджикистана вынужденно пошли на уступки исламистам, начав ограниченную клерикализацию образования, что признается и самим Э. Рахмоном, констатирующим, что «новый закон о свободе совести создал все условия для верующих и их полноценного развития, расширения возможностей для богослужения и религиозного обучения»⁴⁹⁹.

Политические элиты Таджикистана, проводя политику умеренной исламизации, стремятся конструировать привлекательный образ ислама («сегодня в мировом пространстве активизировались попытки навязать идею о том, что, будто бы, ислам и его ценности не соответствуют современной демократии, а, напротив, являются непримиримым противником её. Между тем, богатая и древняя культура народов Востока, составной частью которой считается светлая религия ислама, вся наполнена идеями человеколюбия и гуманизма»⁵⁰⁰), настаивая на том, что исламские ценности не противоречат демократическим институтам.

В этом контексте заметным становится стремление таджикских элит позиционировать республику как светское государство европейского типа, несмотря на то, что большинство населения исповедует ислам. Подобные шаги элит следует, вероятно, воспринимать как реверанс в сторону сторонников политического ислама. С другой стороны, дабы не потерять контроль над политическим дискурсом элиты Таджикистана стремятся ограниченно политизировать ислам, институционализируя его в качестве

⁴⁹⁷ Рахмон Э. Великий имам и национальная самобытность...

⁴⁹⁸ Рахмон Э. Мечеть должна быть местом...

⁴⁹⁹ Рахмон Э. Великий имам и общечеловеческая мораль...

⁵⁰⁰ Рахмон Э. Мечеть должна быть местом...

одного из политических инструментов, используемых для консолидации общества.

Политические трансформации в Средней Азии в постсоветский период протекали болезненно. На смену идеологическому авторитаризму пришли модели политического устройства и управления, основанные на национальном авторитаризме. В Средней Азии после распада Советского Союза сложились государства, которые часть своих политических институтов унаследовали от СССР. Новые политические институты возникли в результате необходимости как легитимации, так и воспроизводства авторитарных политических режимов. В этой ситуации изменилась роль среднеазиатских национализмов.

Националистически ориентированные интеллектуалы, в отличие от своих коллег в Восточной Европе, от процесса формирования нового политического режима были фактически отстранены. Институционализация политической независимости вылилась в институционализацию политического авторитаризма. В Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане центральной и интегрирующей фигурой является политический лидер. Президенты среднеазиатских республик не обладают яркой политической харизмой. В их распоряжении аппарат государственного управления и принуждения, унаследованный от советского прошлого и приспособленный к реалиям независимости.

В эту модель вполне вписывается фигура президента как своеобразного отца нации, форматора политического пространства и главного теоретика национализма. Прогнозировать политические перемены, направленные на демократизацию Средней Азии в обозримой перспективе, не представляется возможным. Поэтому и в дальнейшем политические элиты будут играть значительную роль в формировании и функционировании среднеазиатских национализмов, а президенты, как лидеры элит, будут являться своеобразными посредниками между политическим классом и управляемым им массами, говоря с ними на доступном и понятном им языке национализма, который, в зависимости от ситуации, может быть как политическим, так и этническим.

ОТ СОВЕТСКОГО К НАЦИОНАЛЬНОМУ АВТОРИТАРИЗМУ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Среди авторитарных режимов, возникших в постсоветской Средней Азии, одним из наиболее уникальных по степени проявления и функционирования феномена авторитаризма, оказался режим Сапармурата Ниязова в Туркменистане⁵⁰¹. Авторитаризм в Туркменистане 1990-х – первой половины 2000-х годов генетически был связан с позднесоветским авторитарным режимом в Туркменской ССР. Эти политические перипетии государственной истории Туркменистана нашли свое отражение в выступлениях президента С. Ниязова, который подчеркивал, что «Туркменистан делает первые, а потому и самые трудные шаги на пути возрождения, а фактически формирования заново собственной суверенной истории и государственности. Она древняя, и богата событиями, но сегодня мы ее как бы продолжаем с чистого листа. И потому на нас не давит груз прошлых обид, бремя идеологий и фобий, политических штампов и национальных ярлыков»⁵⁰².

Дискретность в туркменской политической истории неоднократно подчеркивалась С. Ниязовым: «как же туркмены за свою пятитысячелетнюю историю построили свыше семидесяти государств? Как они управляли ими? А как они защищали свою страну в период восьмивековой безгосударственности?»⁵⁰³. Осоз-

⁵⁰¹ Об особенностях политических процессов в Туркменистане см.: Сапаров Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» / Н. Сапаров // <http://www.cac-s.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>

⁵⁰² Ниязов С. Туркмены, Туркменистан, мир: тысячелетия и XXI век, связь времен и цивилизаций. Статья, приуроченная к Ассамблее тысячелетия ООН / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1710163846

⁵⁰³ Ниязов С. «Хочешь быть великим, попытайся осмыслить величие Родины!». Выступление первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши на III съезде молодежной организации им. Махтумкули / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2607104011

нение того, что независимый Туркменистан оказался в состоянии глубокого политического кризиса в 1990-е годы привело не только к установлению в стране авторитарного политического режима, но и побудило правящие элиты попытаться выработать новую систему политических координат, отказавшись от коммунистической идеологии при чисто внешнем и декларативном принятии демократических ценностей. К моменту обретения независимости Туркменистан был не только бывшей советской периферией, но и в значительной степени традиционным регионом, отличительными признаками которого являлись «патриархальная социальная организация, разделенность социокультурного пространства по признакам клановости, землячества, отсутствие общегражданской самоидентификации, единого правового сознания»⁵⁰⁴. На смену коммунистической идеологии в Туркменистане пришли новые политические принципы, характерные для постколониальных обществ, что проявлялось, с одной стороны, в признании советского наследия, его последовательной критике и развитии идеи дискретности в развитии туркменской государственности. Туркменский национализм, который в советский период был вытеснен в сферу гуманитарных исследований, был подвергнут политизации и государственной институционализации. Отличительной особенностью развития политического пространства в Туркменистане стал синтез политического авторитаризма и туркменского национализма.

Среди форматоров нового националистического дискурса в Туркменистане был президент С. Ниязов. Туркменский национализм постсоветского периода по своей природе и политической риторике близок к национализмам других постколониальных обществ. Одной из центральных тем в функционировании националистического дискурса в Туркменистане в период президентства С. Ниязова была актуализация политической идентичности, точнее – попытка подобную политическую идентичность сформировать. Новая версия политической туркменской идентичности в версии С. Ниязова должна была базироваться не на верности и преданности коммунистической идеологии, а на

⁵⁰⁴ Сапаров Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» / Н. Сапаров // <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>

идее политической независимости и нейтралитета Туркменистана.

В 2005 году Сапармурат Ниязов подчеркивал, что Туркменистан «провозгласил свой нейтралитет сразу после обретения независимости, и это стало судьбоносным шагом для настоящего и будущего нации... Великая независимость, завоеванная в результате исторических переворотов конца прошлого века, открыла всем живущим на благословенной туркменской земле возможности для самостоятельного решения вопросов их собственной судьбы»⁵⁰⁵. В официальном политическом дискурсе Туркменистана идея нейтралитета получила исключительно позитивную оценку. Овез Гундогдыев подчеркивал, что «идея нейтралитета возникла не на пустом месте, президенту страны Сапармурату Ниязову удалось в современных условиях реализовать давнюю мечту туркменского народа о мирной жизни на своей земле и добрососедстве со всеми окружающими государствами»⁵⁰⁶. Комментируя подобные особенности развития политического дискурса в Туркменистане, Нияз Сапаров подчеркивает, что «с самого начала самостоятельного развития страны политическое руководство однозначно делало ставку на создание некоего незыблемого авторитета, на выработку некой национальной идеи. По замыслу руководства, население должно было ориентироваться на такой авторитет и на такую идею, вокруг них должна была сплотиться политическая элита»⁵⁰⁷.

Выступления С. Ниязова являются ценным источником по истории развития и функционирования политического и националистического воображения в постсоветском Туркменистане. Формирование нового облика страны отразилось и в языковой сфере, что вылилось в пуризм. Туркменский алфавит был переве-

⁵⁰⁵ Ниязов С. Нейтралитет – величайшее достижение нашего народа. Из Обращения Сапармурата Ниязова к соотечественникам по случаю 10-летия постоянного нейтралитета Туркменистана / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_1812123037

⁵⁰⁶ Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета / О. Гундогдыев // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0608085523.phtml?p_ident=ltext_0608085523.p_0608090415

⁵⁰⁷ Сапаров Н. Об особенностях туркменской «модели демократии» / Н. Сапаров // <http://www.ca-c.org/journal/cac-08-2000/26.saparov.shtml>

ден на латинскую графику, а туркменский язык, с одной стороны, при поддержке властей, с другой, благодаря оттоку русского населения, занял в Туркменистане монопольные позиции в сфере делопроизводства, государственной власти и образования. В этом отношении Туркменистан в значительной степени близок к другим динамично национализирующимся обществам на постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Национализация лингвистического дискурса осложнилась постколониальным статусом республики. Для страны, в которой практически сразу, по инерции, был установлен авторитарный режим, было недостаточным ограничиться провозглашением туркменского языка государственным.

В условиях авторитарного режима С. Ниязова изучение и восстановление, по мнению президента, подлинного туркменского языка было признано одной из важнейших задач государства: «старотуркменские слова, используемые в древних манускриптах, обязательно должны даваться со сноской, чтобы читатели приобщались к исконно туркменской речи. На телевидении начали давать толкование древних слов, встречающихся в “Рухнама”... к сожалению, молодежь не знает их. А ведь у нас прекрасный, сочный, красивый язык. Мы должны использовать эти слова в художественной литературе»⁵⁰⁸. В этом отношении независимый Туркменистан в определенной степени повторил опыт Советского Союза с периодическими интервенциями государственных лидеров в языковые и лингвистические дискуссии.

Конструируя новый политический имидж Туркменистана, С. Ниязов подчеркивал, что «наша Родина – независимый Туркменистан, осуществляя свою миролюбивую и подлинно гуманную политику, стремится к позитивному сотрудничеству со всеми государствами. Это ведь мечта всего человечества, чтобы на земле вместо войн, конфликтов, террора, насилия и грабежей царили мир и благоденствие, добро и согласие. И потому естественно и закономерно желание всякого разумного человека, каждой миролюбивой страны, любого сообщества видеть мир спокойным и

⁵⁰⁸ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас» (12 февраля 2004 года) // http://niyazov.sitcity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2702070824

бесконфликтным, пробудившим в народах дружбу и братство. Нейтральный Туркменистан всегда готов принимать самое активное участие во всех делах мирового сообщества, оказывать всяческое содействие тем инициативам, целью которых является сохранение и укрепление мира на земле»⁵⁰⁹.

Усилиями правящих элит, которые консолидировались вокруг фигуры первого президента независимого Туркменистана, формировался новый аттрактивный образ республики, рассчитанный в большей степени на внешнее потребление, чем на внутреннее использование. Если же речь заходила о внутреннем потреблении, то в данном случае интеллектуальное пространство формировалось в соответствии с канонами авторитарного политического дискурса: «мы живем в мирной стране, у нас дружный, сплоченный народ. Спокойную, созидательную жизнь нашего суверенного государства не сотрясают какие бы то ни было конфликты и скандалы. Народ наш законопослушен, ему хорошо известно, как должны проходить выборы. Поэтому избирательная кампания прошла организованно, на высоком уровне»⁵¹⁰. В рамках этой новой политической идентичности, которая фактически представляла собой новую версию идентичности туркменской социалистической нации, центральными ценностями были ценности лояльности, что вело к еще большей унификации политического пространства по сравнению с позднесоветским этапом в развитии Туркменистана.

В политическом языке С. Ниязова заметно влияние старого советского политического языка, основанного на принципах строгой идеологизации. Помимо трендов, призванных стимулировать лояльность туркмен режиму С. Ниязова, в своих выступлениях президент уделял особое внимание формированию образа

⁵⁰⁹ Ниязов С. Нейтралитет – величайшее достижение нашего народа. Из Обращения Сапармурата Ниязова к соотечественникам по случаю 10-летия постоянного нейтралитета Туркменистана / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_1812123037

⁵¹⁰ Ниязов С. До 2020 года выборы в туркменский Меджлис не будут проходить по партийным спискам. Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на первой сессии Меджлиса Туркменистана третьего созыва, 1 февраля 2005 года / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_0602102301

врага. В условиях авторитарного режима враги Туркменистана оказались в значительной степени персонифицированы, будучи представленными критиками и оппонентами С. Ниязова. Политическая оппозиция, по мнению С. Ниязова, представлена «провоковавшиеся проходимцами, преступниками и подлецами, которые, бежав от заслуженного наказания из своей страны, вознамерились изменить существующий конституционный строй и захватить в свои руки власть»⁵¹¹. В критике президентом политической оппозиции заложен и мощный постколониальный тренд: «террористы собирались создать временное правительство, возглавить которое должен был Шихмурадов, а Ханамов, Оразов, Ыклымов – войти в его состав. Все они – воры, абсолютно безнравственные и бесчестные люди, уличные преступники, тайком покинувшие страну. И вот эти-то проходимцы должны были встать во главе Туркменистана. Движимые корыстными и честолюбивыми помыслами, они действовали по наущению других стран, обещавших поддержку в обмен на часть богатств Туркменистана. Туркмен хотели уничтожить руками туркмен»⁵¹². По мнению С. Ниязова, туркменская оппозиция антинациональна, связана с Европой и бывшим центром – Российской Федерацией. В официальном политическом языке независимого Туркменистана оппозиция трансформировалась в главных врагов независимости, стремящихся реставрировать зависимый статус республики.

С другой стороны, для политических элит Туркменистана как постколониального государства характерно значительное стремление подчеркнуть свой суверенитет, актуализировать националистические чувства, в том числе и используя критику старого советского режима как недемократического: «во времена СССР наш парламент состоял из 364 членов. Но ни один из них не обладал никакими правами. Депутаты действовали по указке из

⁵¹¹ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14-15 августа 2003 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_0509083101

⁵¹² Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14-15 августа 2003 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_0509083101

центра, исполняли все предписания высших партийных органов. Самостоятельно принимать решения они не могли, и, конечно же, не имели никакого влияния ни на экономику Туркменистана, ни на его внутреннюю и внешнюю политику»⁵¹³. В 2001 году С. Ниязов в одном из своих выступлений акцентировал внимание на чуждости туркменам советского строя: «я жил в советские времена и смолоду видел угнетенное состояние моего народа, его духовную опустошенность и неверие в справедливость. И видел, и чувствовал это: люди не понимали смысла своей жизни, потому что существовало устойчивое убеждение – миром правят сильные»⁵¹⁴.

Антисоветские нарративы в выступлениях С. Ниязова могут быть рассмотрены как проявления постколониальной травмы туркмен, полученной ими после семидесяти лет советского авторитаризма, который в 1990-е годы трансформировался в национальный. В исполнении С. Ниязова антисоветская риторика звучала как в значительной степени антиколониальная: «во времена СССР в нашей республике не было ни одного приличного завода. Мы производили миллионы тонн хлопка, не имея при этом нормальной текстильной фабрики. Или же, добывая десятки миллионов тонн нефти, не имели ни одного нефтеперерабатывающего завода. Во времена СССР в год мы экспортировали 90 миллиардов кубометров газа. Только Туркменистану от всех этих богатств ничего не перепало»⁵¹⁵. В другом выступлении С. Ниязов подчеркивал, что «мы находились в составе СССР 70 лет. За

⁵¹³ Ниязов С. До 2020 года выборы в туркменский Меджлис не будут проходить по партийным спискам. Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на первой сессии Меджлиса Туркменистана третьего созыва, 1 февраля 2005 года / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_0602102301

⁵¹⁴ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общенационального движения «Галкыныш», 18 февраля 2001 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1810090215

⁵¹⁵ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на совместном заседании XIV Государственного Совета старейшин Туркменистана, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш», 14-15 августа 2003 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_0509083101

это время наша экономика пришла в упадок... за 70 лет в Туркменистане было построено всего два завода... все что производилось в Туркменистане – продукция химической промышленности, нефтепродукты, продукция газовой промышленности, хлопок распределялось из Москвы, нам не давали никаких отчетов... Туркменистан производил в 1960 году 17 млн. тонн нефти, 80-90 млрд. куб. м. природного газа. Мы собирали около 1 млн. тонн хлопка. Но перерабатывали мы только 3 процента от всего выращиваемого хлопка, выпуская пряжу или бязь, которую у нас тоже забирали, ссылаясь на военные нужды. Мы не получали от этого никакой выгоды...»⁵¹⁶.

В рамках политического дискурса 1990 – 2000-х годов СССР в туркменском политическом сознании трансформировался с метрополию, которая насильственно удерживала, угнетала и использовала экономические и природные ресурсы своей колонии – Туркменистана – не заботясь о его интересах. В 1990 – 2000-е годы политические элиты Туркменистана инициировали пересмотр истории туркмен. На смену в значительной степени денационализированной истории Туркменской ССР пришла национально ориентированная, в значительной степени – этноцентричная, история Туркменистана. Ревизии был подвергнут и советский период, в том числе - проблемы, связанные с национальным развитием туркмен, формированием туркменской нации: «советская эпоха довершила разрушение нации самым уязвимым для нее образом – заменой национальной государственности на государственность автократическую. Правящее советское государство не было заинтересовано в историческом возвышении коренного для этой земли народа, напротив, оно всячески подавляло его. Отчуждение материальных богатств велось одновременно с уничтожением духовных ценностей»⁵¹⁷.

⁵¹⁶ Нейтралитет Туркменистана: история, мировоззрение и государственная стратегия. Выступление Сапармурада Ниязова перед туркменскими студентами, 1 декабря 2000 года // http://niyazov.sitecity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2707094526

⁵¹⁷ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/lttext_0409164936.phtml?p_ident=lttext_0409164936.p_2308080510

В этих условиях в рамках политического и интеллектуального дискурса в Туркменистане начала доминировать националистическая версия исторического воображения, основанная не столько на рефлексии относительно прошлого (что, например, характерно для умеренных тактик формирования новых национальных образов прошлого в Центральной и Восточной Европе), но на его последовательной мифологизации, что вылилось в почти официальную институционализацию примордиальной парадигмы написания / описания истории Туркменистана. Эти тренды в политическом языке современного Туркменистана особенно интересны, если принимать во внимание специфику развития политического режима, который, в отличие от некоторых других постсоветских государств, не оказался подвержен демократизации, а наоборот – выбрал модель политического развития, основанную на укреплении и институционализации авторитарных тенденций, но не на старом коммунистическом идеологическом основании, а на новом националистическом бэк-граунде.

Анализируя политический язык независимого Туркменистана, во внимание следует принимать и то, что он в незначительно по степени глорификации элит отличался от политического языка в поздней Туркменской ССР. Об этом свидетельствуют, например, выступления президента С. Ниязова: «нейтралитет, пришедший на благословенную туркменскую землю вслед за великой независимостью, ставшей для каждого туркмена больше чем святыней, явился одним из самых важных и знаменательных событий нашей новейшей истории. Нейтральный статус открыл Туркменистану великий путь, овеянный победами и славой. Туркменистан, заявивший о себе как земля незыблемого мира, стабильности, единства и добрососедства, ознаменовал 10-летие своего постоянного нейтралитета крупными политическими победами, экономическими достижениями, подъемом духовной культуры»⁵¹⁸.

На фоне укрепления авторитарных тенденций и функционирования режима С. Ниязова как авторитарного, правящие

⁵¹⁸ Ниязов С. Нейтралитет – величайшее достижение нашего народа. Из Обращения Сапармурата Ниязова к соотечественникам по случаю 10-летия постоянного нейтралитета Туркменистана / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1812123037

элит активно пытались сформировать образ Туркменистана как демократического государства: «на протяжении всей истории человеческой цивилизации народы мира проходили различные периоды своего развития, которые сопровождались поиском путей становления государственности, самоутверждения, взлетами национального самосознания, всякого рода трансформациями. По сути дела все эти процессы составляют единую логическую цепь истории, приводным ремнем которых выступает стремление народов к обретению демократии и свободы, прочному миру и справедливости»⁵¹⁹. Лояльно настроенные истории прилагали немалые усилия, чтобы найти исторические истоки туркменской модели демократии⁵²⁰. Подобное и столь широкое использование демократической риторики в рамках авторитарного политического режима в значительной степени свидетельствует о постколониальном характере туркменской государственности 1990 – 2000-х годов. Для постколониальных обществ характерно использование политического языка, насыщенного заимствованиями из бывшей метрополии. Нередко это может быть язык бывшей доминирующей общности, но окрашенный националистическими настроениями нового активно институционализирующегося государства, которое ссылаясь на ценности демократии и прав человека, фактически может развиваться (и нередко – развивается) в рамках авторитарной политической модели.

Отличительной особенностью политического языка элит в Туркменистане 1990 – 2000-х годов стало активное использование исторической тематики, что было характерно и для позднесоветского политического дискурса. История использовалась как мощное средство для политической мобилизации, превратившись для элит Туркменистана в источник примеров для туркменской нации: «у туркмен богатое прошлое, они прошли долгий исторический путь. Это правда, что они трижды завоевывали большую часть мира. Начиная с Огуз хана и Горкута Ата, миром

⁵¹⁹ Ниязов С. Стратегическое партнерство во имя идеалов мира и гуманизма / С. Ниязов
http://niyazov.sitcity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_2508120239

⁵²⁰ Гундогдыев О. Древние традиции демократии туркмен / О. Гундогдыев // <http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/11/blog-post.html>

правили Тогрул бег, Чагры бег и другие»⁵²¹. Частые исторические мотивы в выступлениях С. Ниязова были призваны способствовать не только институционализации этноцентричной версии туркменской идентичности, но и утверждению своеобразного примордиализма: «наши предки сформировали принципы, которые позволили туркменам на протяжении долгих веков не только сохранить свои традиционные характеристики, но и с достоинством встречать вызовы времени. Туркменский народ является прямым наследником древнейших мировых цивилизаций и за долгие столетия своей истории, полной драматизма, триумфов и трагедий, туркмены накопили мощный духовный потенциал, сохранив при этом свою национальную самобытность»⁵²².

В этой ситуации усилиями форматоров и идеологов авторитарного режима вокруг туркменов формировался образ самой древней нации, древность которой имела и другое измерение – стабильность, что автоматически делало нелегитимными любые попытки пересмотреть те основания, на которых базировался режим С. Ниязова. Формирование подобной политической идентичности дало свои результаты, о чем свидетельствует сохранение авторитарной модели и после смерти первого президента Туркменистана в условиях проведения незначительных реформ. В другом своем выступлении С. Ниязов подчеркивал, что «Туркмены, прародителем которых был живший пять тысяч лет назад Огуз хан туркмен, оставили заметный след в становлении цивилизации на обширных территориях от Индии на востоке до Средиземноморья на западе. На своей земле они построили такие царства, как Анау, Алтындепе, Маргуш, Парфянское царство, империю сельджуков-туркмен, Куняургенчское туркменское государство – всего свыше 70 государств... со времен пророка Нуха (Ноя), даровавшего своему сыну Яфесину и его детям земли

⁵²¹ Выступление Президента Туркменистана Сапармурата Ниязова на открытии Туркменского национального центра культурного наследия «Мирас», 12 февраля 2004 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2702070824

⁵²² Ниязов С. Сохранение культурного наследия: исторический долг и государственная необходимость / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1810090732

Туркменистана, туркменский народ прошел огромный исторический путь»⁵²³.

Аналогичные нарративы представлены не только в выступлениях президента, но и в работах туркменских историков, что свидетельствует о доминировании в Туркменистане национальной парадигмы написания истории. В частности, О. Гундогдыев (заведующий отделом археологии и этнологии Государственного института культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана) утверждает в одной из своих откровенно апологетических статей, что среди туркменских племен древности были... скифы, сарматы, парфяне, гунны⁵²⁴. В других своих работах О. Гундогдыев «записал» в число туркменских племен тохар⁵²⁵ и алан⁵²⁶, чье индоевропейское происхождение не вызывает сомнений в академических кругах Европы и России. Овез Гундогдыев настаивает и на том, что тиверцы... также являлись туркменским племенем, а Киевская Русь была одним из туркменских государств, которое функционировало благодаря «огузо-туркменскому войску»⁵²⁷. Комментируя подобные концепции, В.А. Шнирельман подчеркивает, что О. Гундогдыев своими работами «расчищал место тюркоязычным народам в древнейшей истории человечества, где ортодоксальная наука их не находила»⁵²⁸.

«Исторические» концепции туркменских интеллектуалов играют значительную роль в функционировании современного

⁵²³ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общенационального движения «Галкыныш», 18 февраля 2001 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_1810090215

⁵²⁴ Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета / О. Гундогдыев // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0608085523.phtml?p_ident=ltext_0608085523.p_0608090415

⁵²⁵ Гундогдыев О. Туркменистан и Египет: связь народов / О. Гундогдыев // http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/05/blog-post_12.html

⁵²⁶ Гундогдыев О. «Бесстрашный лев», султан Бейбарс / О. Гундогдыев // <http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/09/blog-post.html>

⁵²⁷ Гундогдыев О. Туркменский след в древнерусской топонимике / О. Гундогдыев // <http://turkmenhistory.narod.ru/gund-toponomy.html>

⁵²⁸ Шнирельман В. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии / В. Шнирельман // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/sh8-pr.html>

туркменского национализма. Воспринимая в качестве одной из своих важнейших задач поиск доказательств того, что туркмены являются государственной нацией, туркменские националисты охотно объявляют некоторые государства древности туркменскими. Если нетуркменский характер великих цивилизаций не вызывает сомнений, то туркменские националисты «находят» следы прогрессивного влияния со стороны древнетуркменских племен. Туркменизировать историю Китая полностью оказалось не под силу туркменским националистически ориентированным историкам, тем не менее, они провозгласили, что в 231 году до н.э. Китай был объединен только благодаря усилиям... тюркских / туркменских воинов⁵²⁹. Категориями «тюркское» и «туркменское» националисты в современном Туркменистане оперируют весьма свободно, используя их как синонимы. Распространение подобных теорий и их популяризация туркменскими историками, отрицающими индоевропейское происхождение скифов и других народов Древности, в современном Туркменистане свидетельствует о значительном падении уровня исторических исследований.

Мифологизируя и национализируя историю, туркменские националистически ориентированные интеллектуалы стремятся записать если не в число предков туркмен, то, по меньшей мере, народов, с которыми контактировали прототуркмены, жителей Древнего Египта⁵³⁰. Подобные «исторические» конструкции не случайны: они призваны актуализировать политическую идентичность туркмен, показав причастность туркменских племен к великим государственно-политическим традициям древности. По мнению сторонников официальной национализированной и этноцентричной версии туркменской истории, «в XI в. наши предки создали Великую Туркмено-Сельджукскую империю на землях Хорезма, Хорасана, Афганистана, Ирана, Азербайджана, части Армении и Грузии, Ирака, Сирии, Палестины... иностранные авторы оставили множество добрых слов о туркменах-правителях Акгоюнлы – туркменского государства и Гарагоюнлы – туркменского государства, Туркмено-Османской империи, Де-

⁵²⁹ Гундогдыев О. Туркмено-китайские связи: взгляд сквозь тысячелетия / О. Гундогдыев // <http://turkmenhistory.blogspot.com/2006/05/blog-post.html>

⁵³⁰ Гундогдыев О. Туркменистан и Египет: связь народов / О. Гундогдыев // http://turkmenhistory.blogspot.com/2005/05/blog-post_12.html

лийского султаната... туркмены явились именно той силой, которая прекратила резню в мусульманской Азии между различными сектами и грудью встали на защиту населения всего Востока от нашествия крестоносцев»⁵³¹.

Туркменский президент С. Ниязов сознательно конструировал образ туркмен прошлого (к которым он причислял всех тюрок) как наиболее развитых и динамичных обществ: «главным условием силы и прогресса туркменских государств древности и средневековья, процветания и благополучия нации являлись их широкая открытость миру, приверженность постоянному диалогу с другими странами и народами»⁵³². Для С. Ниязова была характерно туркменоцентричное восприятие тюркизма. Именно поэтому он пытался связать наиболее значимые страницы в истории тюркского мира именно с туркменами: «границы Туркменского государства Сельджуков простирались от стен Китая до Египта, Малой Азии, Кавказа. Сельджуки происходят из туркменского племени кыныков... западные наследователи сельджукских туркмен в XIV-XIX веках основали большое государство в Турции... все они туркмены. Мы гордимся ими. Наши туркмены зародились при Огуз хане, умножились при Горкут Ата, создав по всему миру свои государства. Чтобы защищать свои земли, свою исламскую религию, воевали за них. Так туркменская нация мигрировала по всему миру»⁵³³.

В этом контексте заметно стремление пересмотреть роль Турции как лидера тюркского мира и поставить на ее место Туркменистан, но принимая во внимание специфику полити-

⁵³¹ Гундогдыев О. Размышления туркменского историка о глубинных корнях нейтралитета / О. Гундогдыев // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0608085523.phtml?p_ident=ltxt_0608085523.p_0608090415

⁵³² Нейтралитет Туркменистана: история, мировоззрение и государственная стратегия. Выступление Сапармурата Ниязова перед туркменскими студентами, 1 декабря 2000 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2707094526

⁵³³ Отрывки из выступления Сапармурата Ниязова на X совместном заседании Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты Туркменистана и Общественного движения «Галкыныш», 18 февраля 2001 года // http://niyazov.sitecity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_1810090215

ческого режима С. Ниязова и его политических наследников подобные попытки в значительной степени маргинальны. Форматоры нового интеллектуального пространства в Туркменистане играли роль, в значительной степени аналогичную роли восточно-европейских националистов XIX столетия, которые в условиях почти полного отсутствия академических знаний о прошлом своего народа, сознательно и намеренно конструировали, воображали этноцентричные версии прошлого, призванные обеспечить легитимность для политических процессов настоящего.

Усилиями политических лидеров Туркменистана формировался образ туркменской нации как нации-жертвы, которая несправедливо страдала от своих соседей: «за последние восемь веков в тысячах войн туркмены познали всю тяжесть лишений и жестокость раздоров. Восемь столетий окружающие их далекие и близкие государства, действуя по принципу “разделяй и властвуй”, разобщали туркменские племена, втягивали их в большие и малые войны»⁵³⁴. В этом контексте заметны попытки актуализировать националистическое и историческое воображение, направив его в том направлении, которое в наибольшей степени соотносилось бы с интересами политических элит. Именно поэтому из исторического дискурса сравнительно быстро были вытеснены столь характерные для советского периода протестно-революционные нарративы, призванные описать борьбу туркмен против несправедливой, по мнению советских идеологов, власти. Исторические сюжеты присутствовали и в выступлениях С. Ниязова: «с обретением независимости в 1991 году, туркменский народ, один из древнейших тюркских народов, чья история исчисляется более чем пятью тысячами лет, наполненных периодами триумфов и потерь, вступил в новую эру подлинного возрождения независимой туркменской государственности и возвращения на мировую арену из многовекового небытия древнейшей и богатейшей культуры нации»⁵³⁵.

⁵³⁴ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства / С. Ниязов // http://niyazov.sitecity.ru/ltext_0409164936.phtml?p_ident=ltext_0409164936.p_2308080510

⁵³⁵ Ниязов С. Стратегическое партнерство во имя идеалов мира и гуманизма / С. Ниязов

В условиях независимого Туркменистана актуализированными оказались проблемы, связанные с государственным прошлым, политическим опытом туркменских государств. В частности, С. Ниязов подчеркивал, что «история туркменского народа, помимо ее неоспоримой исполненности духовным опытом государствообразующей нации, показательна еще и тем, что контрастом своих эпох зримо отражает роль и значение государства в движении человеческой цивилизации. В туркменской истории сфокусирован опыт народа, познавшего наряду с расцветом государственности и ее полный упадок, и почти полное забвение национального духа»⁵³⁶. Подобные нарративы оказались в значительной степени востребованы в контексте попыток туркменских элит выстроить туркменскую нацию как политическое сообщество. С другой стороны, если в Туркменской ССР история была в значительной степени идеологически маркирована, то в независимом Туркменистане исторические акценты сместились в сторону написания национальной истории и позиционирования истории Туркменистана как национальной истории туркмен.

После смерти С. Ниязова политический дискурс в Туркменистане почти не изменился. Режим функционирует как авторитарный, но с некоторыми модификациями, в частности – с большей открытостью миру. Эта тенденция проявилась во второй половине 2000-х годов, когда возрос поток студентов из Туркменистана в российские университеты. Значительное число туркменских студентов «выбирает» экономические, технические, инженерные, медицинские специальности. Постсоветский Восток унаследовал от советских республик потребность в образованных кадрах, призванных создавать республикам имидж развитых стран. Ограниченное знакомство с русской культурой как региональной версией европейской способствует некоторой европеизации среднеазиатских студентов в России. Вернувшись в свои республики, они могут обрести репутацию европейцев. Среднеазиатские государства охотно перенимают российский и европейских экономиче-

http://niyazov.sitcity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2508120239

⁵³⁶ Ниязов С. Некоторые мысли, которые мне захотелось высказать о структуре независимого нейтрального Туркменского государства / С. Ниязов // http://niyazov.sitcity.ru/ltxt_0409164936.phtml?p_ident=ltxt_0409164936.p_2308080510

ский, технический опыт, строго и ревностно охраняя политическую сферу от проникновения западных тенденций. Подобная политическая стратегия правящих элит только подчеркивает постколониальный колорит Средней Азии...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НАЦИОНАЛИЗМЫ: ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ, УНИКАЛЬНОСТЬ, СЕРИЙНОСТЬ

XX столетие вошло в историю Средней Азии как век модернизации, точнее – принудительной попытки радикальной перестройки местных политических и культурных институтов институтами европейского типа. Среднеазиатские, которые на протяжении XX века протекали в рамках авторитарной советской, а после распада СССР – национальной недемократической модели, модернизации обладают рядом особенностей.

Модернизация Средней Азии представляла собой совокупность перемен, искусственно проводимых по инициативе центра, направленных на создание в регионе таких структур управления, которые позволяли бы в максимальной степени контролировать республики. Модернизация стала тем обществоформирующим процессом, который в этих регионах, расположенных на периферии пространства, известного русским / советским интеллектуалам как европейцам, пришел на смену традиционным нормам, обычаям и тем институтам, которые формировали традиционное общество, гарантируя и обеспечивая его существование, функционирование и воспроизводство.

Традиционное общество в Средней Азии существовало на протяжении нескольких столетий. Поэтому, оно отличалось немалым адаптивным потенциалом. Особенности традиционализма, среди которых значительная статичность, крайне слабая восприимчивость к новациям и изменениям, а так же внешним влиянием, предопределили поражение балканского и закавказского вариантов традиционализма в противостоянии с национализмом. Модернизация и традиция, таким образом, перманентные исторические конкуренты. В противостоянии местных традиционализмов, как устойчивых, но локальных, явлений и феноменов традиция оказалась не в состоянии противостоять национализму, который предлагал политические идеи, претендовавшие на историческую универсальность.

Ситуация осложнялась, что в ходе истории Средняя Азия была завоевана Российской Империей, а позднее вошла в состав Советского Союза, об имперском статусе которого в научной литературе не существует единого мнения. Колониальность способствовала консервации среднеазиатского традиционализма. В рамках советской модели гуманитарного знания Средняя Азии представляла как Восток, подвергнутый модернизации, что позволила региону перейти от традиционности в модерность. В советском интеллектуальном дискурсе использовалась иная терминология: традиционность описывалась в категориях феодализма, а модерность – социализма. Советская модель модернизации, будучи авторитарной, проводилась сверху, реализуясь принудительно.

С другой стороны, модернизационные процессы были связаны с разрушением старых, в значительной степени традиционных институтов, которые не вписывались и не подлежали интеграции в официальный советский идеологический дискурс. Модернизационные процессы в Средней Азии в советский период были связаны с развитием среднеазиатских национализмов. Национализмы были мощными как идеологическими, так и институциональными факторами, которые способствовали модернизации. Именно в рамках модернизации были выстроены, институционализированы, воображены новые советские нации.

Советское националистическое воображение было тесно связано с административным. Поэтому в результате институционализации советских республик национальные границы не совпадали с национальными, что заложило основы для национальных противоречий между таджикскими и узбекскими интеллектуалами. Создание современных наций в Средней Азии было осложнено, точнее – отягощено, наличием множественных идентичностей. Это не позволило националистам в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане культивировать идею, как политической нации, так и нации как этнически гомогенного сообщества, что было связано с подвижностью и трансформационностью идентичностей домодерных обществ.

Не следует преувеличивать прогрессивное значение модернизации Средней Азии в виду того, что процесс строительства наций и формирования националистического дискурса в этих регионах далек от своего завершения. Это выразилось в сосущество-

вовании разных идентичностей, отличных идентичностных проектов и конкуренции этнически и политически ориентированного националистического опыта. В этой ситуации идентичность различных поколений жителей, например Самарканда и Бухары, могла быть разнообразной и отличной друг от друга, трансформируясь из таджикской в узбекскую.

В результате среднеазиатские национализмы оказались в меньшей степени гражданскими, политическими, но в большей степени – этническими. Примат этничности неизбежно выливается в радикализацию националистического дискурса: история таджикского и узбекского национализмов в XX веке предстает как конкуренция различных идентичностных проектов, наполненных как политическими, так и этническими дискурсами. Идентичность в Средней Азии к моменту начала реализации советской авторитарной модели модернизации являлась в большей степени традиционной. Трансформация традиционных идентичностей в модерновые было связано с проведением советской модернизации. Таджикская, туркменская и узбекская идентичности были созданы искусственно усилиями, как местных, так и советских русских интеллектуалов и позднее интегрированы в советский политический контекст. В этом контексте среднеазиатские национализмы представляют классические случаи развития «воображаемых сообществ».

Модернизация Средней Азии, проведенная в рамках авторитарной модели, что вылилось в создание советских республик, как формы институционализации социалистических наций Советского Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, стала важнейшим и мощнейшим двигателем и стимулом для социальных изменений, социальных перемен, которые в первую очередь затрагивали традиционные типы идентичности, радикально меняя и перестраивая их, разрушая традиционные формы социальной и культурной коммуникации. Советский проект политической модернизации для Средней Азии оказался незавершенным.

С одной стороны, это было вызвано множественностью идентичностей, сложностью идентичностных трансформаций, что осложняло формирование гражданских наций. С другой, процесс завершения модернизации и складывания гражданских политических наций был осложнен длительным развитием в рамках

советской авторитарной модели, которая не ликвидировала традиционализм, а наоборот способствовала его институционализации.

Восточный национализм, точнее – восточные национализмы, в этой ситуации стали, с одной стороны, результатом неудачного переноса на Восток западного политического опыта, с другой, стремлением восточных интеллектуалов, используя опыт европейского национализма, провести модернизацию и достигнуть независимости от Запада. В результате и европейские колонизаторы (независимо от британского, французского или немецкого культурно-политического бэк-граунда), и восточные националисты фактически преследовали одни и те же цели политической и культурной модернизации, идя к ним различными путями: европейцы – колониализма и европейского доминирования, а восточные элиты – исламского протеста и восточного национализма, который нередко восточным был только в силу своего географического распространения на Востоке, а в сфере методов и политического языка – развивался как совокупность европейских или европеизированных политических трендов.

В результате после распада СССР среднеазиатские республики не пережили процесс политического транзита, что было вызвано трансформацией советского авторитаризма в национальный. Политический и исторический опыт среднеазиатских республик как поставторитарных и постколониальных сообществ свидетельствует не только об универсальности принципов национализма и националистического воображения, но и о том, что идеи европейской демократии, гражданского общества и политического национализма не столь универсальны как ценности авторитаризма и традиционализма.

АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В нижеприведенной Аннотированной Библиографии представлены работы, которые, по мнению автора, имеют принципиальное значение при анализе феноменов национализма, идентичности и постколониальности. Более полная Библиография работ, использованных автором, доступна в примечаниях в соответствующих разделах настоящей монографии.

1. Абашин С. Национализмы в Средней Азии в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007.

Одно из немногих российских исследований, посвященных проблемам развития идентичности и национализма в Средней Азии. Написано на стыке постсоветских и западных исследовательских практик, на грани этнографических и политических методов. Является ценным введением в проблему изучения среднеазиатских национализмов.

2. Адамс Л. Применима ли постколониальная теория к Центральной Евразии? / Л. Адамс // <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/am5.html>

Русскоязычная версия статьи, посвященной методологическим проблемам изучения Средней Азии, в том числе – и среднеазиатских национализмов. Демонстрирует одну из возможных моделей изучения среднеазиатских идентичностей и националистических движений.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
4. Андерсон Б. Західний націоналізм і східний націоналізм: чи є між ними різниця / Б. Андерсон // І. Незалежний культурологічний часопис. – 2003. – Число 28.
5. Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2.

Монография и две статьи американского исследователя, которые применимы к изучению среднеазиатских национализмов. Книга, изданная впервые на английском языке в 1983 году, является классической. Статьи также являются ценным подспорьем для исследователей восточного национализма.

6. Gellner E. Muslim Society / E. Gellner. – Cambridge, 1983.
7. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

8. Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М., 2002.
9. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200.
10. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 2004.

Классические книги Э. Геллнера. Вторая работа принадлежит к числу наиболее часто цитируемых исследований о национализме. Первая работа в России известна гораздо меньше, но демонстрирует еще одну грань, исламоведческую, научно-го наследия британского социолога.

11. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. – М., 2004.

Одна из классических работ, посвященных формированию и функционированию образов другого / чужого в контексте развития национализма.

12. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.

Русский (не совсем удачный) перевод классической работы Эдварда Саида, положившей начало постколониальному анализу.

13. Шнирельман В. Ценность прошлого. Этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В. Шнирельман // Реальность этнических мифов / ред. М.Б. Олкотт, А. Малашенко. – М., 2000. – С. 12 – 33 // <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/shnirelman-1.htm>
14. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003.
15. Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором / В.А. Шнирельман // Acta Eurosica. – 2002. – No 4. – С. 128 – 147.
16. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006. – 696 с.

Четыре работы российского исследователя, методологически близкие к аналогичным англоязычным работам. Ценнейшее введение в проблемы отношения истории как науки и национализма как политической идеологии.

Научное издание

Кирчанов Максим Валерьевич

[Пост]колониальные ситуации:
среднеазиатские национализмы в контексте
политических модернизаций

Монография

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать 23.01.2009 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8, ауд. 105, 107
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02
